

Демографическое обозрение

электронный
научный журнал

Том 3, № 3, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Демографическая политика

СКРОМНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПРОНАТАЛИСТСКОЙ ПОЛИТИКИ НА ФОНЕ ДОЛГОВРЕМЕННОЙ ЭВОЛЮЦИИ РОЖДАЕМОСТИ В РОССИИ. ЧАСТЬ 1

СЕРГЕЙ ЗАХАРОВ

Аналитика

СМЕРТНОСТЬ В МОСКВЕ И ДРУГИХ МЕГАПОЛИСАХ МИРА: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ

ЕВГЕНИЙ АНДРЕЕВ, ЕКАТЕРИНА КВАША, ТАТЬЯНА ХАРЬКОВА

ВЛИЯНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ НА СИСТЕМУ ЧАСТНЫХ МЕЖПОКОЛЕННЫХ ТРАНСФЕРТОВ

АННА МИРОНОВА

Региональные исследования

ОМОЛОЖЕНИЕ МАТЕРИНСТВА В ДАГЕСТАНЕ: ТЕНДЕНЦИЯ ИЛИ АРТЕФАКТ?
(ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ОБСЛЕДОВАНИЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ)

КОНСТАНТИН КАЗЕНИН, ВЛАДИМИР КОЗЛОВ

ТАТАРЫ РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ В XX ВЕКЕ: РАССЕЛЕНИЕ, ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ,
НАПРАВЛЕНИЯ МИГРАЦИЙ

РЕНАТ ТЕМИРГАЛЕЕВ

Источники данных

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕГИСТРОВ НАСЕЛЕНИЯ ДЛЯ УЧЕТА И АНАЛИЗА
НЕЗАРЕГИСТРИРОВАННЫХ БРАКОВ

ЕКАТЕРИНА ТРЕТЬЯКОВА, АЛЛА МАКАРЕНЦЕВА

Новое в зарубежных журналах

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ДАЙДЖЕСТ

ИЛЬЯ КАШНИЦКИЙ

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ • DEMOGRAPHIC REVIEW

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Е.М. АНДРЕЕВ
А. БЛЮМ (Франция)
А.Г. ВИШНЕВСКИЙ
М.Б. ДЕНИСЕНКО
В.В. ЕЛИЗАРОВ
С.В. ЗАХАРОВ
С.Ф. ИВАНОВ
А.Е. ИВАНОВА

М.А. КЛУПТ
Н.В. МКРТЧЯН
Л.Н. ОВЧАРОВА
А.И. ПЬЯНКОВА
С.Ю. РОЩИН
С.А. ТИМОНИН
А.И. ТРЕЙВИШ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Б. АНДЕРСОН (США)
И.И. ЕЛИСЕЕВА
Н.В. ЗУБАРЕВИЧ
Э.М. ЛИБАНОВА (Украина)
Т.М. МАКСИМОВА
Ф. МЕЛЕ (Франция)
С.Ю. НИКИТИНА
В. СТАНКУНЕНЕ (Литва)
В.М. ШКОЛЬНИКОВ (Германия)

О.Е. ГАГАУЗ (Молдавия)
Ж.А. ЗАЙОНЧКОВСКАЯ
В.А. ИОНЦЕВ
М. ЛИВИ БАЧЧИ (Италия)
Т.М. МАЛЕВА
Б.Н. МИРОНОВ
З. ПАВЛИК (Чешская Республика)
М. ТОЛЬЦ (Израиль)
С.Я. ЩЕРБОВ (Австрия)

РЕДАКЦИЯ:

Главный редактор – Анатолий Григорьевич ВИШНЕВСКИЙ
Заместитель главного редактора – Сергей Андреевич ТИМОНИН
Ответственный секретарь редакции – Анастасия Ивановна ПЬЯНКОВА
Корректор - Наталия Станиславовна ЖУЛЕВА
Компьютерная вёрстка и графика – Кирилл Владимирович РЕШЕТНИКОВ

Журнал зарегистрирован 13 октября 2016 года Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл № ФС77-67362.

ISSN 2409-2274

Адрес редакции:

109028 Россия, г. Москва, Большой Трёхсвятительский пер., дом 3, офис 303
Телефон: 8-495-772-95-90*11864 / *11824
www.demreview.hse.ru
E-mail: demreview@hse.ru

Выпускается ежеквартально. Издается с 2014 года.

**Все рукописи проходят обязательное предварительное рецензирование.
Позиция Редакции не обязательно совпадает с мнением авторов.
Перепечатка материалов возможна только по согласованию с Редакцией.**

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ • DEMOGRAPHIC REVIEW

EDITORIAL BOARD:

E. ANDREEV
A. BLUM (France)
A. VISHNEVSKY
M. DENISSENKO
V. ELIZAROV
S. ZAKHAROV
S. IVANOV
A. IVANOVA

M. KLUPT
N. MKRTCHYAN
L. OVCHAROVA
A. PYANKOVA
S. ROSCHIN
S. TIMONIN
A. TREIVISCH

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL:

B. ANDERSON (USA)
I. ELISEEVA
N. ZUBAREVICH
E. LIBANOVA (Ukraine)
T. MAKSIMOVA
F. MESLÉ (France)
S. NIKITINA
V. STANKUNIENE (Lithuania)
V. SHKOLNIKOV (Germany)

O. GAGAUZ (Moldova)
Z. ZAYONCHKOVSKAYA
V. IONTSEV
M. LIVI BACCI (Italy)
T. MALEVA
B. MIRONOV
Z. PAVLIK (Czech Republic)
M. TOLTS (Israel)
S. SCHERBOV (Austria)

EDITORIAL OFFICE:

Editor-in-Chief - Anatoly G. VISHNEVSKY
Deputy Editor-in-Chief - Sergey A. TIMONIN
Managing Editor – Anastasia I. PYANKOVA
Proofreader - Natalia S. ZHULEVA
Design and Making-up - Kirill V. RESHETNIKOV

The journal is registered on October 13, 2016 in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media. Certificate of Mass Media Registration ЭЛ № ФС77-67362.

ISSN 2409-2274

Editorial address:

Bolshoy Trekhsvyatitelskiy lane 3, office 303, Moscow, 109028, Russia
Phone: 8-495-772-95-90 * 11864 / *11824
www.demreview.hse.ru
E-mail: demreview@hse.ru

Released quarterly. Published since 2014.

All manuscripts are obligatory peer-reviewed.

**Editorial office position does not necessarily coincide with the views of the authors.
Reproduction of any materials is possible only by agreement with the editorial office.**

СОДЕРЖАНИЕ
Сентябрь 2016, Т.3, №3

Демографическая политика

СКРОМНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПРОНАТАЛИСТСКОЙ ПОЛИТИКИ НА ФОНЕ ДОЛГОВРЕМЕННОЙ ЭВОЛЮЦИИ РОЖДАЕМОСТИ В РОССИИ. ЧАСТЬ 1	6-38
<i>Сергей Захаров</i>	

Аналитика

СМЕРТНОСТЬ В МОСКВЕ И ДРУГИХ МЕГАПОЛИСАХ МИРА: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ	39-79
<i>Евгений Андреев, Екатерина Кваша, Татьяна Харьковская</i>	

ВЛИЯНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ НА СИСТЕМУ ЧАСТНЫХ МЕЖПОКОЛЕННЫХ ТРАНСФЕРТОВ	80-99
<i>Анна Миронова</i>	

Региональные исследования

ОМОЛОЖЕНИЕ МАТЕРИНСТВА В ДАГЕСТАНЕ: ТЕНДЕНЦИЯ ИЛИ АРТЕФАКТ? (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ОБСЛЕДОВАНИЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ)	100-123
<i>Константин Казенин, Владимир Козлов</i>	

ТАТАРЫ РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ В XX ВЕКЕ: РАССЕЛЕНИЕ, ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ, НАПРАВЛЕНИЯ МИГРАЦИЙ ...	124-146
<i>Ренат Темиргалеев</i>	

Источники информации

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕГИСТРОВ НАСЕЛЕНИЯ ДЛЯ УЧЕТА И АНАЛИЗА НЕЗАРЕГИСТРИРОВАННЫХ БРАКОВ	147-169
<i>Екатерина Третьякова, Алла Макаренцева</i>	

Новое в зарубежных журналах

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ДАЙДЖЕСТ	170-188
<i>Илья Кашницкий</i>	

- Murphy M. *The Impact of Migration on Long-Term European Population Trends, 1850 to Present*
- Kelle J., A.O. Haller. *Who Benefits from Economic Growth? Work and Pay in Brazil*
- Victora C.G., R. Bahl, A.J.D. Barros, G.V.A. França, S. Horton, J. Krusevec, S. Murch, M.J. Sankar, N. Walker, N.C. Rollins. *Breastfeeding in the 21st century: epidemiology, mechanisms, and lifelong effect*
- Stillwell J., M. Thomas. *How far do internal migrants really move? Demonstrating a new method for the estimation of intra-zonal distance*
- Marjavaara R., E. Lundholm. *Does Second-Home Ownership Trigger Migration in Later Life?*
- Bell M., E. Charles-Edwards, P. Ueffing, J. Stillwell, M. Kupiszewski, D. Kupiszewska. *Internal Migration and Development: Comparing Migration Intensities Around the World*
- Goujon A., S. KC, M. Speringer, B. Barakat, M. Potancoková, J. Eder, E. Striessnig, R. Bauer, W. Lutz. *A harmonized dataset on global educational attainment between 1970 and 2060 – an analytical window into recent trends and future prospects in human capital development*
- Cooray A., F. Schneider. *Does corruption promote emigration? An empirical examination*
- Ueffing P., F. Rowe, C.H. Mulder. *Differences in Attitudes towards Immigration between Australia and Germany: The Role of Immigration Policy*

CONTENTS
September 2016, 3(3)

Demographic policy

THE MODEST RESULTS OF THE PRONATALIST POLICY AGAINST THE BACKGROUND OF LONG-TERM EVOLUTION OF FERTILITY IN RUSSIA. PART 1	6-38
<i>SERGEI ZAKHAROV</i>	

Analytics

MORTALITY IN MOSCOW AND OTHER MEGACITIES OF THE WORLD: SIMILARITIES AND DIFFERENCES	39-79
<i>EVGENY ANDREEV, EKATERINA KVASHA, TATIANA KHARKOVA</i>	

INFLUENCE OF DEMOGRAPHIC TRANSFORMATION IN THE SYSTEM OF PRIVATE INTERGENERATIONAL TRANSFERS	80-99
<i>ANNA MIRONOVA</i>	

Regional research

REJUVENATION OF THE MOTHERHOOD IN DAGESTAN: A TENDENCY OR AN ARTEFACT? (THE PRELIMINARY RESULTS OF THE RURAL POPULATION SURVEY)	100-123
<i>KONSTANTIN KAZENIN, VLADIMIR KOZLOV</i>	

TATARS OF THE RYAZAN REGION IN THE XX CENTURY: GEOGRAPHY OF SETTLEMENT, POPULATION DYNAMICS, MIGRATION TRENDS	124-146
<i>RENAT TEMIRGALEEV</i>	

Sources of information

THE USE OF POPULATION REGISTERS FOR RECORDING AND ANALYSIS OF COHABITATION.....	147-169
<i>EKATERINA TRETYAKOVA, ALLA MAKARENTSEVA</i>	

New in foreign journals

DEMOGRAPHIC DIGEST	170-188
<i>Ilya Kashnitsky</i>	

- Murphy M. *The Impact of Migration on Long-Term European Population Trends, 1850 to Present*
- Kelle J., A.O. Haller. *Who Benefits from Economic Growth? Work and Pay in Brazil*
- Victora C.G., R. Bahl, A.J.D. Barros, G.V.A. França, S. Horton, J. Krasevec, S. Murch, M.J. Sankar, N. Walker, N.C Rollins. *Breastfeeding in the 21st century: epidemiology, mechanisms, and lifelong effect*
- Stillwell J., M. Thomas. *How far do internal migrants really move? Demonstrating a new method for the estimation of intra-zonal distance*
- Marjavaara R., E. Lundholm. *Does Second-Home Ownership Trigger Migration in Later Life?*
- Bell M., E. Charles-Edwards, P. Ueffing, J. Stillwell, M. Kupiszewski, D. Kupiszewska. *Internal Migration and Development: Comparing Migration Intensities Around the World*
- Goujon A., S. KC, M. Springer, B. Barakat, M. Potancoková, J. Eder, E. Striessnig, R. Bauer, W. Lutz. *A harmonized dataset on global educational attainment between 1970 and 2060 – an analytical window into recent trends and future prospects in human capital development*
- Cooray A., F. Schneider. *Does corruption promote emigration? An empirical examination*
- Ueffing P., F. Rowe, C.H. Mulder. *Differences in Attitudes towards Immigration between Australia and Germany: The Role of Immigration Policy*

СКРОМНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПРОНАТАЛИСТСКОЙ ПОЛИТИКИ НА ФОНЕ ДОЛГОВРЕМЕННОЙ ЭВОЛЮЦИИ РОЖДАЕМОСТИ В РОССИИ . ЧАСТЬ 1

СЕРГЕЙ ЗАХАРОВ

В российском экспертном сообществе и медийном пространстве распространена точка зрения о необыкновенном росте рождаемости в России, который свидетельствует о положительных результатах действия специальных мер по материальному стимулированию рождаемости, принятых государством после 2006 г.

Точка зрения автора статьи более сдержана. Некоторые положительные подвижки действительно имеются, но значимость их совершенно недостаточна, чтобы смотреть на будущее российской рождаемости и воспроизводство населения страны с оптимизмом.

В статье дается общий обзор тенденций основных характеристик рождаемости за несколько десятилетий включая данные за 2014 г. Автор продолжает свои прежние исследования в области углубленного демографического анализа российской рождаемости и методологии анализа показателей рождаемости для реальных поколений с целью получения более надежных перспективных оценок.

Статья состоит из двух взаимосвязанных частей.

В этом номере журнала автор рассматривает показатели рождаемости для условных поколений (календарных лет) с учетом новейших изменений в структурных характеристиках российской модели рождаемости, произошедших за последние несколько десятилетий.

Во второй части статьи, которую читатель найдет в следующем номере журнала, речь пойдет о показателях рождаемости для реальных поколений женщин, фактическая и ожидаемая репродуктивная активность которых приходится на вторую половину XX – первые десятилетия XXI века.

Ключевые слова: *рождаемость, очередность рождения, рождаемость условных поколений, рождаемость реальных поколений, прогноз рождаемости, демографическая политика, пронаталистская семейная политика в России.*

СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ЗАХАРОВ (szakharov@hse.ru), НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ», РОССИЯ.

Статья подготовлена по результатам исследовательского проекта «Тенденции демографического развития России в 2005–2015 гг. в контексте долговременных демографических трендов», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2016 г.

Статья поступила в редакцию в апреле 2016 г.

ВВЕДЕНИЕ

В российском обществе распространена поддерживаемая рядом экспертов точка зрения о значительном росте рождаемости в России, который свидетельствует о положительных результатах действия специальных мер по ее повышению. Напомним, что отправной точкой активизации демографической политики стало послание Президента Путина Федеральному Собранию (10 мая 2006 г.), в котором было заявлено о программе материального стимулирования рождаемости¹. В 2007 г. в России были существенно увеличены пособия в период отпуска по уходу за ребенком до полутора лет, а также введены такие пособия для неработающих женщин, расширились льготы, снижающие оплату услуг в детских дошкольных учреждениях, а также появилась такая инновационная мера, как широко известный «материнский капитал» для родивших второго ребенка (третьего и последующего, если рождение второго ребенка произошло до 2007 г.). Именно этой мере многими специалистами и политиками придается значение особого стимула для рождения детей. В дальнейшем все финансовые меры ежегодно индексировались с учетом инфляции, что беспрецедентно в российской истории, а сам спектр льгот и стимулов расширялся и обретал региональную специфику (См.: [Население России... 2010; 2011; 2014; 2015]).

Министр труда и социальной защиты РФ М. Топилин в феврале 2016 г. заявил, что на старте демографической программы в 2006 г. коэффициент суммарной рождаемости был равен 1,3, а «в 2015 году этот показатель составил 1,8, что превышает показатели большинства европейских стран. Мы близки к тому, чтобы обеспечивать нормальное воспроизводство населения»². Имеют ли демографы достаточные основания, чтобы поддерживать повышенный оптимизм, свойственный сегодня политикам и чиновникам разного уровня?

В моих предыдущих работах последовательно излагались результаты: а) описательного анализа социологических данных, показывающих изменения намерений и степень их реализации в отношении рождения детей по результатам трех волн выборочного исследования РиДМиЖ/RusGGS³, проведенного в 2004, 2007 и 2011 гг. [Население России... 2013: 309-317]; б) анализа различных статистических индикаторов, призванных

¹ Послание Федеральному Собранию Российской Федерации //Российская газета - Федеральный выпуск №4063.11.05.2006. URL: <http://rg.ru/2006/05/11/poslanie-dok.html> (дата обращения 04.04.2016).

² Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. URL: <http://www.rosmintrud.ru/social/290> (дата обращения 20.02.2016).

³ «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РиДМиЖ/RusGGS) является частью международного исследовательского проекта сравнительных исследований «Generations and Gender Programme» («Программа поколения и гендер»), координатором которого выступает Европейская экономическая комиссия ООН при поддержке международного консорциума научно-исследовательских центров (См: <http://www.unecsc.org/ead/pau/ggp/Welcome.html>). Всего в России было проведено три волны опроса в 2004, 2007 и 2011 г., в каждой из которых было опрошено более 11 тыс. респондентов обоего пола в возрасте 18 лет и старше (панельная составляющая опрошенных повторно в 2007 и 2011 г. – более 7 тыс.), представляющих городское и сельское население 32 субъектов Российской Федерации, включая Москву и Санкт-Петербург. В России исследование РиДМиЖ/RusGGS координировалось Независимым институтом социальной политики (НИСП, Москва), директор программы – О.В. Сиянская, научный руководитель – С.В. Захаров. Полевая часть исследования проведена Независимой исследовательской группой «Демоскоп» (руководители - П.М. Козырева и М.С. Косолапов) при финансовой поддержке Пенсионного фонда Российской Федерации, Научного Общества Макса Планка (Германия), Сбербанка и др. Дополнительную информацию о проекте, публикациях см: http://www.socpol.ru/research_projects/proj12.shtml.

оценивать текущий уровень рождаемости с позиции ожидаемого уровня итоговой рождаемости поколений, находящихся в активных репродуктивных возрастах, а также анализа фактических изменений в показателях итоговой рождаемости для реальных поколений (когорт женщин по году рождения) [Население России 2013: 318-324; Население России... 2014: 131-153; Фрейка, Захаров 2014].

Главный вывод из предыдущего анализа сводится к тому, что ни сами намерения россиян, ни их реализация на массовом уровне не изменились существенным образом под влиянием действия мер пронаталистской политики. Некоторые положительные подвижки в репродуктивных установках имеются, но значимость их совершенно недостаточна, чтобы смотреть на будущее российской рождаемости с оптимизмом. Изменения статистических индикаторов уровня рождаемости, более совершенных, чем коэффициент суммарной рождаемости для календарных лет (для условных поколений), которым чаще всего безосновательно пользуются для фиксации эффекта от политики, также приглушали восторг от видимого «роста рождаемости».

Наши выводы, базирующиеся на анализе «макродемографических» и «макросоциологических» данных, получили поддержку со стороны исследователей, анализирующих современные тенденции рождаемости в России эконометрическими методами на основе микроданных выборочных социологических исследований [Chirkova 2013; Слонимчик, Юрко 2015; Biryukova, Sinyavskaya, Nurimanova 2016]. В этих и некоторых других работах было показано, что воздействие программы материнского капитала и других мер, введенных в действие в 2007 г., на репродуктивное поведение россиян хотя и положительно, но достаточно слабое⁴. И что, возможно, более важно: полученные эффекты трудно отделить, с одной стороны, от так называемых тайминговых эффектов, вызванных конъюнктурным изменением календаря рождений и не приводящих к изменению итоговой рождаемости поколений, и, с другой стороны, от эффектов, связанных с долговременной трансформацией возрастной модели рождаемости, которая, в свою очередь, может быть не связана, а может и связана с изменением итоговой рождаемости поколений.

В данной работе я продолжаю демографический анализ российской рождаемости на основе официальных данных Росстата, включающих новейшие к моменту написания статьи окончательные данные за 2014 г. В статье дается общий обзор тенденций основных характеристик рождаемости за несколько десятилетий и обсуждаются эффекты, которые могут интерпретироваться как возможный результат пронаталистской семейной политики,

⁴ Так, Ф. Слонимчик и А. Юрко оценивают ожидаемый долгосрочный эффект от политики материнского капитала на уровне 0,15 рождений в расчете на одну женщину условного поколения. Этот результат они получили, используя различные динамические структурные модели рождаемости, которые они применили к панельным данным Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (осуществляется НИУ Высшая школа экономики и ЗАО «Демоскоп» в России при участии Центра народонаселения университета Северной Каролины в Чапел Хилл, США) [Слонимчик, Юрко 2015]. В работе С. Чирковой, базирующейся на тех же данных, делается вывод о вкладе новых мер политики в увеличении вероятности рождения второго ребенка в размере 2,2 процентных пункта [Chirkova 2013]. Сходный результат в отношении увеличения доли женщин, родивших второго ребенка, был получен на данных РиДМиЖ [Biryukova, Sinyavskaya, Nurimanova 2016: 11-12].

а также развивается методологический аппарат анализа показателей рождаемости для реальных поколений с целью получения более надежных перспективных оценок.

В начале статьи внимание уделяется изменениям чисел рождений в России под влиянием сдвигов в структуре населения по возрасту, брачному состоянию и положению в гражданстве. Далее анализируется трансформация модели рождаемости в России в разрезе возраста женщин и очередности рождения сначала для условных, а затем для реальных поколений. В завершающей части исследования оцениваются перспективы итоговой величины рождаемости для реальных поколений, находящихся сегодня на пике прокреативной деятельности, и показывается, в какой мере наблюдаемый уровень рождаемости обеспечивает замещение поколений и воспроизводство населения России в целом.

1. ИЗМЕНЕНИЯ ЧИСЛА РОЖДЕНИЙ ПОД ВЛИЯНИЕМ СТРУКТУРНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК НАСЕЛЕНИЯ: СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ ПО ВОЗРАСТУ, ПОЛОЖЕНИЮ В ГРАЖДАНСТВЕ И БРАЧНОМУ СТАТУСУ⁵

В 1999 г. число рождений в России достигло исторического минимума – 1214,7 тыс. (без учета рождений в Чеченской Республике, в которой демографические события в те годы не регистрировались в установленном порядке⁶). В 2000–2014 гг. число рождений в России увеличивалось (исключение – 2005, 2013 г.). Сопоставимое число живорождений в 2014 г. – 1880,5 тыс. (т.е. без рождений в Чеченской Республике) – стало намного большим, чем в 1999 г., оно выросло на 665,8 тыс. или на 54,8%.

Годовой прирост рождений был наиболее высок в 2007 г. – 8,7%. Далее в 2008 – 2011 гг. темпы прироста быстро падали – соответственно 6,4; 2,8; 1,5; 0,4%. Однако 2012 г. вновь принес очень весомый прирост новорожденных – 105,5 тыс. (5,9%). В 2013 г. число рождений впервые за продолжительный период времени снизилось на 6,3 тыс. или на 0,3%, а в 2014 г. вновь заметно подросло на 17,7 тыс. (на 0,9%) и достигло 1913,5 тыс., что практически означает возврат к уровню 1990 г.

Увеличению числа рождений на протяжении последних двух десятилетий способствовала благоприятная возрастная структура населения: суммарная численность

⁵ Здесь и далее, если не оговорено особо, анализируются официальные статистические данные Росстата по Российской Федерации без Крыма.

⁶ В 1993–2002 гг. регистрация рождений (как и других демографических событий) в Чечне либо отсутствовала вообще, либо была отрывочной. За 1993–1994 гг. отсутствуют также данные по Ингушетии, которые с 1995 г. вновь включаются в общий свод данных по стране. Начиная с 2003 г. Росстат смог публиковать данные по России с включением рождений, зарегистрированных на территории Чечни. Правда, в 2003 г. общее число рождений в Чеченской Республике не было распределено по возрасту матери, и при расчете более детальных показателей (коэффициентов по возрасту матери, коэффициента суммарной рождаемости) данные по Чечне не были приняты во внимание (исключены, соответственно, и из числителя – число рождений, и из знаменателя – среднегодовая численность женщин). Данные о рождаемости в Чечне полноправно присутствуют в официальных демографических расчетах лишь с 2004 г. Правда, полнота и качество этих данных остается под вопросом и сегодня. Таким образом, в расчетах относительных демографических показателей (возрастных коэффициентов рождаемости, смертности, брачности и разводимости) полностью исключены в 1993–1994 гг. Чечня и Ингушетия, в 1993–2003 гг. – Чечня.

женщин в основных репродуктивных возрастах (от 20 до 35 лет) с начала 2000-х годов находилась в фазе роста, что положительно влияло и на число браков, и на число рождений. Правда, численность отдельных детородных возрастных групп в последние годы меняется в противофазе: число молодых женщин до 25 лет быстро сокращается, что уменьшает потенциальное число рождений, а число женщин старше 25 лет все еще продолжает увеличиваться, оказывая положительное влияние. Увеличение числа женщин в старших репродуктивных возрастах в современной России более важно для прироста рождений, чем женщин в возрасте до 25 лет, поскольку средний возраст материнства в последние 15 лет имел тенденцию к повышению вслед за средним возрастом вступления в брак и превысил 28 лет в 2014 г. Сопряженное увеличение числа потенциальных матерей в возрастах 25 лет и старше и интенсивности рождаемости в этих возрастах обеспечивало прирост рождений с 2000 по 2014 г. который был достигнут в основном за счет более поздних рождений у женщин в возрасте 25 лет и старше, вклад же более молодых женщин за этот период был отрицательным.

Но сейчас рост числа женщин с растущей рождаемостью подошел к концу: численность ключевой группы 25-29-летних женщин достигла максимума в 2012 г., после чего начала сокращаться и уже к 2017 г. уменьшится более чем на 1 млн, т.е. станет меньше, чем она была в 2000 г. Для 30-34-летних точкой перелома станет 2018 г. В 2012 г. суммарная численность женщин 20-39 лет начала снижаться, и поддерживать нынешнее число рождений при быстром сокращении числа потенциальных матерей едва ли будет возможно.

Изменение числа рождений обычно справедливо связывают с меняющимся числом вновь создающихся брачных пар и со сдвигами в брачной структуре населения. При этом исходят из того, что лица, находящиеся в браке, традиционно более склонны к рождению детей. В последние десятилетия в связи с массовым распространением супружеских союзов, не основанных на официальном браке (сожительство), жесткая связь рождаемости с тенденциями зарегистрированной брачности может быть поставлена под сомнение, на что, в частности, указывает динамика доли внебрачных рождений.

Снижение и рост общего числа рождений в России в послевоенное время сопровождался как ростом, так и снижением доли внебрачных рождений. В какие-то периоды изменения этих показателей были синхронными, а в какие-то – асинхронными, как, например, во второй половине 1990-х годов, когда число внебрачных рождений быстро увеличивалось, а общее число рождений снижалось.

В последнее десятилетие на фоне общего роста числа рождений в России наблюдается сокращение доли детей, рожденных вне официального брака (2005 г. – 30,0%, 2014г. – 22,7%) при относительной стабилизации ежегодного числа внебрачных рождений на уровне 430-450 тыс. (рисунок 1) и снижении доля тех из них, которые регистрируются по заявлению только матери (2007 г. – 56,5%, 2014 г. – 49,7%). Соответственно в общем числе родившихся увеличивается и доля брачных рождений, и доля детей с признанным отцовством (таблица 1). В 2013-2014 гг., впервые в истории России, доля внебрачных рождений, зарегистрированных на основе совместного заявления родителей, превысила долю рождений, зарегистрированных на основе заявления одинокой матери. По сравнению с 1970 г., когда в России фиксировалось примерно такое же общее годовое число рождений,

что и в 2012-2014 гг. (1,9 млн), структура родившихся по статусу отношений между родителями существенным образом изменилась (таблица 1): доля внебрачных рождений сейчас выше в 2 раза, а среди внебрачных рождений преобладают те, которые регистрируются на основе декларации о признании отцовства – совместного заявления матери и отца (в эту же категорию, правда, относят и рождения, в отношении которых отцовство было установлено на основании решения суда).

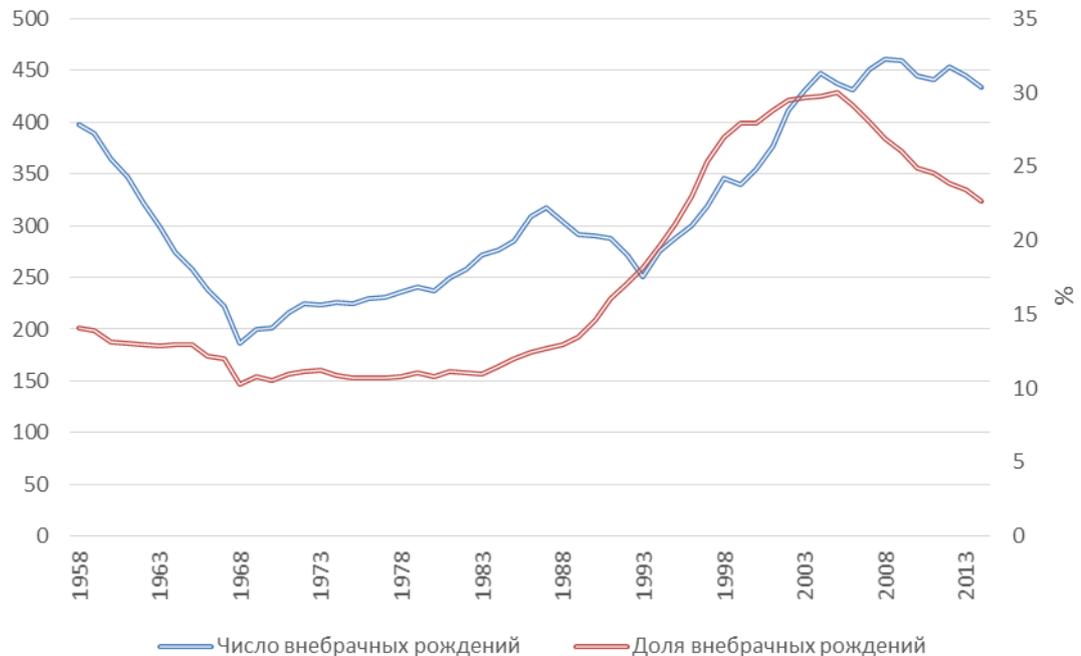

Рисунок 1. Число родившихся вне зарегистрированного брака, тыс. (левая ось) и их доля в общем числе родившихся, % (правая ось), Россия, 1958-2014

Источники: [Демографический ежегодник России 2015]; неопубликованные данные Росстата и расчеты автора на их основе.

Как показывают выборочные исследования, подавляющее большинство детей с признанным отцовством фактически проживают в семье с обоими родителями, а причины, по которым родители не регистрируют брак, весьма многообразны в силу разнообразия характера отношений между родителями, их формального и фактического брачного статуса (родители могут, например, официально состоять в браке с другими лицами), конкретных жизненных условий и обстоятельств наступления беременности и появления ребенка на свет. Так или иначе, доля детей раннего возраста, воспитываемых обоими биологическими родителями, судя по вышеприведенным данным, не уменьшается, а возможно даже и увеличивается, что, соответственно, положительно сказывается на условиях их социализации с точки зрения гендерной сбалансированности.

Таблица 1. Родившиеся в браке и вне брака, в том числе по типу документа, лежащего в основе регистрации, Россия⁷, 1980, 1990, 1995, 2000, 2005-2014

Год	Всего, тыс.	В том числе родившиеся:		Доля рождений вне зарегистрированного брака, %	Внебрачные рождения, зарегистрированные на основании, тыс.:		Доля рождений, зарегистрированных по заявлению одной матери в общем числе внебрачных рождений, %
		в зарегистрированном браке	вне зарегистрированного брака**		совместного заявления матери и отца	заявления одной матери**	
1970	1903,7	1702,5	201,2	10,6	82,5	118,8	59,0
1980	2202,8	1965,2	237,6	10,8	90,7	146,9	61,8
1990	1988,9	1698,3	290,6	14,6	124,2	166,4	57,2
1995*	1363,8	1075,5	288,3	21,1	124,2	164,1	56,9
2000*	1266,8	912,5	354,3	28,0	167,3	187,0	52,8
2005	1457,4	1020,3	437,1	30,0	200,4	236,6	54,1
2006	1479,6	1048,1	431,5	29,2	189,9	241,6	56,0
2007	1610,1	1159,3	450,8	28,0	195,9	254,9	56,5
2008	1713,9	1253,5	460,4	26,9	202,8	257,6	55,9
2009	1761,7	1302,3	459,3	26,1	200,6	258,8	56,3
2010	1788,9	1344,1	444,9	24,9	199,2	245,7	55,2
2011	1796,6	1355,1	441,5	24,6	205,8	235,7	53,4
2012	1902,1	1448,6	453,5	23,8	215,5	238,0	52,5
2013***	1895,8	1451,0	444,9	23,5	218,8	226,1	50,8
2014	1913,5	1479,6	433,9	22,7	218,2	215,7	49,7
2014/2013	1,009	1,020	0,975	-	0,997	0,954	-

Источник: [Демографический ежегодник России 2015], неопубликованные данные Росстата и расчеты автора на их основе.

Примечания:

* - Без данных по Чечне.

** - Включая рождения с неизвестным юридическим статусом родителей (отказники, подкидыши и пр.). Такие новорожденные регистрируются по представлению государственных ведомств (Минздрав, МВД).

*** - Включая родившихся в Чечне, не распределенных по брачному состоянию матери. См.: [Демографический ежегодник России 2015: примечание к табл. 4.5].

Подробную ежегодную динамику за 1958-2011 г. см.: [Захаров, Чурилова 2013: 113-114].

Изменение структуры родившихся в пользу брачных или внебрачных рождений в России по-прежнему определяется главным образом тенденциями интенсивности заключения браков, в особенности первых браков, число которых с начала 2000-х годов повышается. В то же время соотношение коэффициентов рождаемости у лиц, состоящих и не состоящих в браке - собственно брачной и внебрачной рождаемости - меняется в последние годы, видимо, также в пользу пар, состоящих в зарегистрированном браке⁸.

⁷ Здесь и далее все статистические данные приводятся для территории России без Крыма.

⁸ См. оценку возрастных коэффициентов брачной и внебрачной рождаемости, которые корректным образом могут быть выполнены в России только на основе переписей населения и крупных выборочных исследований: [Население России... 2014: 121-130].

Однако роль второго фактора в изменении структуры родившихся по брачному состоянию матери существенно менее значима по сравнению с увеличением числа брачных пар. Если в 1990-х годах в России наблюдалось быстрое снижение интенсивности заключения браков, главным образом за счет откладывания женщинами и мужчинами своих первых браков, то с начала 2000-х годов число заключающих браки, несмотря на колебания в отдельные годы, переживало компенсаторный подъем (рисунок 2), свидетельствующий об успешной массовой реализации отложенных браков в более позднем возрасте. Более молодые поколения также стремятся формировать свои семьи позднее, чем прежде, как правило, после 25 лет. Важно отметить, что абсолютная численность мужчин и женщин в возрастах 25-39 лет в России находится, как уже говорилось, в фазе роста. В результате за полтора прошедших десятилетия число браков существенно выросло (и в абсолютном, и в относительном измерении), брачная структура населения значительно улучшилась, что не замедлило положительно сказаться на числе брачных рождений и российской рождаемости в целом. Однако очевидно, что положительный потенциал для роста рождений, заключенный в возрастной и брачной структуре населения, практически исчерпан (число браков уже начало снижаться) и в ближайшее десятилетие влияние этих факторов будет негативным.

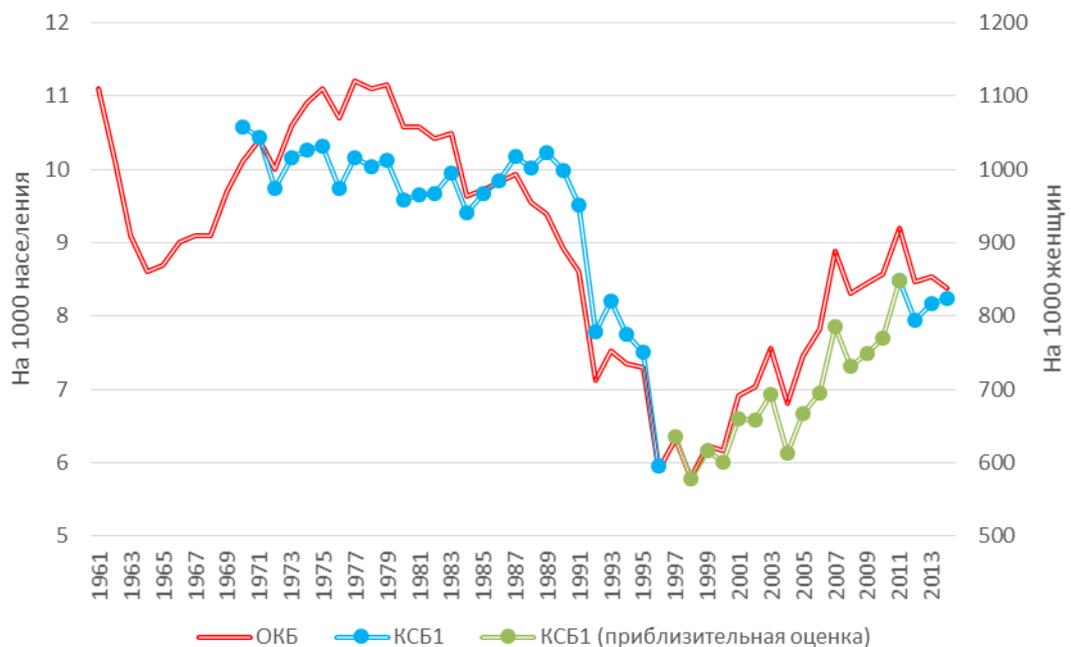

Рисунок 2. Общий коэффициент брачности (левая ось) и коэффициент суммарной брачности для первых браков у женщин (правая ось), Россия, 1961-2014

Источник: [Демографический ежегодник России 2000; 2015]; расчеты автора на основе неопубликованных данных Росстата.

Примечание: ОКБ – общий коэффициент брачности на 1000 населения; КСБ1 – коэффициент суммарной брачности для первых браков на 1000 женщин к возрасту 50 лет. Для периода 1997-2010 гг. КСБ1 представляет собой авторскую интерполяционную оценку, опирающуюся на возрастные коэффициенты брачности для укрупненных возрастных групп, принятых Росстатом для ежегодной разработки данных о числе вступающих в брак в этот период. См.: [Население России... 2006: 207-210; Население России... 2013: 231-234].

Судя по имеющимся данным за 2011-2014 гг. (за более ранние годы детальной информацией Росстат не располагает), вклад семей, в которых оба родителя – российские граждане, в общее число рождений в России остается стабильным – около 85% (таблица 2). Однако не исключено, что эта стабильность – временная. Обращает на себя внимание устойчивый и быстрый рост числа рождений (более чем на 20% ежегодно в 2012-2014 гг.) у родителей-иностранцев, а также прирост рождений в достаточно многочисленной категории семей, в которых мать новорожденного – гражданка России, а отец – гражданин другого государства (прирост составил 21% в 2012 г., 12% - в 2013 г., 13% - в 2014). Немного отстает и ежегодный прирост новорожденных, у которых отец - гражданин России, а мать иностранка: в 2012 г. прирост рождений данной категории составил 27%, в 2013 г. – 11%, в 2014 г. – 9% (таблица 3). Причем в сельских рождениях в большей пропорции, чем в городских, присутствуют новорожденные, у которых один или оба родители не являются гражданами России: среди городских жителей в 2014 г. рождения у иностранных граждан составили 14,4%, а среди сельских – 16,2%.

Рассмотрим более подробно структурные изменения в рождениях по статусу гражданства родителей по всем годам, для которых имеются соответствующие данные. Весомый общий прирост рождений за 2012 г. имел однородную структуру и охватил все категории гражданства родителей без исключений. По абсолютному значению прироста доминировали, как и можно было ожидать, семьи, в которых оба родителя имеют российское гражданство - 79,6 тыс. или 75,5% из общего годового прироста в 105,5 тыс. новорожденных. В то же время наибольшие темпы прироста продемонстрировали родители со смешанным гражданством (только отец или только мать – граждане РФ), а также родители, оба из которых являются гражданами других государств (таблица 3). Вклад иностранных граждан (до ¼ от общего прироста 2012 г.) следует признать очень весомым.

Обращает на себя внимание факт, что снижение числа рождений в 2013 г. произошло главным образом у матерей с российским гражданством, не указавших какое-либо конкретное гражданство отца ребенка – видимо, это матери-одиночки (число рождений у данной категории матерей сократилось на 9,4 тыс.). Весомым было также сокращение рождений в семьях, где оба родителя обладают российским гражданством (на 3 тыс.). Изменение чисел новорожденных у лиц прочих категорий родителей по положению в российском гражданстве имело в 2013 г. мозаичную картину – одни категории увеличивали свой вклад в общее число зарегистрированных рождений, другие сокращали (таблица 2). Однако если говорить в целом, то иностранные граждане существенно притормозили сокращение общего числа рождений в стране в 2013 г., и если бы не их растущий вклад, то число рождений в России сократилось бы сильнее.

В увеличении числа рождений в 2014 г. вклад иностранных граждан оказался еще более значимым - 29% от общего прироста, причем опережающими темпами продолжают увеличиваться числа рождений именно в семьях, в которых либо один, либо оба родителя имеют иностранное гражданство. В то же время рождения у родителей с неопределенным статусом гражданства уменьшаются.

Таблица 2. Число рождений у родителей с различным статусом российского гражданства, Россия, 2011-2014

Статус	2011		2012		2013		2014	
	число рождений	%						
Оба родителя - граждане РФ	1531076	85,22	1610632	84,68	1607665	84,80	162852	85,08
Мать - гражданка РФ, отец - гражданин другого государства	16929	0,94	20425	1,07	22831	1,20	25823	1,35
Мать - гражданка РФ, отец – лицо без гражданства	187	0,01	251	0,01	262	0,01	166	0,01
Мать - гражданка РФ, отец – гражданство не указано	212672	11,84	224547	11,81	215188	11,35	204812	10,7
Отец - гражданин РФ, мать - гражданка другого государства	15689	0,87	19874	1,04	22036	1,16	24080	1,26
Отец - гражданин РФ, мать – лицо без гражданства	138	0,01	279	0,01	196	0,01	126	0,01
Отец - гражданин РФ, мать – гражданство не указано	746	0,04	1770	0,09	1185	0,06	1084	0,06
Оба родителя – граждане другого государства	9784	0,54	12609	0,66	15438	0,81	18647	0,97
Прочие	9408	0,52	11697	0,61	11021	0,58	1084	0,56
Итого зарегистрировано в России:	1796629	100,0	1902084	100,0	1895822	100,0	1913472	100,0

Источник: Неопубликованные данные Росстата, расчеты автора.

Нельзя не заметить некоторую странность в динамике числа рождений в зависимости от статуса гражданства родителей, которые, по-видимому, являются следствием неизвестных нам особенностей в регистрационной практике как детей, родившихся в семьях мигрантов, так и миграционного статуса их родителей. Это касается, прежде всего, тренда рождений у родителей с неопределенным статусом в гражданстве. Так, в 2014 г. более чем на 10 тыс. уменьшилось число детей, родившихся у матерей-гражданок РФ при неизвестном статусе гражданства отцов (таблица 3). В 2013 г. эта категория родителей также демонстрировала снижение более чем на 9 тыс., а в 2012 г., напротив, имелось существенное повышение – почти на 12 тыс. (таблица 3). В 2013 г. эта категория новорожденных, по сути, обеспечила провал общего числа рождений в стране, а в 2012 г. на 15% способствовала его приросту.

Ребенок, у которого в регистрационных формах указано только гражданство матери, родился, как правило, вне брака и в подавляющем большинстве случаев – у «одиноким матери», которая по тем или иным причинам не регистрирует ребенка на основе совместного заявления родителей, свидетельствующего о признании отцом этого ребенка своим. В действительности мы не знаем, является ли его биологический отец российским гражданином или нет. Тем не менее можно констатировать, что мигранты сегодня вносят заметный и растущий вклад в общую рождаемость в стране и в изменение числа внебрачных рождений, в частности. Однако переменчивое законодательство, касающееся натурализации мигрантов, меняющаяся регистрационная практика в отношении мигрантов и их детей заставляет пока с большой осторожностью относиться к изменениям, выявляемым на основе официальной статистики.

Таблица 3. Абсолютный и относительный годовой прирост рождений у родителей с различным статусом российского гражданства, Россия, 2011-2012, 2012-2013, 2013-2014 гг.

	Прирост за 2011 - 2012		Прирост за 2012 - 2013		Прирост за 2013 - 2014	
	абс.	относительно 2012/2011	абс.	относительно 2013/2012	абс.	относительно 2013/2012
Оба родителя - граждане РФ	79556	1,052	-2967	0,998	20387	1,013
Мать - гражданка РФ, отец - гражданин другого государства	3496	1,207	2406	1,118	2992	1,131
Мать - гражданка РФ, отец – лицо без гражданства	64	1,342	11	1,044	-96	0,634
Мать - гражданка РФ, отец – гражданство не указано	11875	1,056	-9359	0,958	-10376	0,952
Отец - гражданин РФ, мать - гражданка другого государства	4185	1,267	2162	1,109	2044	1,093
Отец - гражданин РФ, мать – лицо без гражданства	141	2,022	-83	0,703	-70	0,643
Отец - гражданин РФ, мать – гражданство не указано	1024	2,373	-585	0,669	-101	0,915
Оба родителя – граждане другого государства	2825	1,289	2829	1,224	3209	1,208
Прочие	2289	1,243	-676	0,942	-339	0,969
Всего	105455	1,059	-6262	0,997	17650	1,009

Источник: Неопубликованные данные Росстата, расчеты автора.

Показатель, не зависящий от половозрастной структуры населения, - коэффициент суммарной рождаемости (итоговое число рождений в расчете на одну женщину условного поколения, КСР) – говорит о том, что в России в 1999-2014 гг. (кроме 2005 г.) происходило увеличение интенсивности деторождения как в городской, так и в сельской местности, но вплоть до 2006 г. прирост показателя в городской местности опережал таковой в сельской (таблица 4).

В 2007 г. впервые прирост КСР в сельской местности (на 0,2 ребенка на одну женщину) двукратно превысил прирост рождаемости у городского населения (0,08). В 2008-2009 гг. темпы роста коэффициента суммарной рождаемости снижались и в городской местности, и в сельской, но на селе более интенсивно. В 2010-2014 гг. рост КСР в городах был едва заметен (в 2011 г. увеличение рождаемости в городской местности и вовсе не произошло), в то время как в сельской местности, напротив, мы наблюдали значимый прирост показателя (таблица 4). В итоге за весь период с 1999 г. (точка минимума КСР) по 2014 г. КСР в городской местности увеличился на 0,55, а в сельской местности – на 0,81 ребенка на одну женщину.

Если в начале 1990-х годов итоговая рождаемость условного поколения у сельских жителей была выше, чем у городских, примерно на 0,9 рождения в расчете на одну

женщину, то к 2005 г. разрыв между сельской и городской местностью сократился до 0,39, т.е. более чем в 2 раза. В 2006-2014 гг. различия в КСР между городской и сельской местностью увеличивались в силу опережающего роста показателей на селе и в 2014 г. достигли 0,75 ребенка на 1 женщину, что свидетельствует о постепенном возврате к ситуации, устойчиво поддерживавшейся в течение десятилетий с середины 1960-х до первой половины 1990-х годов, когда различия в значениях показателя между городским и сельским населением были в районе 0,8-0,9 (авторские оценки после устранения неточностей в оценках КСР для городского и сельского населения, возникающих из-за погрешностей в расчетах численности городского и сельского населения в межпереписной период [Захаров, Иванова 1996]).

Таблица 4. Итоговая (суммарная) рождаемость, на одну женщину условного поколения, Россия, 1980, 1985, 1990, 1995-2014

Год	Все население	Городское население	Сельское население
1980	1,89	1,70	2,51
1985	2,05	1,86	2,67
1990	1,89	1,70	2,60
1995	1,34	1,19	1,81
1996	1,27	1,14	1,70
1997	1,22	1,10	1,62
1998	1,23	1,11	1,64
1999	1,16	1,04	1,53
2000	1,19	1,09	1,55
2001	1,22	1,12	1,56
2002	1,28	1,19	1,63
2003	1,32	1,22	1,66
2004	1,34	1,25	1,65
2005	1,29	1,21	1,58
2006	1,30	1,21	1,60
2007	1,42	1,29	1,80
2008	1,50	1,37	1,91
2009	1,54	1,41	1,94
2010	1,57	1,44	1,98
2011	1,58	1,44	2,06
2012	1,69	1,54	2,21
2013	1,71	1,55	2,27
2014	1,75	1,59	2,34

Источник: Расчеты автора с использованием неопубликованных исходных данных Росстата.

Примечание: Расчет на основе однолетних возрастных коэффициентов с учетом пересчета численности населения после переписей населения 1989, 2002 и 2010 г. В 1995-2003 гг. – без Чеченской Республики.

2. ТОРМОЖЕНИЕ ПРОЦЕССА СТАРЕНИЯ МАТЕРИНСТВА В РОССИИ

И прирост, и убыль числа рождений далеко не всегда пропорциональны приросту и убыли числа женщин, так как одновременно может меняться интенсивность рождаемости в разных возрастах. В России более двух десятилетий наблюдались изменения возрастного профиля рождаемости в сторону его «постарения», что соответствовало общемировой тенденции, возникшей в конце 1960-х – начале 1970-х годов в странах Северной и Западной Европы, и к которой Россия и ее соседи по Восточной и Центральной Европе

присоединилась с опозданием более чем на два десятилетия [Bosveld 1996; Sobotka 2004; 2011; Frejka et al. 2008]. На протяжении долгой истории в России наибольшей рождаемостью отличались женщины в возрасте 20-24 года. Но в 1990-е годы, когда число женщин этого возраста увеличивалось, рождаемость у них быстро падала. В это же время еще более значительно упали коэффициенты рождаемости у матерей моложе 20 лет (таблица 5). Затем снижение рождаемости у матерей до 25 лет затормозилось, но стала устойчиво увеличиваться рождаемость у женщин 30-34 лет, а с 2000 г. – у женщин 25-29 лет. В 2008 г. эта возрастная группа женщин впервые превзошла по уровню рождаемости группу 20-24 года, и разрыв между ними стал нарастать. Рождаемость в возрастной группе 30-34 года, увеличившись более чем в 2 раза с конца 1990-х годов, не только превысила предыдущий пиковый уровень 1980-х годов, но и практически сравнялась с рождаемостью 20-24-летних. Еще более высокими темпами увеличивалась рождаемость у женщин старше 35 лет – рост за полтора десятилетия более чем в 3,5 раза (таблица 5).

Таблица 5. Возрастные коэффициенты рождаемости, 1980, 1985, 1990, 1995, 1999-2014 гг., Россия, на 1000 женщин соответствующего возраста

Год	Возрастная группа						
	15-19*	20-24	25-29	30-34	35-39	40-44	45-49**
1980	43,8	157,8	100,8	52,1	17,4	4,9	0,4
1985	47,2	165,0	112,9	59,7	23,3	3,6	0,3
1990	55,0	156,5	93,1	48,2	19,4	4,2	0,2
1995	44,8	112,7	66,5	29,5	10,6	2,2	0,1
1999	28,9	91,8	63,7	32,2	11,1	2,2	0,1
2000	27,4	93,6	67,3	35,2	11,8	2,4	0,1
2001	27,3	93,1	70,2	38,0	12,9	2,4	0,1
2002	27,3	95,3	74,8	41,6	14,6	2,6	0,1
2003	27,6	95,1	78,3	44,1	16,0	2,7	0,1
2004	28,2	94,2	80,1	45,8	17,6	2,9	0,1
2005	27,4	88,4	77,8	45,3	17,8	3,0	0,2
2006	28,2	87,8	78,4	46,6	18,6	3,1	0,2
2007	28,3	89,5	86,9	54,1	22,7	3,9	0,2
2008	29,3	91,2	92,4	60,0	25,8	4,6	0,2
2009	28,7	90,5	95,9	63,6	27,6	5,2	0,2
2010	27,0	87,5	99,2	67,3	30,0	5,9	0,3
2011	27,4	88,0	99,5	67,8	31,1	6,2	0,3
2012	27,4	91,2	106,6	74,3	34,9	7,0	0,3
2013	26,7	89,9	107,5	76,2	36,8	7,4	0,4
2014	26,1	89,6	110,1	79,9	39,0	8,1	0,4
2014/1999***	0,905	0,976	1,728	2,480	3,507	3,609	3,606
2014/2013***	0,980	0,997	1,024	1,049	1,060	1,082	1,211

Источник: расчеты автора на основе неопубликованных данных Росстата.

Примечания:

* – Включая родившихся у матерей моложе 15 лет.

** – Включая родившихся у матерей старше 49 лет.

*** – В расчетах темпов роста использованы более точные значения исходных показателей, чем приведенные в таблице с округлением до одного знака после запятой.

Такая последовательность изменений в возрастных коэффициентах рождаемости свидетельствует о том, что в трудные для российского общества 1990-е годы происходило интенсивное откладывание рождений в реальных поколениях, а в 2000-х годах эти поколения наверстывали упущенное время – отложенные рождения усиленно

реализовывались [Фрейка, Захаров 2014]. К этому процессу добавилась более принципиальная и, под историческим углом зрения, совершенно новая для России тенденция – не вынужденное, а целенаправленное формирование семей во все более позднем возрасте, проявившее себя в поколениях россиян, родившихся во второй половине 1960-х годов и позднее. Начало процесса деторождения в возрастах старше 25 лет для женщин все более становится социальной нормой. В результате мощных и последовательных подвижек в календаре рождений у поколений матерей 1960-х, 1970-х и 1980-х годов рождения мы и наблюдаем не только рост рождаемости у женщин старших возрастных групп, но и пятнадцатилетний рост итоговой (суммарной) величины рождаемости для условных поколений. В то же время итоговая рождаемость реальных поколений россиян меняется существенно менее значимо, о чем пойдет речь ниже, что и выдает преимущественно «календарную природу» увеличения КСР.

Если взглянуть на детальную картину изменения коэффициентов рождаемости для однолетних возрастных групп женщин (рисунок 3), то становится очевидным, что известные меры государственной политики по стимулированию рождаемости, принятые в 2006-2007 гг., с их дальнейшим развитием не оказали никакого влияния на рождаемость у женщин до 24 лет: она либо продолжила снижение у самых молодых женщин, либо, как в возрастах 22 и 23 года, стагнировала на одном уровне⁹. Если бы не относительный провал в значениях коэффициентов в 2005-2006 гг., то едва ли можно было бы заподозрить какое-либо ускорение в росте коэффициентов рождаемости у женщин старше 25 лет под воздействием новых мер демографической политики, введенных в действие в 2007 г. Практически линейный тренд дружного увеличения показателей для женщин всех возрастов старше 24-х лет наблюдался с 2000 года, а для тридцатилетних женщин рост обозначился еще раньше – в середине 1990-х (рисунок 3).

Эволюционная составляющая трансформации возрастной модели рождаемости в России явно преобладала над конъюнктурными моментами, и пронаталистская политика играет в новейших тенденциях второстепенную роль, подавая дополнительные сигналы для продолжения и ускорения тех же процессов, что и во всех развитых странах без исключения – трансформации возрастной (тайминговой) модели рождаемости в направлении более позднего материнства.

Трансформация возрастной модели массового репродуктивного поведения шла рука об руку с трансформацией института брака: молодые люди вступают в брак позже, чем два десятилетия назад, и потому естественно, что они начинают позже и процесс деторождения. Сходство тенденций в разных странах свидетельствует о том, что на изменения в экономических условиях функционирования домохозяйств, в общественном здоровье, в длительности получения образования, сферах приложения труда и др. люди откликаются поисками того участка жизненного пути, который в новых условиях наиболее удобен для рождения и воспитания детей. Вступление во взрослую жизнь и самоидентификация для

⁹ Правда, у апологетов политики стимулирования рождаемости, ищущих во всем положительные результаты такой политики, всегда наготове еще один аргумент: политика якобы «предотвратила или замедлила дальнейшее снижение рождаемости, которое наверняка продолжалось бы (происходило бы быстрее) в отсутствии стимулирующих мер». Этот аргумент на практике крайне трудно подтвердить или опровергнуть.

современной женщины уже не столь однозначно, как прежде, ассоциируется с замужеством и материнством [Захаров 2010]. Социально-демографические события в ее жизни выстраиваются в иной последовательности и концентрируются на других участках жизненного пути, да и сами жизненные пути становятся многообразнее [Митрофанова 2015].

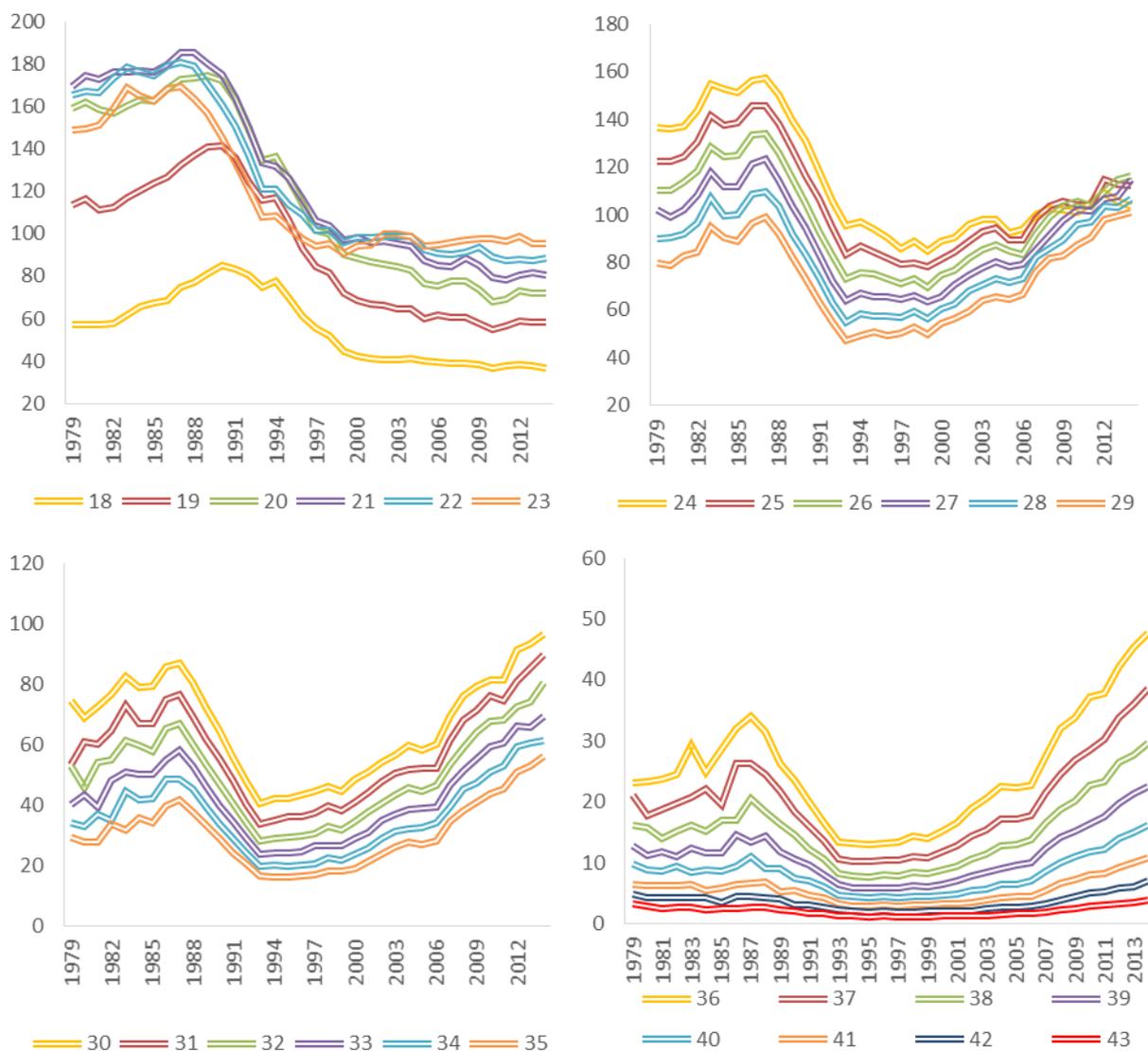

Рисунок 3. Возрастные коэффициенты рождаемости для одноплетних возрастных групп в расчете на 1000 женщин указанного возраста, Россия, 1979-2014

Источник: Расчеты автора на основе неопубликованных данных Росстата.

Вначале отказ от рождения детей более высоких очередностей естественным образом вел к омоложению рождаемости. Но затем, когда малодетность получила всеобщее распространение, родители, по-видимому, стали осознавать, что для того, чтобы родить и вырастить одного, двоих или даже троих детей, уже нет необходимости начинать рожать детей до 25 лет, зачастую до или во время завершения образования и поиска первой работы, как это нередко случалось прежде. К тому же структура получаемого образования в России за последние два-три десятилетия резко сместилась в пользу более высоких ступеней: если

в женских поколениях 1950-1960-х годов рождения доля лиц с высшим образованием составляла 20%, то в поколениях 1970-х годов – приблизилась к 40%, а в поколениях 1980-х годов и позднее ожидается, что превысит половину¹⁰.

На первом этапе, когда рождаемость омолаживалась, Россия шла в том же направлении, что и все страны. В начале 1980-х годов, видимо, вслед за другими развитыми странами, обозначились признаки поворота в противоположную сторону. Однако семейная политика, активизировавшаяся в те годы, спровоцировала более раннее по возрасту и ускоренное, с более короткими интервалами, рождение потомства. Повышение среднего возраста материнства возобновилось только в середине 1990-х годов. В то время более раннее материнство можно было наблюдать только в Болгарии, на Украине и в Молдавии. И сегодня эти же страны, а также Белоруссия продолжают немного отставать от России в процессе перестройки возрастного профиля рождаемости, и все они, включая Россию, в свою очередь отстают от стран Балтии, Восточной и Центральной Европы, где постарение материнства началось, примерно, в то же время [Basten, Frejka et al. 2015]. Видимо, глубина и последовательность политических и экономических реформ в бывших социалистических странах играют значимую роль в отношении скорости и фундаментальности изменений массовых траекторий жизненных путей молодежи.

Средний возраст матери, в том числе по очередности рождения, представленный в динамике, дает обобщенное представление о векторе изменений (таблица 6). Средний возраст материнства в 2014 г. в России составил 28,12 года, в том числе при рождении первого ребенка – 25,30 года, второго ребенка – 29,53 года, третьего ребенка – 32,21 года. Эти показатели намного выше по своему значению не только тех, что наблюдались в 1990-х годах, когда они были минимальными за все послевоенное время, но и превышают значения для 1970-х и 1980-х годов. Для всех очередностей средний возраст материнства по сравнению с первой половиной 1990-х годов увеличился более чем на 3 года, а при рождении первенца – на 2,6 года.

В то же время нельзя не отметить, что в самые последние годы увеличение среднего возраста материнства притормозилось, а 2014 г. продемонстрировал первые признаки снижения возраста матери при рождении вторых и последующих детей. Возраст женщин при рождении первенца пока еще продолжает увеличиваться, но ближайшие перспективы продолжения этой тенденции не очевидны. Пока еще рано говорить о том, что трансформация возрастного профиля материнства в России повернула вспять в сторону омоложения. Однако данный факт подтверждает, что происходит ускорение темпов формирования окончательного размера потомства в семьях, и интервалы времени между появлением на свет детей в семьях, особенно между первым и вторым ребенком, сокращаются. Можно предположить, что ускорению темпов деторождения способствовала близость завершения государственных программ материнского капитала и пособий для поддержки многодетных семей. Такое объяснение массовой практики представляется вполне логичным, хотя прямые эмпирические доказательства отсутствуют. Широко

¹⁰ Согласно прогнозным оценкам сотрудников Центра трудовых исследований НИУ ВШЭ, из молодежных когорт, завершающих среднее школьное образование в середине 2000-х годов, ожидаемая доля с вузовскими дипломами составит более 60% [Российский работник... 2011: 42-43].

разрекламированное решение правительства о продлении программы материнского капитала, принятое в конце 2015 г.¹¹, по той же логике, должно ослабить воздействие на интенсивность появления очередного ребенка в семьях.

Таблица 6. Средний возраст матери при рождении детей каждой очередности, Россия, 1980, 1985, 1990, 1995, 2000-2014 гг., лет

Год	Все рождения	В том числе по очередности				
		первые	вторые	третьи	четвертые	пятые и следующие
1980	25,67	22,99	27,33	30,07	31,81	35,49
1985	25,78	22,92	27,13	30,03	31,56	34,71
1990	25,24	22,65	26,86	29,95	31,64	34,38
1995	24,79	22,67	26,91	29,85	31,55	34,29
2000*	25,76	23,54	27,88	30,88	32,49	34,57
2001*	25,93	23,66	28,21	31,13	32,60	34,53
2002*	26,12	23,75	28,41	31,26	32,75	34,74
2003*	26,27	23,85	28,61	31,41	32,77	34,78
2004*	26,39	23,96	28,77	31,51	32,99	34,85
2005*	26,53	24,10	28,92	31,60	33,01	34,97
2006*	26,61	24,20	29,04	31,69	33,11	34,99
2007*	26,96	24,33	29,14	31,76	33,18	35,01
2008*	27,18	24,44	29,30	31,94	33,34	35,16
2009*	27,38	24,67	29,44	32,02	33,34	35,07
2010*	27,65	24,90	29,55	32,19	33,41	35,09
2011*	27,69	24,91	29,49	32,16	33,42	35,06
2012	27,85	25,01	29,52	32,21	33,38	34,99
2013	27,98	25,19	29,54	32,22	33,38	34,93
2014	28,12	25,30	29,53	32,21	33,33	34,86

Источник: Расчеты автора на основе неопубликованных данных Росстата с использованием в качестве весов коэффициентов рождаемости для однолетних возрастных групп.

*Примечания: * – Оценки для 2000-2011 гг. базируются на использовании неполных данных: только для тех территорий, которые сохраняли и предоставляли в Росстат разработку данных о рождениях одновременно по возрасту матери и очередности рождения.*

Подробную ежегодную динамику за 1980-е и 1990-е годы см.: [Население России... 2004: 47].

Торможение повышения возраста матери при повторных рождениях пока еще не проявилось в переломе долговременного тренда повышения вклада матерей старших возрастов в итоговую рождаемость. Если несколько десятилетий назад общий уровень рождаемости в России формировался более чем на половину за счет репродуктивной активности самых молодых женщин до 25 лет, то сегодня более зрелые в социальном отношении женщины вносят решающий вклад: все женщины старше 25 лет обеспечивают 2/3 величины коэффициента суммарной рождаемости, в том числе женщины старше 30 лет – более 1/3 его величины (таблица 7).

¹¹ Президент Путин 30 декабря 2015 г. подписал закон о продлении программы материнского капитала на 2 года (см.: Федеральный закон от 30.12.2015 № 433-ФЗ "О внесении изменения в статью 13 Федерального закона "О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей" URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201512300055>. Дата обращения 04.04.2016).

Таблица 7. Вклад возрастных групп матерей в итоговую (суммарную) рождаемость, Россия, 1980, 1985, 1990, 1995, 2000-2014, %

Год	Возраст матери, лет					Итого
	до 20	20-24	25-29	30-34	35 и старше	
1980	11,6	41,9	26,7	13,8	6,0	100,0
1985	11,5	40,0	27,4	14,5	6,6	100,0
1990	14,6	41,6	24,7	12,8	6,3	100,0
1995	16,8	42,3	24,9	11,1	4,9	100,0
2000	11,5	39,3	28,3	14,8	6,1	100,0
2001	11,2	38,2	28,7	15,6	6,3	100,0
2002	10,7	37,2	29,2	16,2	6,7	100,0
2003	10,5	36,0	29,7	16,7	7,1	100,0
2004	10,5	35,0	29,8	17,0	7,7	100,0
2005	10,5	34,0	30,0	17,4	8,1	100,0
2006	10,7	33,4	29,8	17,7	8,4	100,0
2007	9,9	31,3	30,4	19,0	9,4	100,0
2008	9,7	30,0	30,4	19,8	10,1	100,0
2009	9,2	29,0	30,8	20,4	10,6	100,0
2010	8,5	27,6	31,3	21,2	11,4	100,0
2011	8,6	27,5	31,1	21,2	11,7	100,0
2012	8,0	26,7	31,2	21,7	12,4	100,0
2013	7,7	26,1	31,2	22,1	12,9	100,0
2014	7,4	25,4	31,2	22,6	13,4	100,0

Источник: Расчеты автора на основе данных, приведенных в таблице 4.

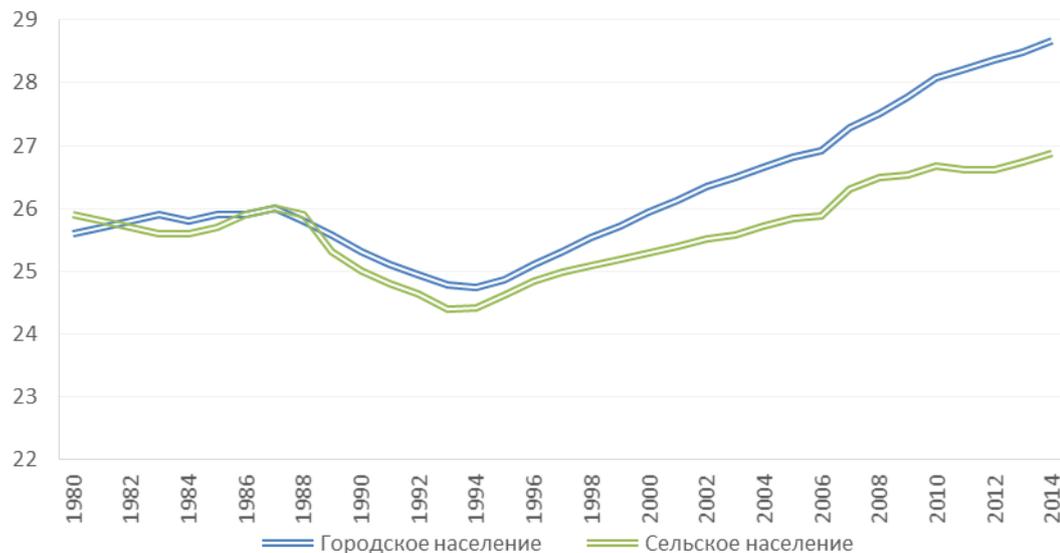

Рисунок 4. Средний возраст материнства в городской и сельской местности России, 1980-2014, лет

Источник: [Демографический ежегодник России 2015] и расчеты автора на основе неопубликованных данных Росстата.

Возрастной профиль рождаемости на протяжении двух десятилетий менялся у городского населения последовательнее и быстрее, чем у сельского, о чем свидетельствует сравнение значений среднего возраста матери при рождении ребенка. Более того, в самые последние годы увеличение среднего возраста матери в сельской местности было едва

заметным (рисунок 4). Именно жители села главным образом тормозят трансформацию возрастного профиля российской рождаемости. Если в сельской местности в 2014 г. средний возраст матери составил 26,9 года, что всего лишь менее чем на год превышает значения показателя, устойчиво поддерживавшиеся 3-4 десятилетия назад, то в городской местности этот показатель, достигший в 2014 г. 28,7 года, уже на 3 года выше уровня, наблюдавшегося в советский период.

Поскольку темпы постарения рождаемости в сельском населении были ниже, чем в городском, сельско-городские различия по этому показателю сильно увеличились. Если в конце советского периода в 1980-1990-х годах разница в среднем возрасте материнства в городах и селах была ничтожна (всего 0,3 года в пользу горожан), то к 2014 г. она возросла до 1,79 года. Можно ставить вопрос, не формируются ли в России, по крайней мере на временной основе, по сути две разные возрастные модели рождаемости: «модернизированная, постиндустриальная городская» (относительно более позднее родительство и более низкие нормы детности, эффективное планирование семьи) и «сельская, сохраняющая видовые черты прежнего, более традиционного прототипа» (относительно более раннее родительство, повышенные нормы детности, менее эффективное планирование семьи). Следует также напомнить, что сегодня сельское население регионов России по уровню рождаемости крайне неоднородно, этнокультурные различия и связанные с ними особенности протекания демографического перехода и социальной модернизации в целом продолжают играть в этом ведущую роль. Более того, различия между сельскими жителями субъектов РФ даже серьезно увеличились в последнее десятилетие [Население России... 2014: 100-102; 158-173; Население России... 2015: 90-91]. Дальнейшее развитие покажет, последует ли и как скоро за этапом увеличения сельско-городских и внутрисельских различий этап конвергентной динамики в российской рождаемости. Исторический опыт подсказывает, что на этапе быстрых изменений социально-демографических моделей поведения, в том числе и на временной основе, спровоцированных государственной политикой, более или менее продолжительное увеличение региональной неоднородности статистических индикаторов практически неизбежно. По мере того, как завоевывает право на существование и утверждается на массовом уровне рациональность выбора новых поведенческих практик, сглаживание социальных и территориальных различий становится доминирующей тенденцией.

3. ДЛИТЕЛЬНАЯ СТАГНАЦИЯ ВЕРОЯТНОСТИ ПЕРВЫХ РОЖДЕНИЙ И РОСТ МНОГОДЕТНОСТИ

Низкий уровень рождаемости в России связан с массовым распространением одноплодной семьи и соответственно с очень высокой долей первенцев в общем числе родившихся.

Распределение рождений по очередности у матери – важнейшая исходная информация для углубленного изучения рождаемости и оценки таких важнейших ее характеристик, как вероятности увеличения семьи. К сожалению, с 1999 по 2011 г. исследователи были лишены возможности полноценно использовать этот индикатор для характеристики рождаемости в России. Закон об актах гражданского состояния, принятый в 1997 г. (Федеральный закон от 15 ноября 1997 г. №143-ФЗ) не предусматривал записи о

порядковом номере рождения у матери в актовой записи о рождении (исходном для отечественной статистики документе). Отсутствие сведений о биологическом порядке рождения у матери не соответствовало международной и предыдущей отечественной практике. Непрерывные динамические ряды основополагающих характеристик рождаемости неожиданно оказались прерванными.

Таблица 8. Итоговая (суммарная) рождаемость для каждой очередности рождения* на одну женщину, Россия, 1980, 1985, 1990, 1995, 2000-2014

Год	Дети по очередности рождения					Итоговая рождаемость (дети всех очередностей)*
	первые	вторые	третьи	четвертые	пятые и следующие	
1980	0,967	0,643	0,147	0,048	0,061	1,866
1985	0,964	0,758	0,214	0,060	0,055	2,051
1990	0,995	0,624	0,178	0,052	0,045	1,893
1995	0,802	0,387	0,098	0,029	0,021	1,337
2000**	0,702	0,358	0,092	0,026	0,018	1,195
2001**	0,720	0,368	0,090	0,027	0,018	1,223
2002**	0,742	0,394	0,099	0,028	0,019	1,281
2003**	0,758	0,412	0,103	0,028	0,018	1,319
2004**	0,772	0,420	0,105	0,029	0,018	1,344
2005**	0,743	0,406	0,100	0,028	0,017	1,294
2006**	0,753	0,409	0,100	0,027	0,016	1,305
2007**	0,761	0,475	0,125	0,033	0,020	1,416
2008**	0,787	0,515	0,143	0,037	0,020	1,502
2009**	0,801	0,535	0,147	0,038	0,021	1,542
2010**	0,786	0,564	0,156	0,040	0,021	1,567
2011**	0,781	0,574	0,164	0,041	0,022	1,583
2012	0,809	0,620	0,189	0,047	0,026	1,691
2013	0,811	0,625	0,198	0,049	0,025	1,708
2014	0,799	0,658	0,212	0,053	0,027	1,750

Источник: Расчеты автора с использованием коэффициентов рождаемости для однолетних возрастных групп. При расчете показателей для 1995, 2000-2003 гг. была исключена Чечня.

Примечания:

* – Среднее число детей каждой очередности, которое предстоит родить одной женщине к возрасту 50 лет при условии неизменности текущей возрастной интенсивности деторождения и структуры рождений по очередности. Сумма показателей для всех очередностей дает традиционный показатель итоговой (суммарной) рождаемости условного поколения (тот же, что в таблице 4).

** – Оценки для 1999-2011 гг. базируются на использовании неполных данных: только для тех территорий, которые сохраняли разработку данных о рождениях одновременно по возрасту и очередности рождения. Подробную ежегодную динамику за 1980-е и 1990-е годы см.: [Население России... 2007: 81-82].

Тем не менее многие территориальные статистические органы продолжали на добровольной основе собирать соответствующую информацию и предоставлять ее в Росстат. На то, что такая деятельность приходила в противоречие с законом, и государственные органы, и специалисты дружно закрывали глаза, понимая абсурдность сложившейся ситуации. Состав российских территорий, продолжавших вести наблюдение за распределениями родившихся по очередности рождения, год от года менялся, но, поскольку регионы представляли все географические зоны России и обеспечивали до 70% и выше всех рождений в стране, это позволяло С.В. Захарову, Е.М. Андрееву (а также

коллегам, поддерживающих известную международную базу данных по рождаемости – Human Fertility Database) с известными оговорками распространять соотношения, полученные на неполных данных, на всю Россию. В таблицах 8-9 представлены конечные результаты наших расчетов.

Распределения родившихся по очередности рождения у матери за 2012 г. впервые после более чем десятилетнего перерыва оказались доступны для всех российских территорий. Поэтому наши оценки показателей российской рождаемости с учетом очередности рождения за 2012 и последующие годы полностью сопоставимы с оценками, полученными для периода до 1999 г.

Уже в 2001-2005 гг., т.е. до начала политики по стимулированию рождаемости, наблюдалось медленное повышение вклада в общую динамику рождаемости вторых и третьих рождений при медленном снижении вклада первенцев. Одновременно снижался вклад четвертых и следующих рождений.

Таблица 9. Вклад каждой очередности рождения в итоговую (суммарную) рождаемость, %, и средняя очередность рождения, Россия, 1980, 1985, 1990, 1995, 2000-2014

Год	Дети по очередности рождения					Итого	Средняя очередность рождения*
	первые	вторые	третьи	четвертые	пятые и следующие		
1980	51,8	34,5	7,9	2,5	3,3	100,0	1,74
1985	47,1	36,9	10,4	2,9	2,7	100,0	1,80
1990	52,5	33,0	9,4	2,7	2,4	100,0	1,72
1995	60,0	28,9	7,3	2,2	1,6	100,0	1,58
2000	58,7	29,9	7,7	2,2	1,5	100,0	1,59
2001	58,9	30,1	7,4	2,2	1,4	100,0	1,59
2002	57,9	30,8	7,7	2,2	1,4	100,0	1,60
2003	57,5	31,2	7,8	2,1	1,4	100,0	1,60
2004	57,5	31,3	7,8	2,1	1,3	100,0	1,60
2005	57,4	31,4	7,8	2,1	1,3	100,0	1,60
2006	57,7	31,3	7,7	2,0	1,2	100,0	1,59
2007	53,8	33,6	8,9	2,4	1,4	100,0	1,65
2008	52,4	34,3	9,5	2,5	1,4	100,0	1,68
2009	52,0	34,7	9,5	2,5	1,4	100,0	1,68
2010	50,1	36,0	10,0	2,5	1,4	100,0	1,70
2011	49,4	36,2	10,4	2,6	1,4	100,0	1,72
2012	47,9	36,7	11,1	2,8	1,5	100,0	1,75
2013	47,5	36,6	11,6	2,8	1,5	100,0	1,76
2014	45,7	37,6	12,1	3,0	1,6	100,0	1,79

Источник: Расчеты автора на основе данных, приведенных в таблице 8.

*Примечания: * – Показатель рассчитан как средняя арифметическая взвешенная, где в качестве весов взяты коэффициенты суммарной рождаемости для каждой очередности. Подробную ежегодную динамику за 1980-е и 1990-е годы см.: [Население России 2007: 82-83].*

В 2007-2014 гг. структура рождаемости по очередности стала меняться более динамично. Ожидаемая итоговая рождаемость для первых рождений по сравнению с 2006 г. изменилась незначительно, а рождаемость вторых и последующих детей существенно возросла (таблица 8). Малозначимо, но вырос даже вклад четвертых и пятых рождений. За счет существенного увеличения вклада повторных рождений в общую рождаемость

структура рождаемости по очередности рождений практически вернулась к уровню середины 1980-х годов (таблица 9).

Снижение долей первых и одновременно четвертых и последующих рождений длительное время взаимно компенсировали друг друга, так что средняя очередность рождения (COP)¹² в 1993-2006 гг. колебалась вокруг одного и того же уровня – 1,6 (таблица 9). Структурные изменения рождаемости в 2007-2014 гг. вызвали увеличение COP до 1,79, что может трактоваться как свидетельство определенного успеха политики по стимулированию рождаемости, проводимой в последние годы. Дело в том, что COP как статистический индикатор уровня рождаемости выступает в качестве неплохого предиктора величины итоговой рождаемости реальных поколений¹³. Эмпирическое доказательство этому утверждению представлено на рисунке 5, где показатели итоговой рождаемости для реальных поколений сравниваются с показателями для условных поколений - КСР и COP.

Для реальных поколений женщин расхождений между средней очередностью рождений и итоговым показателем рождаемости не может быть, это по сути один и тот же показатель – среднее число рожденных детей в расчете на одну женщину к концу детородного периода. Для условных поколений в случае плавных изменений возрастной модели рождаемости и стабильной доли ни разу не рожавших женщин расхождения между показателями также минимальны, как это, например, имело место в 1980 и 1990 г. (расхождения менее 0,2 рождений на одну женщину).

Однако в случае резких изменений календаря рождений у многих женщин или, иначе, резких изменений средних темпов формирования окончательного размера потомства в реальных поколениях расхождения между этими интегральными характеристиками уровня рождаемости для условных и реальных поколений становятся неизбежными, причем они тем больше, чем значительнее меняются средние темпы формирования семьи. Напомним, что и КСР и COP – показатели для условных поколений, и следовательно они должны трактоваться как *ожидаемые* характеристики итоговой величины рождаемости поколений. В случае повышенных темпов (дети рождаются у родителей в более молодом

¹² Средняя очередность рождения рассчитывается как средняя арифметическая взвешенная величина биологического порядка рождений у матери, весами для которой служат коэффициенты суммарной рождаемости условного поколения для каждой очередности рождения.

¹³ Включение тем или иным способом в расчет показателей рождаемости, дифференцированных по очередности рождения, существенно уменьшает зависимость показателей итоговой рождаемости для условных поколений (календарных лет) от кратковременных или более долговременных изменений в календаре рождений, происходящих в реальных поколениях. Так, считается, что показатель, характеризующий средний порядок рождения у матери (*Period Average Parity, PAP*), полученный на основе вероятностей очередного рождения из специальных таблиц рождаемости для условных поколений, является одной из наилучших альтернатив традиционному коэффициенту суммарной рождаемости (см., например: [Rallu, Toulemon 1994a,b; Suzuki 2007; Buber et al. 2012]). Показатель COP, обсуждаемый здесь, конечно уступает по своим эвристическим возможностям показателям, полученным на основе специальных таблиц рождаемости с учетом очередности рождения и интервалов между рождениями. Тем не менее он, оставаясь индикатором для условных поколений, будет, во-первых, заведомо более устойчив к влиянию изменений в возрастном профиле (календаре) деторождения, искажающих общую оценку уровня рождаемости, которую дает КСР, а во-вторых, он подкупающе прост для расчетов на основе данных текущей статистики (не требует построения сложных мультистатусных таблиц), что позволяет его широко использовать в сравнительных целях.

возрасте, с более короткими интервалами между рожденьями, чем прежде) коэффициент суммарной рождаемости дает *завышенную* оценку действительного уровня рождаемости и, соответственно, превышает СОР, который выступает в роли более консервативного индикатора ожидаемого уровня рождаемости для реальных поколений. Пример тому - ситуация середины 1980-х годов, когда введенные в действие в 1981 г. меры семейной политики, в первую очередь, отпуска по уходу за ребенком, вызвали дезорганизацию прежнего календаря рождений среднестатистической женщины – значительное число женщин 1960-х годов рождения поспешило родить детей, в особенности вторых детей, на несколько лет раньше (снижался возраст матерей, уменьшался интервал между рожденьями). КСР подскочил с 1,89 в 1980 г. до 2,23 в 1987 г. или более чем на 0,3 ребенка в расчете на одну женщину. В действительности демографический эффект от этих мер политики был куда менее значимым, поскольку семьи не столько поменяли свои намерения в отношении окончательного размера своего потомства, сколько пересмотрели «расписание» их появления на свет, на что и указывает слабая реакция показателя СОР (1,74 в 1980 г. и 1,83 в 1987 г., разница всего в 0,09 ребенка, очень близкая по величине к оценке положительного влияния политики на величину итоговой рождаемости реальных поколений; подробнее см.: [Захаров 2006]).

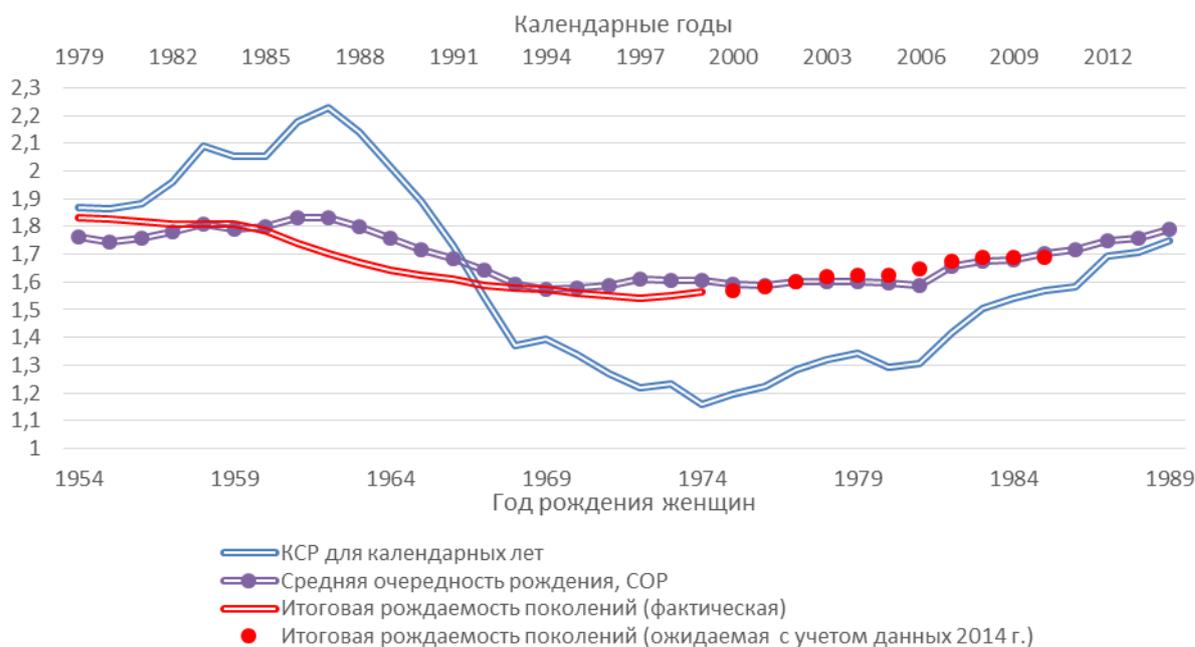

Рисунок 5. Индикаторы итоговой рождаемости условных и реальных поколений, Россия, рождений на одну женщину

Источник: Расчеты автора на основе неопубликованных данных Росстата для однолетних возрастных групп.

Примечания: КСР – коэффициент суммарной рождаемости для календарных лет;
СОР – средняя очередность рождения для календарных лет;
итоговая рождаемость (фактическая) – для женских поколений 1954-1974 годов рождения;
итоговая рождаемость (ожидаемая при сохранении возрастных коэффициентов рождаемости, наблюдаемых в 2014) – для женских поколений 1974-1989 годов рождения.

В 1990-х годах наблюдалась обратная картина – показатель средней очередности рождения заметно превышал коэффициент суммарной рождаемости, что свидетельствует о существенном замедлении темпов формирования семьи – женщины, родившиеся в 1970-х и 1980-х годах, стали обзаводиться детьми позднее, чем предыдущие поколения. В итоге КСР, оцененный для календарных лет (для условных поколений), давал *заниженную* оценку ожидаемой величины итоговой рождаемости поколений, переживающих процесс трансформации возрастной модели рождаемости в сторону более позднего материнства.

С 2000 г. увеличивающийся коэффициент суммарной рождаемости сближается по своей величине со средней очередностью рождения, демонстрировавшей большую стабильность на протяжении последних десятилетий. Не свидетельствует ли данная тенденция о завершении наиболее динамичного этапа формирования новой, более поздней модели рождаемости в России, при которой уровень итоговой рождаемости реальных поколений меняется мало?

Опираясь на усредненную оценку СОР для последних 10 лет, можно предположить, что если не будет происходить дальнейшее повышение доли окончательно бездетных женщин (т.е. ни разу не рожавших живого ребенка) и структура матерей по числу рождений не будет меняться, то итоговая рождаемость реальных женских поколений, находящихся сейчас вблизи среднего возраста материнства 27-28 лет (т.е. родившихся во второй половине 1980-х годов), составит около 1,7 ребенка в расчете на одну женщину. В случае, если тенденция к росту СОР, отмеченная в после 2006 г., сохранится, то, казалось бы, можно рассчитывать и на несколько более высокий результат для этих поколений (напомним, что СОР для 2014 г. была близка к 1,8; см. таблицу 9). Однако этому оптимистическому сценарию противостоит устойчивая тенденция снижения вероятности первых рождений в реальных поколениях, о чем пойдет речь ниже.

Наиболее корректную оценку вероятности, с которой в данном календарном году происходило рождение детей той или иной очередности у матерей всех возрастов, дает показатель, называемый в демографии *вероятностью увеличения семьи* (в англоязычной литературе – *Parity Progression Ratio, PPR*), - доля женщин, родивших очередного ребенка в текущем году, среди тех, кто уже родил на одного ребенка меньше (например, вероятность рождения первого ребенка – это доля женщин, родивших первого ребенка в расчетном году, среди ни разу не рожавших женщин к началу года, а вероятность третьего ребенка – доля двухдетных матерей, рождающих в данном году третьего ребенка). Данный показатель получается на основе построения специальных таблиц рождаемости по очередности рождения - модели, аналогичной таблице дожития (смертности), в которой совокупностями, убывающими с возрастом, выступают числа женщин с тем или иным числом фактически рожденных детей. Для получения ежегодных оценок вероятностей родить очередного ребенка используется последовательная год за годом когортная передвижка распределения женщин по числу когда-либо рожденных детей на основе ежегодных распределений рождений по возрасту матери и очередности рождения, которые предоставляет текущий статистический учет, а также ежегодных изменений численностей когорт ввиду смертности и миграции, оцениваемых Росстатом.

Наши годовые оценки вероятностей увеличения семьи за последние 35 лет с оговоркой, что за период 1999-2011 гг. расчеты базируются на неполных данных¹⁴, представлены на рисунке 6.

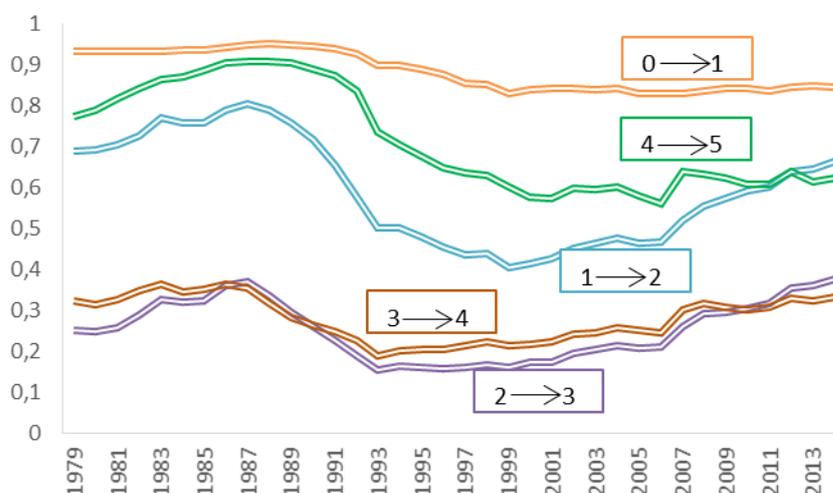

Рисунок 6. Итоговая вероятность увеличения семьи по очередности рождения для женщины к возрасту 50 лет, Россия, 1979-2014

Источник: Расчеты автора на основе неопубликованных данных Росстата.

Примечание: За 1999-2011 гг. оценка произведена на основе данных по территориям, представившим в Росстат сведения о рождениях одновременно по возрасту матери и очередности рождения.

В первой половине 1980-х годов вероятность следующего рождения повышалась для детей всех очередностей, что было очевидной реакцией на инновационные меры семейной политики (в частности, введение отпусков по уходу за ребенком, в том числе частично оплачиваемых, льгот при предоставлении жилья и др.), но затем движение пошло в противоположном направлении. Во второй половине 1980-х годов стремительно откладывались (и, видимо, частично так и не реализовались) рождения не только вторых и последующих детей, но даже и первенцев. Ситуация начала выправляться лишь в середине 1990-х годов. Начиная с 1994 г. медленно, но монотонно поползла вверх вероятность рождения третьих и четвертых детей, с 2000 г. – вероятность вторых рождений. Вероятности появления на свет первых и пятых детей сохранились на уровне 1999 г.

Под воздействием новых мер демографической политики в 2007 г. произошел скачок вероятностей рождения детей всех очередностей, кроме первенцев. В 2008 г. рост вероятностей рождения для вторых, третьих и четвертых детей продолжился, а повышение вероятности рождения пятых и последующих детей прекратилось. В 2009 г. вероятность вторых рождений продолжала увеличиваться, но с замедлением темпов, рост вероятности третьих рождений прекратился, а вероятности четвертых и последующих рождений пошли на спад. В 2010 г. увеличилась только вероятность вторых и, в небольшой мере, третьих

¹⁴ Фактически российские данные стали неполными не в 1999 г., а еще раньше: в 1993-1994 гг. не собиралась информация по Ингушетии, в 1993-2003 гг. – по Чечне.

рождений. В 2011 г. вероятность вторых рождений продолжила тенденцию замедляющегося роста, едва заметно увеличились вероятности рождения всех последующих детей. В 2012 г. вновь подскочили вероятности рождения детей всех очередностей, причем вторых, третьих и четвертых – весьма существенно, повторяя ситуацию скачка, произошедшего в 2007 г. В 2013 г. наблюдался слабый и примерно одинаковый прирост вероятностей рождения вторых, третьих детей. В еще меньшей степени прирост затронул вероятность рождения первого ребенка, а вероятность четвертых и пятых рождений за год снизилась. Наконец, в 2014 г. мы вновь отмечаем снижение вероятности рождения первого ребенка при относительно слабом приросте вероятности вторых и третьих рождений (соответственно на 2 и 1,5 п.п.) и еще более слабом приросте вероятности четвертых и последующих рождений (менее 1 п.п.).

В отношении вероятности первых рождений следует констатировать продолжение длительного, пятнадцатилетнего периода стагнации этого показателя с колебаниями в пределах 0,82 - 0,85. Таким образом, заметный прирост с конца 1990-х годов итоговой рождаемости для условных поколений никак не связан с повышением шансов появления в семьях первенцев.

Ситуация с вероятностью рождения первенцев настораживает, ведь если не происходит ее увеличения, то сужается база для дальнейшего роста вторых и последующих детей. Если интенсивность рождения первенцев будет продолжать оставаться на том же уровне, что в 1999-2014 гг., то ожидаемая величина окончательно бездетных женщин (не имевших ни одного живорождения к возрасту 50 лет) составит в среднем 16% (от 15 до 18%). Если допустить эту величину неизменной, то чтобы достигнуть средней величины итоговой рождаемости в 2,1 рождения на одну представительницу поколения (пороговое значение, гарантирующее простое замещение поколений), необходимо, чтобы на одну когда-либо рожавшую женщину приходилось в среднем 2,5 рождения (а на женщину, когда-либо состоявшую в браке, еще больше). При таких условиях каждая вторая семья с детьми (родительская семья) должна иметь не менее трех детей. Учитывая сегодняшнее положение вещей, такую ситуацию представить себе трудно: согласно специальной таблице рождаемости для 2014 г. мы ожидаем, что на одну когда-либо рожавшую женщину к возрасту 50 лет будет приходиться в среднем 2,0 рождения, а среди них доля женщин, родивших одного ребенка, составит 34%, двоих детей – 41%, трех и более – 25%. В то же время, если бы доля ни разу не рожавших женщин уменьшилась до уровня 6-7% (устойчиво поддерживавшегося в 1970-1980-х гг.), то для достижения желаемой величины КСР 2,1 в расчет на одну женщину достаточно было бы иметь 2,2 рождения в расчете на одну женщину, когда-либо ставшую матерью. Доля двухдетных семей в таком случае продолжала бы существенно доминировать в населении над семьями с тремя и более детьми. Теоретически и практически такую ситуацию гораздо легче себе представить для будущей России, учитывая, что по данным многочисленных опросов общественного мнения именно двухдетная семья была и остается наиболее желанной.

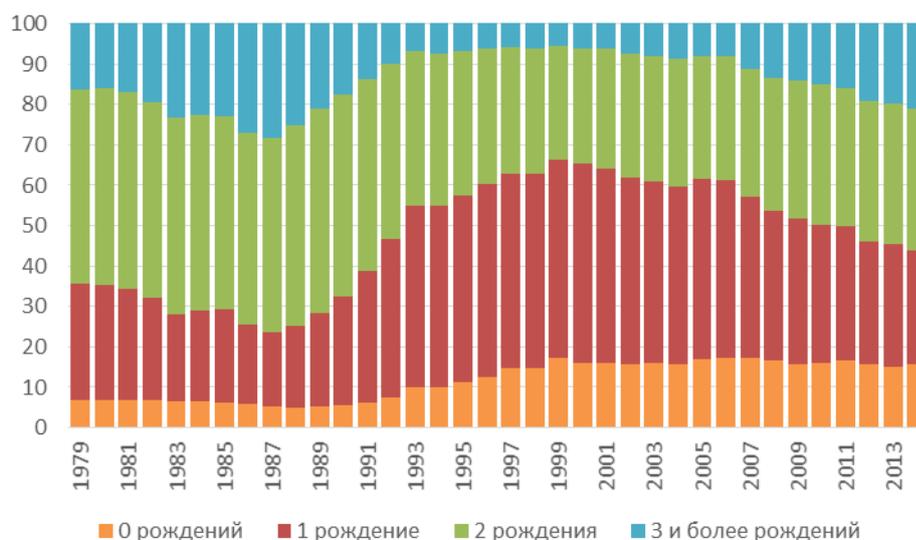

Рисунок 7. Ожидаемое распределение женщин по числу рожденных детей к возрасту 50 лет при сохранении уровня рождаемости расчетного года, Россия, 1979-2014, %

Источник: Расчеты автора на основе неопубликованных данных Росстата.

Ожидаемое распределение женщин по числу когда-либо рожденных детей к возрасту 50 лет в соответствии со специальными таблицами рождаемости для условных поколений 1980-2014 гг. представлено на рисунке 7. При сохранении вероятностей увеличения семьи для каждой очередности рождения, зафиксированных в 2014 г., доля женщин, родивших одного ребенка в течение жизни, среди всех женщин (рожавших и не рожавших) составит 28% против 44% в 2006 г. и 49% в 1999-2000 гг. (исторический максимум). Доля женщин с двумя рождениями ожидается на уровне 35% (31% в 2006 г., 28% в 1999-2000 гг.). Наконец, долю женщин с тремя и более рождениями можно ожидать на уровне 21% (8% в 2006 г., 6% в 1999-2000 гг.). Обращает на себя внимание более чем трехкратный рост ожидаемой доли многодетных, преимущественно трехдетных семей, произошедший с конца 1990-х годов. В то же время не очевидно, в какой мере этот рост может быть объяснен успехами проводимой политики по «стимулированию рождаемости» (по крайней мере, восходящий тренд обозначился задолго до активизации демографической политики), и, что еще более важно, мы не готовы уверенно ответить на вопрос, носят ли структурные изменения в российской рождаемости конъюнктурный или долговременный характер.

Если мы оставим в стороне бездетных женщин и сконцентрируем наше внимание на изменении структуры по ожидаемому числу рожденных детей для матерей, т.е. для женщин когда-либо родивших живого ребенка, то в тридцатилетней ретроспективе увеличение доли многодетных, наблюдаемое в последние 10 лет, не выглядит столь уж впечатляющим (рисунок 8). Во-первых, в период активизации демографической политики в 1980-е годы прирост доли женщин с тремя и более детьми был примерно таким же, а сама доля достигла в пиковом 1987 г. 30%, т.е. более высокого значения, чем сегодня, но на котором удержаться тогда она не смогла. Во-вторых, картина, представленная на рисунке 8, скорее свидетельствует в пользу представлений о «компенсаторно-восстановительной» динамике структуры российской рождаемости по очередности рождений после возмущений,

пережитых в 1980-х и 1990-х годах, нежели о радикальных подвижках, вызванных мерами демографической политики, принявшей открыто пронаталистский характер во второй половине 2000-х годов.

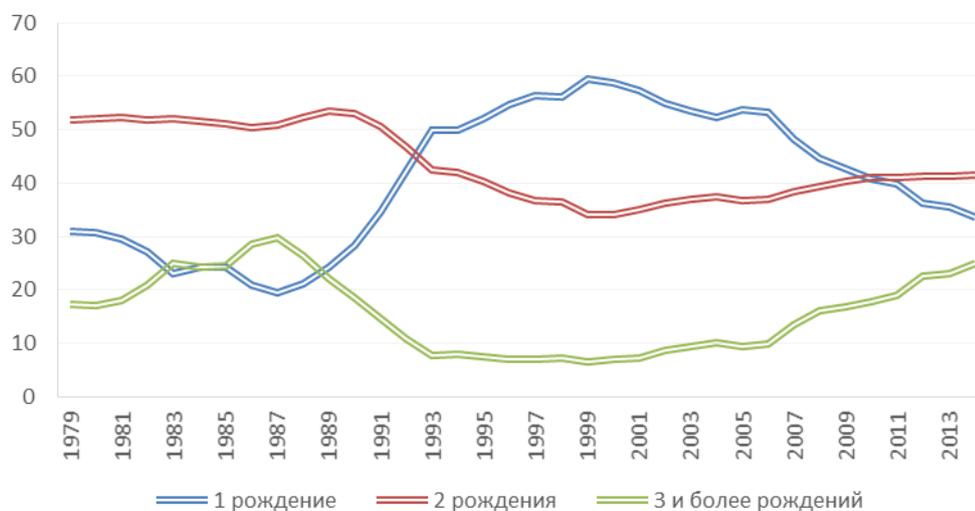

Рисунок 8. Ожидаемая доля матерей (женщин, родивших не менее одного живого ребенка) с указанным числом рожденных детей к возрасту 50 лет при сохранении уровня рождаемости расчетного года, Россия, 1979-2014

Источник: Расчеты автора на основе данных, приведенных на рисунке 7.

ЛИТЕРАТУРА

- Демографический ежегодник России 2000 (2000). М.: Госкомстат.
- Демографический ежегодник России 2015 (2015). М.: Росстат.
- Захаров С.В., Е.И. Иванова (1996). Региональная дифференциация рождаемости в России: 1959-1994 // Проблемы прогнозирования. 4: 109-130.
- Захаров С.В. (2006). Демографический анализ эффекта мер семейной политики в России в 1980-х гг. // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 5: 33-69.
- Захаров С.В. (2010). Ценностно-нормативные «расписания» человеческой жизни: представления жителей разных стран о том, когда девушка становится взрослой // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 4: 166-193.
- Захаров С.В., Е.В. Чурилова (2013). Феномен одинокого материнства в России // Мир России. 4(22): 86-117.
- Митрофанова Е.С. (2015). Возрастные особенности наступления стартовых демографических событий российских поколений // Народонаселение. 2: 87-100.
- Население России 2002. Десятый ежегодный демографический доклад (2004) / Отв. ред. А.Г. Вишневский. М.: Издательство КДУ.
- Население России 2003-2004. Одиннадцатый-двенадцатый ежегодный демографический доклад (2006) / Отв. ред. А.Г. Вишневский. М.: Наука.

- Население России 2005. Тринадцатый ежегодный демографический доклад (2007) / Отв. ред. А.Г. Вишневский. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Население России 2008. Шестнадцатый ежегодный демографический доклад (2010) / Отв. ред. А.Г. Вишневский. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Население России 2009. Семнадцатый ежегодный демографический доклад (2011) / Отв. ред. А.Г. Вишневский. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Население России 2010-2011. Восемнадцатый-девятнадцатый ежегодный демографический доклад (2013) / Отв. ред. А.Г. Вишневский. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Население России 2012. Двадцатый ежегодный демографический доклад (2014) / Отв. ред. А.Г. Вишневский. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Население России 2013. Двадцатый ежегодный демографический доклад (2015) / Отв. ред. С.В. Захаров. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Российский работник: образование, профессия, квалификация (2011) / Под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшников. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Слонимчик Ф., А. Юрко (2015). Оценка влияния политики материнского капитала в России // Демографическое обозрение. 2(3): 30-68.
- Фрейка Т., С.В. Захаров (2014). Эволюция рождаемости за последние полвека в России // Демографическое обозрение. 1(1): 106-143.
- Biryukova S., O.V. Sinyavskaya, I. Nurimanova (2016). Estimating effects of 2007 family policy changes on probability of second and subsequent births in Russia // NRU Higher school of economics. Basic research program working papers. Series: sociology. WP BRP68/Soc/2016. URL: <https://www.hse.ru/data/2016/02/03/1137672794/68SOC2016.pdf> (дата обращения 07.04.2016).
- Basten S., T. Frejka, co-ordinating authors (2015). The project prospects for a fertility increase in the formerly socialist countries of Central and Eastern Europe (CEEfamily). Department of Social policy and intervention. University of Oxford (UK). Barnet papers in social research. working paper. 15-01. Oxford, 2015 (February).
- Bosveld W. (1996). The ageing of fertility in Europe. A comparative demographic-analytic study. Amsterdam: Thesis Publishers.
- Buber I., T. Sobotka, A. Prskawetz, H. Engelhardt, R. Gisser (2012). Austria: stable and low fertility // Online handbook of demography. Berlin: The Berlin institute for population and development. URL: <http://www.berlin-institut.org/online-handbuchdemografie/bevoelkerungsdynamik/regionale-dynamik/austria.html> (дата обращения 07.04.2016).
- Chirkova S. (2013). Do pro-natalist policies reverse depopulation in Russia? University of Santiago working paper. URL: <http://www.sole-jole.org/14223.pdf> (дата обращения 07.04.2016).
- Frejka T., T. Sobotka, J. Hoem, L. Toulemon, eds (2008). Childbearing trends and policies in Europe // Demographic research. Special collection 7. Vol.19: 1-1178.
- Rallu J.-L., L. Toulemon (1994a). Period fertility measures. The construction of different indices and their application to France, 1946-1989 // Population (English selection). Vol.6: 59-93.
- Rallu J.-L., L. Toulemon (1994b). Period fertility measures. The author's reply // Population (English selection). 6: 123-130.

- Sobotka T. (2004). Postponement of childbearing and low fertility in Europe. University of Groningen. Amsterdam: Dutch University Press.
- Sobotka T. (2011). Fertility in Central and Eastern Europe after 1989. Collapse and gradual recovery // Historical social research (special issue Fertility in the 20th Century: trends, policies, theories, discourses). 36(2): 246-296.
- Suzuki T. (2007). Difference between TFR and parity progression measure of fertility // The Japanese journal of population. 5(1):12-18.

THE MODEST RESULTS OF THE PRONATALIST POLICY AGAINST THE BACKGROUND OF LONG-TERM EVOLUTION OF FERTILITY IN RUSSIA. PART 1

SERGEI ZAKHAROV

The idea of the extraordinary growth of fertility in Russia is widespread in the Russian expert community and media space. This increase is believed to be indicative of the positive results of the special financial measures taken by the State after 2006 in order to stimulate the rise of fertility level.

The author's viewpoint is more reserved. There are some positive developments, but their significance is quite insufficient to face the pink glasses on the future of Russian fertility and reproduction of population of the country.

With this paper, the author continues his previous long-term research in the field of in-depth demographic analysis of Russian fertility involving the latest official statistical data for 2014. The paper provides an overview of the trends of key fertility indicators in a few decades, as well as develops some methodological issues of the cohort fertility analysis in order to obtain more reliable projections.

The article consists of two interrelated parts.

In the first part, presented in this issue of the Journal, the author examines period fertility indicators (for calendar years), taking into account the latest changes in the structural characteristics of the Russian model of fertility that have occurred over the past several decades.

In the second part of the article, which will be presented in the next issue of the Journal, the author analyses cohort fertility indicators of generations of women, whose the actual and the expected reproductive activity has occurring in the second half of the XX - the first decades of the XXI century.

Key words: *fertility, birth order, period fertility, cohort fertility, fertility projections, demographic policy, pronatalist family policy in Russia.*

SERGEI V. ZAKHAROV (szakharov@hse.ru), NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, RUSSIA.

THE RESULTS OF THE PROJECT "DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT IN RUSSIA IN 2005-2015 IN THE CONTEXT OF LONG-TERM TRENDS", CARRIED OUT WITHIN THE FRAMEWORK OF THE BASIC RESEARCH PROGRAM AT THE NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS (HSE) IN 2016, ARE PRESENTED IN THIS PAPER.

DATE RECEIVED: APRIL 2016.

REFERENCES

- Basten S., T. Frejka, co-ordinating authors (2015). The project prospects for a fertility increase in the formerly socialist countries of Central and Eastern Europe (CEEfamily). Department of Social policy and intervention. University of Oxford (UK). Barnet papers in social research. working paper. 15-01. Oxford, 2015 (February).
- Biryukova S., O.V. Sinyavskaya, I. Nurimanova (2016). Estimating effects of 2007 family policy changes on probability of second and subsequent births in Russia // NRU Higher school of economics. Basic research program working papers. Series: sociology. WP BRP68/Soc/2016. URL: <https://www.hse.ru/data/2016/02/03/1137672794/68SOC2016.pdf> (дата обращения 07.04.2016).

- Bosveld W. (1996). The ageing of fertility in Europe. A comparative demographic-analytic study. Amsterdam: Thesis Publishers.
- Buber I., T. Sobotka, A. Prskawetz, H. Engelhardt, R. Gisser (2012). Austria: stable and low fertility // Online handbook of demography. Berlin: The Berlin institute for population and development. URL: <http://www.berlin-institut.org/online-handbuchdemografie/bevoelkerungsdynamik/regionale-dynamik/austria.html> (accessed: 07.04.2016).
- Chirkova S. (2013). Do pro-natalist policies reverse depopulation in Russia? University of Santiago working paper. URL: <http://www.sole-jole.org/14223.pdf> (accessed: 07.04.2016).
- Demograficheskiy ezhegodnik Rossii 2000 [Demographic yearbook of Russia 2000] (2000). Moscow: Goskomstat.
- Demograficheskiy ezhegodnik Rossii 2015 [Demographic yearbook of Russia 2015] (2015). Moscow: Rosstat.
- Frejka T., S.V. Zakharov (2014). Evolyutsiya rozhdanosti za poslednie polveka v Rossii [Fertility trends in Russia during the past half century: period and cohort perspectives] // Demograficheskoe obozrenie [Demographic review]. 1(1): 106-143.
- Frejka T., T. Sobotka, J. Hoem, L. Toulemon, eds (2008). Childbearing trends and policies in Europe // Demographic research. Special collection 7. Vol.19: 1-1178.
- Mitrofanova E.S. (2015). Vozrastnye osobennosti nastupleniya startovykh demograficheskikh sobytiy rossiyskikh pokoleniy [Age specifics of the occurrence of starting demographic events among Russian generations] // Narodonaselenie [Population]. 2: 87-100.
- Naselenie Rossii 2002. Desyatyy ezhegodnyy demograficheskiy doklad [Population of Russia 2002. Tenth annual demographic report] (2004) / A.G. Vishnevsky, ed. Moscow: Izdatelstvo KDU.
- Naselenie Rossii 2003-2004. Odinnadtsatyy-dvenadtsatyy ezhegodnyy demograficheskiy doklad [Population of Russia 2003-2004. Eleventh-twelfth annual demographic report] (2006) / A.G. Vishnevsky, ed. Moscow: Nauka.
- Naselenie Rossii 2005. Trinadtsatyy ezhegodnyy demograficheskiy doklad [Population of Russia 2005. Thirteenth annual demographic report] (2007) / A.G. Vishnevsky, ed. Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki.
- Naselenie Rossii 2008. Shestnadtsatyy ezhegodnyy demograficheskiy doklad [Population of Russia 2008. Sixteenth annual demographic report] (2010) / A.G. Vishnevsky, ed. Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki.
- Naselenie Rossii 2009. Semnadtsatyy ezhegodnyy demograficheskiy doklad [Population of Russia 2009. Seventeenth annual demographic report] (2011) / A.G. Vishnevsky, ed. Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki.
- Naselenie Rossii 2010-2011. Vosemnadtsatyy-devyatnadtsatyy ezhegodnyy demograficheskiy doklad [Population of Russia 2010-2011. Eighteenth-nineteenth annual demographic report] (2013) / A.G. Vishnevsky, ed. Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki.
- Naselenie Rossii 2012. Dvadtsatyy ezhegodnyy demograficheskiy doklad [Population of Russia 2012. Twentieth annual demographic report] (2014) / Otv. red. A.G. Vishnevskiy [A.G. Vishnevsky, ed.]. Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki.

- Naselenie Rossii 2013. Dvadsatyy ezhegodnyy demograficheskiy doklad [Population of Russia 2013. Twenty first annual demographic report] (2015) / S.V.Zakharov, ed. Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki.
- Rallu J.-L., L. Toulemon (1994a). Period fertility measures. The construction of different indices and their application to France, 1946-1989 // Population (English selection). Vol.6: 59-93.
- Rallu J.-L., L. Toulemon (1994b). Period fertility measures. The author's reply // Population (English selection). 6: 123-130.
- Rossiyskiy rabotnik: obrazovanie, professiya, kvalifikatsiya [Russian worker: education, profession, qualification] (2011) / V.E. Gimpelson, R.I. Kapelushnikov, eds. Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki.
- Slonimczyk F., A. Yurko (2015). Otsenka vliyaniya politiki materinskogo kapitala v Rossii [Assessing the impact of the maternity capital policy in Russia] // Demograficheskoe obozrenie [Demographic review]. 2(3): 30-68 (Russian translation from: Slonimczyk F., A.Yurko (2014). Assessing the impact of the maternity capital policy in Russia //Labour Economics. 30:265-281).
- Sobotka T. (2004). Postponement of childbearing and low fertility in Europe. University of Groningen. Amsterdam: Dutch University Press.
- Sobotka T. (2011). Fertility in Central and Eastern Europe after 1989. Collapse and gradual recovery // Historical social research (special issue Fertility in the 20th Century: trends, policies, theories, discourses). 36(2): 246-296.
- Suzuki T. (2007). Difference between TFR and parity progression measure of fertility // The Japanese journal of population. 5(1):12-18.
- Zakharov S.V. (2006). Demograficheskiy analiz effekta mer semeynoy politiki v Rossii v 1980-kh gg. [Demographic analysis of the effect of family policy measures in Russia in the 1980s] // SPERO. Sotsial'naya politika: ekspertiza, rekomendatsii, obzory [SPERO. Social policy: expertise, recommendations, overviews]. 5 (Fall-winter): 33-69.
- Zakharov S.V. (2010). Tsennostno-normativnye «raspisaniya» chelovecheskoy zhizni: predstavleniya zhiteley raznykh stran o tom, kogda devushka stanovitsya vzrosloy [Value-normative schedule of human life: views of people from different countries about when a girl becomes an adult] // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny [The monitoring of public opinion: economic and social changes journal]. 98(4) (July-august): 166-193.
- Zakharov S.V., E.I. Ivanova (1996). Regional'naya differentsiatsiya rozhdaemosti v Rossii: 1959-1994 [Regional fertility differentiation in Russia: 1959-1994] // Problemy prognozirovaniya [Studies on Russian economic development]. 7(4): 109-130.
- Zakharov S.V., E.V. Churilova (2013). Fenomen odinokogo materinstva v Rossii [Single motherhood in Russia: statistical and demographic analysis of its prevalence and formation patterns] // Mir Rossii [Universe of Russia]. 4(22): 86-117.

СМЕРТНОСТЬ В МОСКВЕ И ДРУГИХ МЕГАПОЛИСАХ МИРА: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ

ЕВГЕНИЙ АНДРЕЕВ, ЕКАТЕРИНА КВАША, ТАТЬЯНА ХАРЬКОВА

Статья посвящена сравнению смертности по причинам смерти в Москве и в других мегаполисах мира в период после 1990 г. Выбор мегаполисов определялся доступностью подробных данных о смертности в рассматриваемый период. Объектами сравнения стали Берлин, Гонконг, Лондон, Лос-Анджелес, Нью-Йорк, Санкт-Петербург, Сингапур, Токио. Рассмотрена смертность от основных групп причин смерти, включая болезни системы кровообращения, новообразования, внешние причины, болезни органов дыхания и пищеварения, инфекции и некоторые другие. Анализ основан на стандартизованных коэффициентах смертности по причинам смерти.

Уровень смертности в Москве существенно ниже, чем в большинстве регионов России, но по-прежнему существенно выше, чем в зарубежных мегаполисах. За счет отставания в начале рассматриваемого периода уровень смертности в Москве остается выше, чем во всех зарубежных мегаполисах в 2000 г. Наиболее сильно Москва проигрывает по уровню смертности от болезней системы кровообращения и внешних причин. Успехи Москвы в снижении смертности в 2000-2014 гг. внушают некоторый оптимизм, однако трудно предугадать, как будут развиваться события в условиях ухудшающейся экономической ситуации.

Ключевые слова: Москва, смертность, причины смерти, мегаполисы, болезни системы кровообращения, внешние причины, новообразования.

На фоне общероссийских тенденций ситуация со смертностью в Москве в настоящее время выглядит весьма благоприятной. В начале 1990-х годов стандартизованный коэффициент смертности (СКС)¹ и мужчин, и женщин в Москве практически не отличался от показателей по городским поселениям Центрального федерального округа (ЦФО), за исключением Москвы, и по Санкт-Петербургу (рисунок 1). В среднем за 1990-1994 гг. СКС в Москве был ниже у мужчин лишь на 3-4%, а у женщин даже выше почти на 3% по сравнению с другими городами ЦФО, но ниже, чем в Санкт-Петербурге, на 3,5%. В течение последующих четырех лет вплоть до 1998 г. динамика и уровень смертности в двух столицах демонстрировали почти полное совпадение, но затем их пути разошлись. В Москве продолжилось снижение смертности и у мужчин, и у женщин, а в Санкт-Петербурге и в городах ЦФО, за исключением Москвы, так же, как и в стране в целом, отмечался рост смертности, а снижение началось только с 2004 г.

ЕВГЕНИЙ МИХАЙЛОВИЧ АНДРЕЕВ, Российская экономическая школа, Россия.

ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА КВАША, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия.

ТАТЬЯНА ЛЕОНИДОВНА ХАРЬКОВА (tkharkova@hse.ru), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия.

Статья подготовлена по результатам исследовательского проекта «Тенденции демографического развития России в 2005-2015 гг. в контексте долговременных демографических трендов», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2016 г.

Статья поступила в редакцию в июле 2016 г.

¹ Здесь и далее при расчете стандартизованных показателей в качестве стандарта используется Европейское стандартное население 1976 г. [Waterhouse et al. 1976]

В результате отрыв Москвы от других городов ЦФО и от Санкт-Петербурга стал более значительным. Так, если в 2000 г. СКС в Москве был ниже, чем в Санкт-Петербурге, у мужчин на 18% и у женщин на 13%, а по сравнению с городами ЦФО без Москвы соответственно на 29 и 18%, то в 2014 г. разрыв увеличился соответственно до 21 и 45% у мужчин и 15 и 30% у женщин.

По динамике СКС для женщин города ЦФО, за исключением Москвы, неотличимы от России в целом, у мужчин смертность по стране в целом немного ниже, чем по ЦФО. К концу периода СКС в Москве был ниже общероссийского для мужчин в 1,7 раза, а для женщин в 1,4 раза. Если не брать в расчет республики Северного Кавказа, где данные статистики смертности до сих пор вызывают сомнения, то обнаружится, что в Москве со второй половины 1990-х годов отмечаются самые низкие среди регионов России СКС (с 1997 г. у мужчин и с 1999 г. у женщин).

Почти весь период после 1990 г. динамика смертности в Москве была гораздо более благоприятной, чем в большинстве регионов России. Однако в главном она формировалась теми же факторами, что и общероссийская динамика. После существенного падения уровня смертности в стране в годы антиалкогольной кампании уже в конце 1980-х годов начался его медленный рост. Рост ускорился в начале 1990-х, когда кампания была полностью прекращена и произошло значительное падение продолжительности жизни, минимум которой был зафиксирован в 1994 г. К 1998 г. уровень смертности в стране снизился, но остался существенно выше, чем 1990 г., затем на фоне финансового кризиса 1998 г. произошел новый рост, продолжавшийся до 2003 г. Рост смертности после 1998 г. связывают с финансовым кризисом, но общепринятого объяснения причин ее снижения между 1994 и 1998 г. и ее роста между 1998 и 2003 г. не существует [Вишневецкий 2006: 293-323; Школьников и др. 2014]. После 2003 г. в стране началось устойчивое снижение смертности, которое продолжается до настоящего времени, сильно замедлившись в условиях нового экономического кризиса [Андреев и др. 2015; Школьников и др. 2014; Андреев, Кваша, Харьков 2013].

Главное отличие динамики смертности в Москве от общероссийских тенденций (рисунок 1) в том, что после пика 1994 г. ухудшение ситуации в смертности было весьма умеренным, а начиная с 2001 г., т.е. на 3 года раньше, чем в стране, началось устойчивое снижение.

Как бы высоко мы не оценивали успехи Москвы при внутривнутрироссийских сравнениях, на фоне европейских стран – «старых» членов ЕС² (ЕС-15) уровень смертности в Москве остается высоким, хотя некоторое сближение с ними, особенно у женщин, в течение последнего двадцатилетия и отмечается. Если в 1995 г. СКС в Москве был выше аналогичного показателя в среднем по странам ЕС-15 у мужчин в 2,2 раза и у женщин в 1,9 раза, то в 2013 г. – соответственно в 1,5 и 1,1 раза. Иная картина отмечается при сравнении Москвы со средними показателями для стран – «новых» членов ЕС³. Вплоть до 2010 г. СКС

² Страны, вступившие в ЕС до мая 2004 г.: Австрия, Бельгия, Великобритания, Германия, Греция, Дания, Италия, Ирландия, Испания, Люксембург, Нидерланды, Португалия, Финляндия, Франция, Швеция.

³ Страны, вступившие в ЕС после мая 2004 г.: Болгария, Венгрия, Кипр, Латвия, Литва, Мальта, Польша, Румыния, Словакия, Словения, Чехия, Эстония.

в Москве были выше, чем в 12 странах – новых членах ЕС, особенно в 1993-1995 и 2000-2003 гг., когда превышение составляло соответственно у мужчин 42-53 и 21-23%, а у женщин 20-25 и 16-17%. Однако, начиная с 2011 г., смертность в Москве и у мужчин, и у женщин стала несколько ниже, чем в 12 новых странах ЕС.

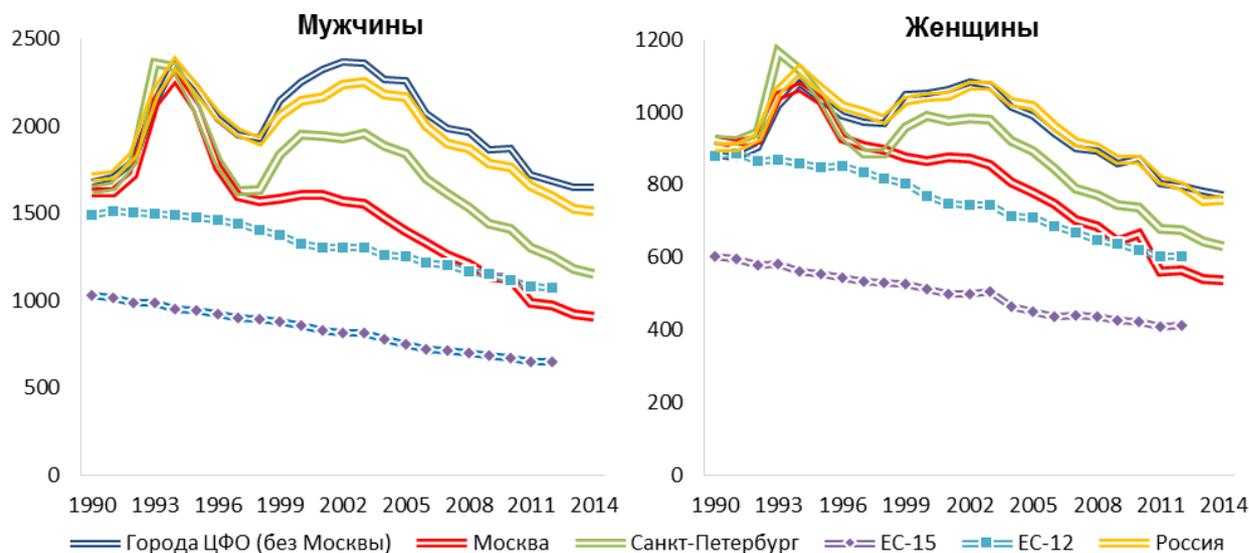

Рисунок 1. Стандартизованный коэффициент смертности от всех причин в Москве, городском населении ЦФО без Москвы, Санкт-Петербурге и ЕС-15, 1990-2014, на 100 000

Москва не только столица России, но и один из крупнейших мегаполисов мира [UN 2015]. В 2014 г. Москва занимала 21-е место среди крупнейших городских агломераций мира, поэтому вполне логично сравнивать уровень смертности в Москве со смертностью в других крупнейших мегаполисах.

ДАННЫЕ

Первостепенное внимание при отборе мегаполисов уделялось их размеру по численности населения и наличию качественных статистико-демографических данных. В частности, выбор сравниваемых мегаполисов был обусловлен наличием в открытых источниках стандартизованных коэффициентов смертности или распределения чисел умерших по возрасту, полу и причинам смерти. В результате были отобраны мегаполисы, расположенные в разных частях мира, а также второй после Москвы российский мегаполис – Санкт-Петербург (таблица 1).

Мы будем сравнивать данные за 4 года: 1990 г. (или первый следующий за ним год, за который имеются данные), 2000, 2010 и 2013 г. (или последний год, за который имеются данные).

Сравнительный анализ проводится как по крупным классам причин смерти, так и по отдельным важнейшим группам причин внутри классов, определяющим основные изменения общей смертности.

К сожалению, не по всем выбранным городам (мегаполисам) имеются данные по полному перечню рассматриваемых нами причин смерти. Поэтому по нескольким городам в анализе участвуют только некоторые причины.

Таблица 1. Мегаполисы, отобранные для сравнения с Москвой

Мегаполис	Дата оценки	Численность населения, млн человек	Источник	Интернет-адрес
Берлин	31.12.2014 г.	3,5	The Information System of the Federal Health Monitoring	http://www.gbe-bund.de/gbe10/pkg_isgbe5.prc_isgbe?p_uid=gast&p_aid=0&p_sprache=E
Гонконг	2013 г.	7,2	WHO Mortality database	http://www.who.int/healthinfo/mortality_data/en/
Лондон	Среднегодовое население 2012 г.	8,3	GBD Compare – Public Health England Viz Hub	http://vizhub.healthdata.org/gbd-compare/england
Лос-Анджелес	2014 г.	3,9	Publication of the Los Angeles County Department of public health	http://www.publichealth.lacounty.gov/index.htm
Москва	Среднегодовое население 2014г.	12,2	Данные Росстата России	http://www.gks.ru/
Нью-Йорк	2013 г.	8,4	Department of Health Vital Statistics of New York State	http://www.health.ny.gov/statistics/vital_statistics/index.htm
Санкт-Петербург	Среднегодовое население 2014 г.	5,2	Данные Росстата России	http://www.gks.ru/
Сингапур	2013 г.	3,8	WHO Mortality database	http://www.who.int/healthinfo/mortality_data/en/
Токио	01.10.2014 г.	13,4	Tokyo Statistical Yearbook за 1990, 2000, 2010 и 2013 г. Portal site of official statistics of Japan Population by Age (5-Year Age Group) and Sex for Prefectures - Total population, October 1, 2013	http://www.e-stat.go.jp/SG1/estat/ListE.do?lid=000001118081

Примечание: Приводится численность населения самого города, а не городской агломерации. Ссылки на указанные в таблице источники далее в тексте статьи не повторяются.

ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ СМЕРТНОСТИ И СТРУКТУРА СМЕРТНОСТИ ПО ПРИЧИНАМ СМЕРТИ

Вплоть до конца 1990-х годов динамика смертности в Москве и Санкт-Петербурге была сходной (рисунок 2), хотя колебания смертности в Санкт-Петербурге были большими. Но с начала 2001 г. различия в динамике весьма существенны. Из рисунка 2 видно, что показатели смертности жителей Москвы почти совсем не отреагировали на экономический кризис 1998 г., а в Санкт-Петербурге рост смертности был весьма значительным. В Москве СКС у мужчин с 1998 по 2000 г. вырос на 38, а в Санкт-Петербурге – на 312 промилльных пункта. У женщин Москвы СКС вообще снизился на 31 промилльный пункт, а вот в Санкт-Петербурге рост составил 104 в расчете на 1000 человек.

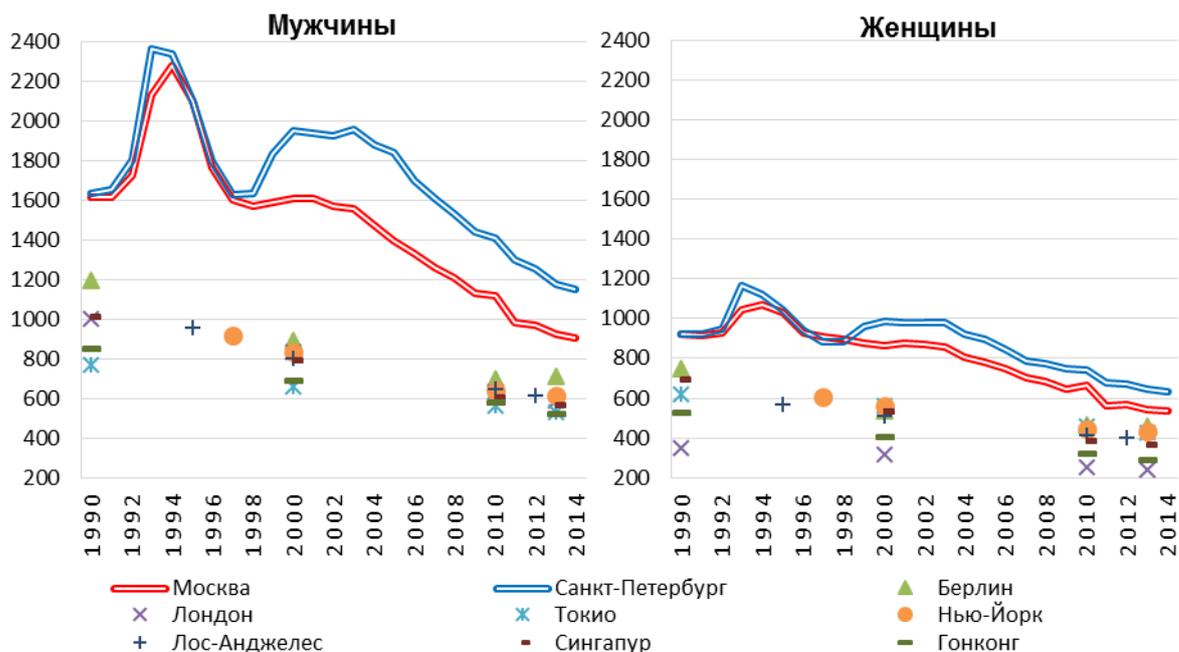

Рисунок 2. Стандартизованные коэффициенты смертности в 7 мегаполисах, 1990-2014, на 100 000

В результате почти за четверть века (с 1990 по 2014 г.) СКС в Москве снизился у мужчин в 1,8 раза, а у женщин в 1,7 раза. В Санкт-Петербурге снижение составило 1,4 и 1,5 раза соответственно. Много это или мало, и как изменилось место Москвы по уровню СКС в сравнении с рассматриваемыми нами мегаполисами?

Из таблицы 2 и рисунка 2 видно, что по уровню смертности Москва как в начале, так и в конце периода, сильно отстает от всех рассматриваемых зарубежных мегаполисов. Стандартизованный коэффициент смертности в Москве превышает соответствующие показатели других мегаполисов в 1,5-2 раза. После 2000 г. отставание сокращалось, в 2013 г., по сравнению с 1990 г., разрыв по уровню смертности между Москвой и другими мегаполисами (кроме Сингапура) немного уменьшился и у мужчин, и у женщин, хотя в начале 2000-х годов он даже несколько вырос, но все же и сейчас он еще остается очень большим (рисунок 3).

Таблица 2. Стандартизованные коэффициенты смертности в некоторых мегаполисах, 1990, 2000, 2010, 2013, на 100000

Мегаполис	Мужчины				Женщины			
	1990*	2000	2010	2013**	1990*	2000	2010	2013**
Берлин	1197,6	890,4	696,1	707,6	744,8	538,1	463,9	460,4
Гонконг	852,7	690,7	580,9	523,3	531,1	405,1	325,4	293,6
Лондон	1001,6	833,5	635,7	589,0	348,0	315,6	253,8	240,6
Лос-Анджелес	956,0	798,5	649,3	614,4	570,7	510,2	411,2	398,2
Москва	1617,2	1605,3	1120,5	922,2	922,9	864,4	664,7	541,0
Нью-Йорк	918,6	833,5	642,4	611,5	603,8	561,3	446,3	433,1
Санкт-Петербург	1632,4	1947,2	1409,0	1176,2	924,0	988,7	738,7	642,9
Сингапур	1017,0	797,0	609,8	566,0	699,3	538,3	385,6	366,3
Токио	770,9	657,9	562,9	528,5	619,0	562,6	460,8	428,3

Примечания: * – Лос-Анджелес -1995 г., Нью-Йорк- 1997 г.; ** – Лос-Анджелес - 2012 г.

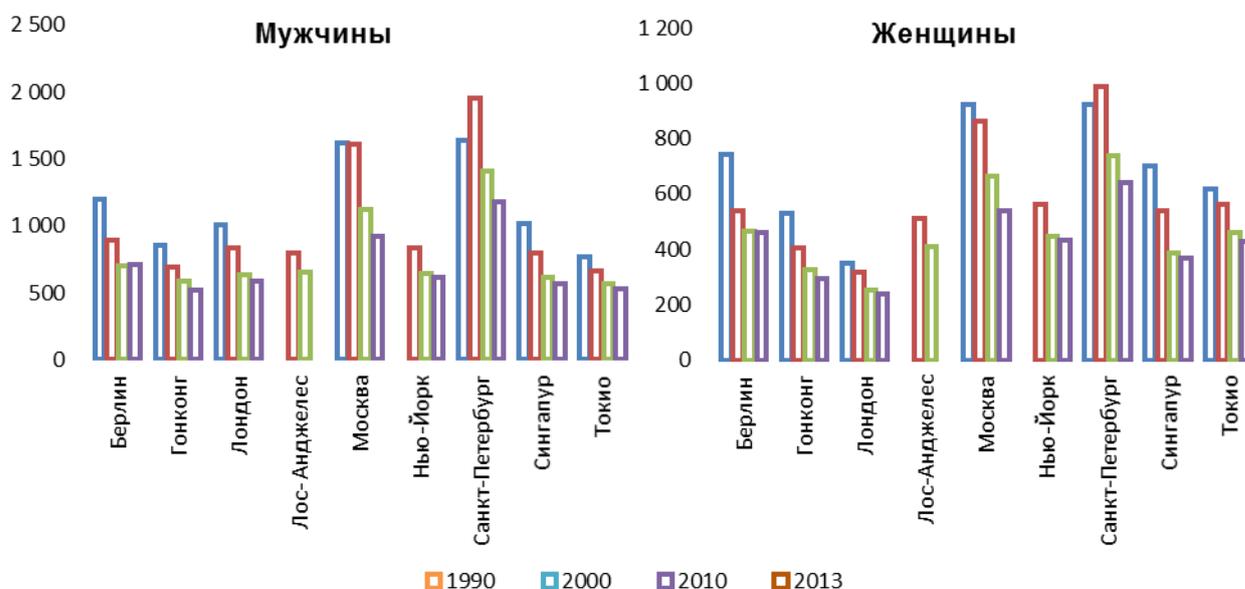

Рисунок 3. Стандартизованные коэффициенты смертности в 7 мегаполисах, 1990, 2000, 2010, 2013

Примечание: Лос-Анджелес - 1995 г., Нью-Йорк - 1997 г., Лос-Анджелес - 2012 г.

Какие же причины смерти отличают уровень смертности в Москве от других мегаполисов, какие причины в последнее 25-летие определили снижение смертности в Москве, и за счет каких снижается смертность в других мегаполисах?

В целом за рассматриваемый период основные классы причин, определяющие смертность в Москве, равно как и их ранжирование по значимости, изменений не претерпели (рисунок 4).

На протяжении всего рассматриваемого периода наибольший вклад в смертность в Москве как у мужчин, так и у женщин вносили болезни системы кровообращения (БСК). За 25 лет доля этого класса несколько снизилась (на 7,5 процентных пункта у мужчин и на 7,3 пункта у женщин). Второе место как у мужчин, так и у женщин принадлежит новообразованиям, причем у женщин к 2014 г. вклад этого класса в общую смертность вырос на 3,8 пункта. На третьем месте в Москве – «внешние причины смерти», доля которых оставалась довольно стабильной. Отдельного внимания заслуживает такая собирательная группа причин, как «Другие причины», куда вошли все остальные, не выделенные на рисунке, классы. Вклад этой группы причин в СКС вырос у мужчин в 2, а у женщин в 1,5 раза, значительную долю в ней, особенно в Москве и Берлине, занимает класс «Симптомы, признаки и неточно обозначенные состояния», включающий такие причины смерти, как старость, синдром внезапной смерти младенца, смерть по неустановленным причинам и другие симптомы и неточно обозначенные состояния. Начавшееся в 2012 г. в Москве более широкое использование при кодировании причин смерти диагноза «симптомы и неточно обозначенные состояния» привело к тому, что в 2013-2014 гг. СКС от неустановленных причин и у мужчин, и у женщин стал даже выше, чем от внешних причин. Учитывая уровень патолого-анатомической службы в Москве, мы склонны считать, что такое соотношение можно объяснить лишь тем, что «симптомы и неточно

обозначенные состояния» часто заменяют другую причину, скорее всего, «повреждения с неустановленными намерениями».

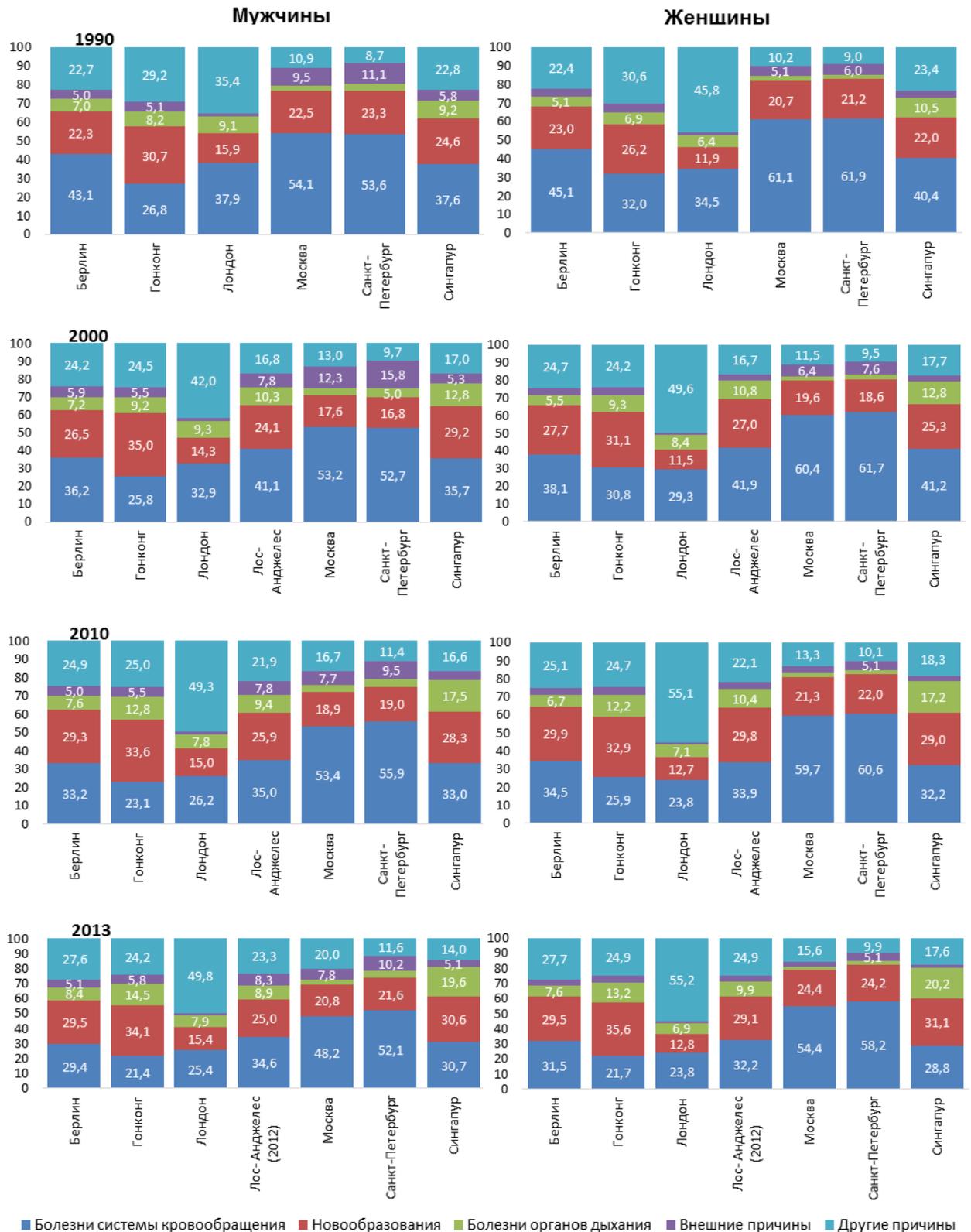

Рисунок 4. Структура стандартизованного коэффициента смертности по классам причин смерти в 7 мегаполисах, 1990, 2000, 2010, 2013, %

При сравнении структур смертности по причинам смерти в Москве и в выбранных мегаполисах видно, что между ними есть как сходства, так и различия (рисунок 4). Везде, за исключением Гонконга, основная доля умерших приходится на болезни системы кровообращения, на втором месте – новообразования. При этом доля БСК постепенно снижается, а новообразований растет. Но ни в одном зарубежном мегаполисе доля БСК ни разу не превышала 50%. А вот третье место во всех рассматриваемых зарубежных мегаполисах принадлежит не внешним причинам, а болезням органов дыхания.

СМЕРТНОСТЬ ПО ПРИЧИНАМ СМЕРТИ

Болезни системы кровообращения

Подавляющее большинство умерших в Москве приходится на умерших от болезней системы кровообращения. Хотя доля этого класса причин в стандартизованном коэффициенте смертности от всех причин снижается, к 2014 г. он определял более половины величины СКС у женщин (54%) и чуть менее половины у мужчин (47%). За последнюю четверть века СКС от болезней системы кровообращения в Москве снизился у мужчин в 2,1 раза, а у женщин в 2 раза. Снижение не было постоянным в течение всего периода: в 1990-х годах наблюдался скачок в смертности от БСК – довольно резкий у мужчин и более умеренный у женщин (рисунок 5), и именно этот скачок обусловил рост общей смертности в Москве в начале 1990-х годов. В последующие годы отмечалось медленное снижение показателя. Исключение составляет 2010 г., когда подъем смертности, спровоцированный сильной жарой и смогом в летние месяцы, вызвал рост показателя за весь год [Shaposhnikov et al. 2014].

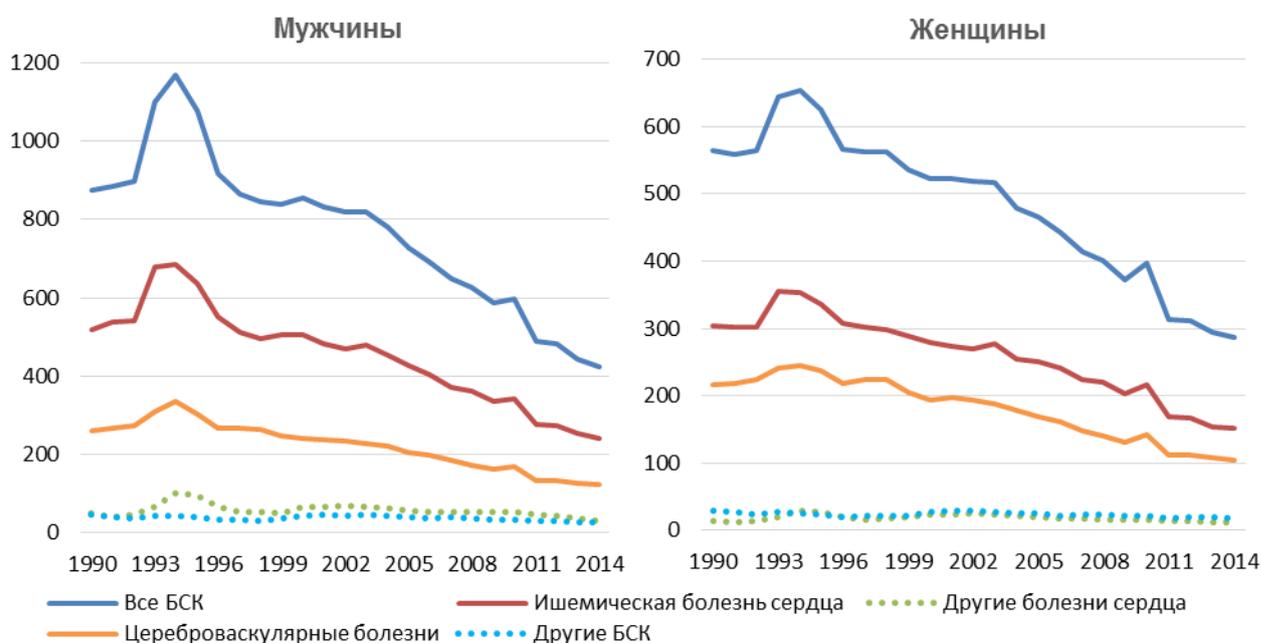

Рисунок 5. Стандартизованные коэффициенты смертности от отдельных групп болезней системы кровообращения и БСК в целом в Москве, 1990-2014, на 100 000

Примечание: БСК – болезни системы кровообращения.

Основной вклад в смертность от болезней системы кровообращения вносят смерти от ишемической болезни сердца (рисунок 5). Смертность от этой причины за 25 лет снизилась примерно в 2 раза, но ее вклад в общую смертность от БСК изменился мало и составляет 57-58% у мужчин и 53-54% у женщин.

Вторая основная группа причин смерти от БСК - это цереброваскулярные болезни (инсульты). За 1990-2014 гг. смертность от инсультов снизилась в 2,1 раза, но вклад ее также почти не изменился, структура смертности от БСК в Москве остается относительно стабильной.

Кроме групп «ишемическая болезнь сердца» и «цереброваскулярные болезни» часто выделяют и такую причину, как «другие болезни сердца». Бывает, что при снижении смертности от ишемической болезни одновременно растет смертность от других болезней сердца, но это чаще всего означает просто изменение в диагностике причин смерти, а не реальные изменения соотношения причин. В Москве смертность от «других болезней сердца» за рассматриваемые годы мало изменилась.

В России в целом и в большинстве ее регионов, в том числе и в Санкт-Петербурге, изменения смертности от БСК были менее благоприятными. Ее снижение в Санкт-Петербурге началось только после 2003 г., ему предшествовал заметный рост СКС. В отличие от Москвы, снижение смертности от ишемической болезни сердца сопровождалось ростом СКС от других болезней сердца (рисунок 6).

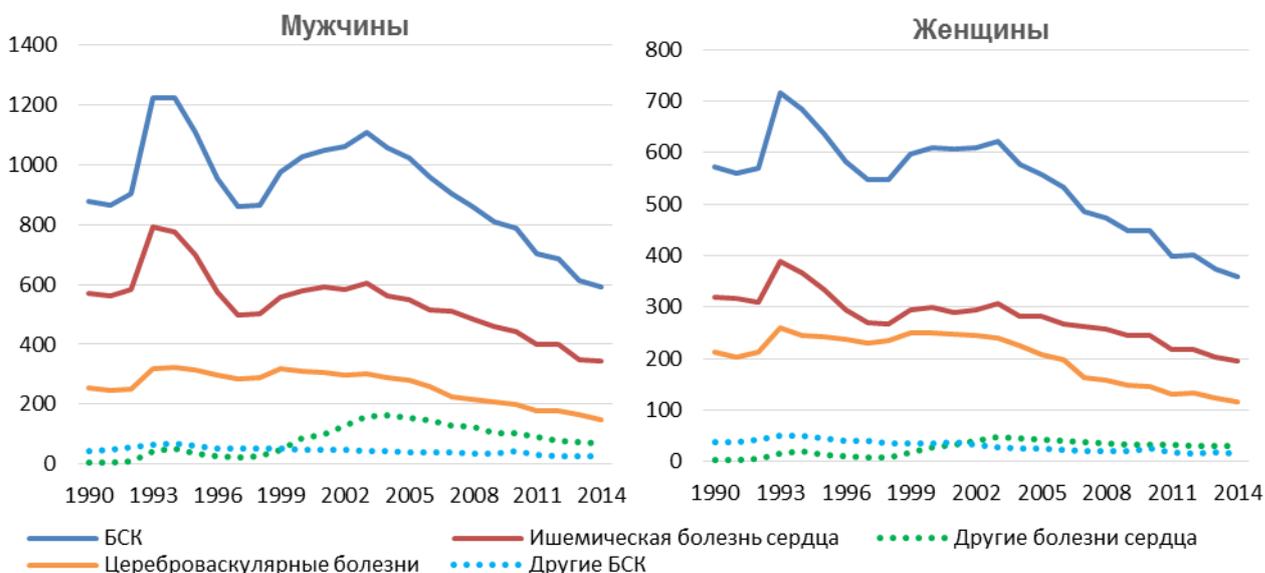

Рисунок 6. Стандартизованные коэффициенты смертности от отдельных групп болезней системы кровообращения и БСК в целом в Санкт-Петербурге, 1990-2014, на 100 000

Примечание: БСК – болезни системы кровообращения.

Болезни системы кровообращения являются ведущей причиной смерти и во всех выбранных мегаполисах, но уровень смертности от БСК и входящих в этот класс причин существенно ниже, чем в Москве и, тем более, чем в Санкт-Петербурге и в России в целом. В то же время по темпам снижения смертности от БСК в последнее время Москва, как

следует из таблицы 3, сопоставима с другими рассматриваемыми мегаполисами. Так, за период после 2000 г. показатель смертности от БСК мужчин в Москве снизился на 52%, в других мегаполисах – на 54-65%, женщин – на 56%, а в других мегаполисах – на 48-71%. Для ишемической болезни сердца снижение СКС мужчин составило 50%, а в других мегаполисах – 52-75%, снижение смертности женщин в Москве составило 55%, в других мегаполисах – 41-72%. Наконец, снижение смертности от цереброваскулярных болезней в Москве у мужчин – 52%, в других мегаполисах – 54-68%, у женщин – 56%, а в других мегаполисах – 47-78%.

Таблица 3. Стандартизованные коэффициенты смертности от всех болезней системы кровообращения, от ишемической болезни сердца и цереброваскулярных болезней, в 9 мегаполисах, 1990, 2000, 2010, 2013, на 100 000

Мегаполис	Мужчины				Женщины			
	1990*	2000	2010	2013**	1990*	2000	2010	2013**
<i>Болезни системы кровообращения</i>								
Берлин	516,1	322,2	231,0	207,9	335,8	205,1	160,2	144,9
Гонконг	228,8	177,9	134,3	112,2	170,2	124,8	84,1	63,8
Лондон	379,8	274,5	166,5	149,4	213,6	164,6	109,6	101,9
Лос-Анджелес	н.д.	327,9	227,5	212,4	н.д.	214,0	139,4	128,2
Москва	874,8	853,3	597,9	444,1	563,5	521,8	397,0	294,4
Нью-Йорк	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.
Санкт-Петербург	875,5	1026,0	788,3	613,4	571,9	610,4	447,8	374,0
Сингапур	382,8	284,7	201,2	173,7	282,7	221,7	124,3	105,6
Токио	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.
<i>Ишемическая болезнь сердца</i>								
Берлин	219,1	150,3	105,9	90,2	107,6	76,8	57,2	44,2
Гонконг	91,5	72,1	64,0	50,9	57,5	43,5	31,6	22,2
Лондон	268,4	188,2	109,5	97,7	127,8	97,1	58,7	54,0
Лос-Анджелес	269,4	217,0	137,1	126,1	164,8	129,9	72,7	63,7
Москва	518,7	504,6	342,7	252,9	303,4	279,5	216,4	154,5
Нью-Йорк	355,0	321,1	212,7	189,3	246,1	220,9	146,3	130,6
Санкт-Петербург	569,4	579,1	442,9	348,1	319,6	298,8	244,5	203,1
Сингапур	214,7	166,7	121,9	97,7	132,4	111,5	64,1	46,1
Токио***	143,9	93,6	77,6	70,2	92,2	56,4	45,0	40,7
<i>Цереброваскулярные болезни</i>								
Берлин	90,0	45,0	34,7	29,7	72,5	32,9	27,9	24,3
Гонконг	78,6	64,1	40,6	35,2	67,0	48,0	28,2	23,1
Лондон	70,0	51,8	33,8	30,9	60,3	45,9	32,1	30,3
Лос-Анджелес	51,5	48,0	30,6	27,3	43,1	40,7	24,8	23,7
Москва	261,8	240,0	170,3	125,9	215,7	193,1	142,5	107,9
Нью-Йорк	29,5	24,8	17,5	16,8	24,6	20,9	15,4	16,4
Санкт-Петербург	254,0	310,5	200,0	166,6	212,9	248,8	145,1	123,4
Сингапур	113,1	71,9	45,7	44,2	103,8	73,9	37,7	37,5
Токио	100,9	76,4	51,9	43,4	76,5	51,9	29,5	24,4

*Примечания: * – Лос-Анджелес -1995 г., Нью-Йорк- 1997 г.; ** – Лос-Анджелес - 2012 г.; *** – по Токио приводятся показатели по умершим от всех болезней сердца, а не только от ишемической болезни.*

Отличие Москвы от крупнейших мегаполисов мира по уровню смертности от болезней системы кровообращения все еще остается весьма значительным, что, вероятно, связано с общим отставанием российского здравоохранения. Например, в настоящее время разработаны и повсеместно применяются в развитых странах мира чрезвычайно эффективные, но дорогостоящие методы лечения инсульта и постинсультной реабилитации. Они, к сожалению, не используются российским общедоступным

здравоохранением, отсюда и отмеченное выше различие московских (российских) и западных показателей. И, конечно, очень важный фактор - это расходы на здравоохранение, которые, как известно, в настоящее время сокращаются.

Новообразования

Смертность от новообразований (в основном злокачественных) занимает второе место в структуре причин смерти жителей Москвы (как мужчин, так и женщин). Удельный вес этих причин в общей смертности в 2014 г. составлял 21% у мужчин и 25% у женщин. Доля доброкачественных новообразований в Москве, как и в других городах, мала и составляет около 1% от всех новообразований у мужчин и 1,5% – у женщин. Поэтому обычно анализируется смертность от злокачественных новообразований.

По сравнению с другими причинами отличия Москвы по этому виду смертности от Санкт-Петербурга и других выбранных мегаполисов не так велики, и к 2013 г. эти различия даже немного уменьшились за счет более медленного снижения показателей в других мегаполисах. В течение рассматриваемого периода отмечалось также сближение уровней смертности мужчин и женщин за счет более быстрых темпов ее снижения у мужчин.

Таблица 4. Стандартизованные коэффициенты смертности от новообразований в 9 мегаполисах, 1990, 2000, 2010, 2013, на 100 000

Мегаполис	Мужчины				Женщины			
	1990*	2000	2010	2013**	1990*	2000	2010	2013**
Берлин	267,2	235,6	203,7	208,6	171,4	149,1	138,9	135,9
Гонконг	261,5	241,7	195,2	178,3	139,1	126,2	106,9	104,4
Лондон	159,2	119,2	95,6	90,6	73,4	64,8	58,7	54,9
Лос-Анджелес	н.д.	192,5	168,2	153,5	н.д.	137,7	122,4	115,9
Москва	364,0	283,3	212,0	191,7	191,5	169,1	141,5	131,7
Нью-Йорк***	210,7	192,9	161,8	151,2	151,5	140,7	118,7	112,5
Санкт-Петербург	380,3	328,0	268,1	254,6	196,3	184,2	162,6	155,6
Сингапур	250,1	232,8	172,4	173,3	154,2	136,4	111,6	113,9
Токио***	229,7	223,2	191,9	181,3	120,4	117,5	100,1	97,0

*Примечания: * – Нью-Йорк - 1997 г.; ** – Лос-Анджелес - 2012 г.; *** – злокачественные новообразования.*

Хотя стандартизованный коэффициент смертности от новообразований в Москве ниже, чем в Санкт-Петербурге и Берлине, он заметно выше, чем в других взятых для сравнения мегаполисах (таблица 4).

Как и в других мегаполисах, структура смертности от новообразований в Москве различается у мужчин и женщин (рисунок 7).

В течение последних 25 лет смертность от новообразований в Москве постоянно снижалась, у мужчин она снизилась в 1,9 раза, у женщин - в 1,5 раза (рисунок 8). Снижалась смертность от новообразований и в Санкт-Петербурге, но темпы этого снижения были намного ниже, чем в Москве. В результате различие в уровне смертности от новообразований между двумя российскими мегаполисами выросло как у мужчин, так и у женщин.

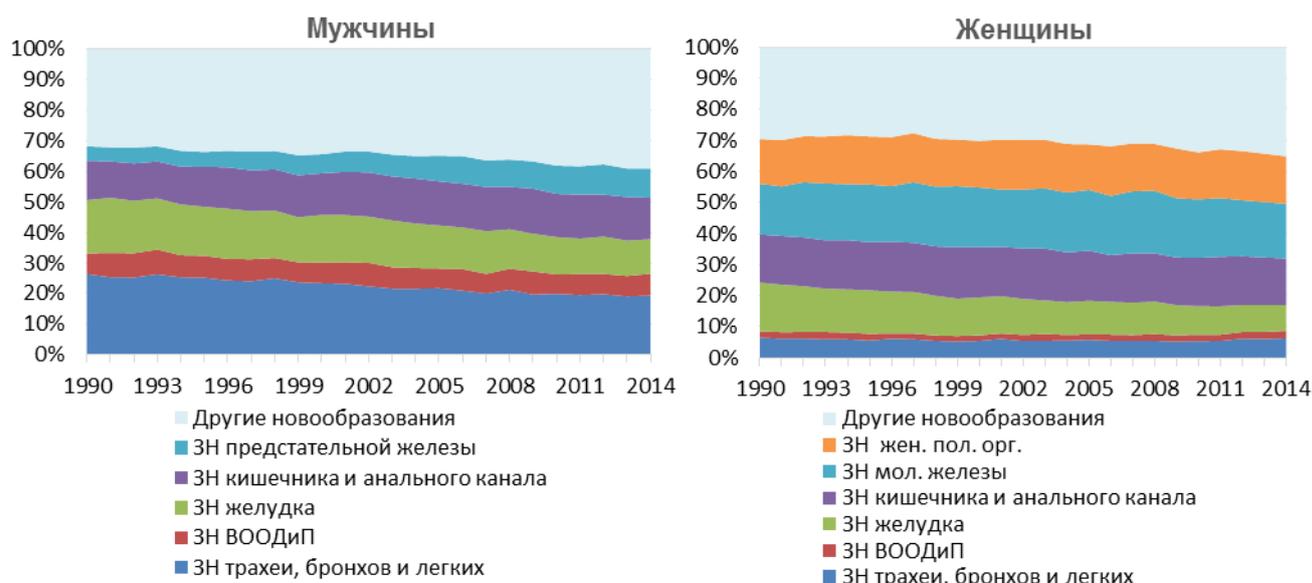

Рисунок 7. Структура стандартизованного коэффициента смертности от новообразований в Москве, 1990-2014, %

Примечания: ЗН – злокачественные новообразования; ЗН ВООДиП – злокачественные новообразования верхних отделов органов дыхания и пищевода; другие новообразования включают и доброкачественные

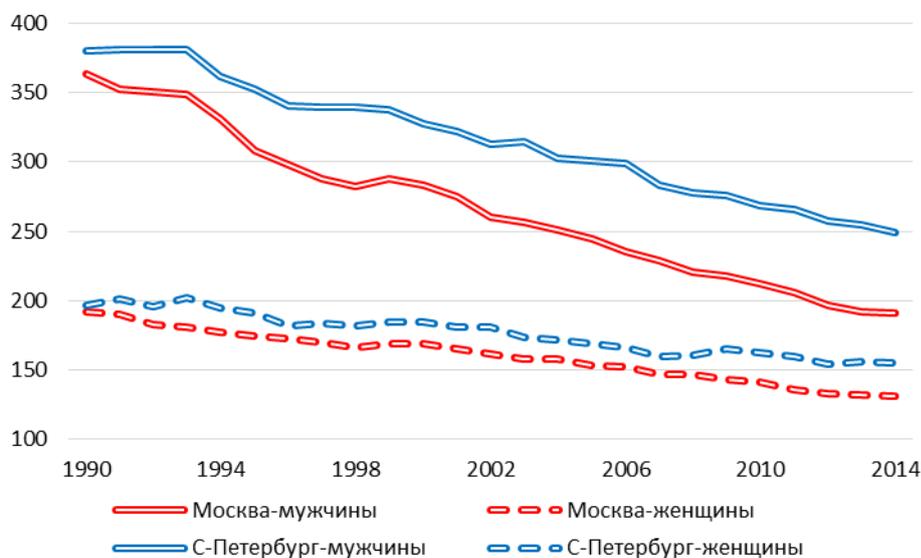

Рисунок 8. Стандартизованные коэффициенты смертности от новообразований в Москве и Санкт-Петербурге, 1990-2014, на 100 000

Новообразования органов дыхания и пищевода

Если не учитывать собирательную группу причин «другие новообразования», то первое место среди всех причин мужских смертей, относящихся к классу новообразований (26,5% в 2014 г.), принадлежит злокачественным новообразованиям *органов дыхания и пищевода*. У женщин эта локализация занимает третье место. В эту группу мы включили две подгруппы причин смерти: злокачественные новообразования трахеи, бронхов и легких и

злокачественные новообразования верхних отделов органов дыхания и пищевода.

В сравнении с другими рассматриваемыми мегаполисами смертность от злокачественных новообразований трахеи, бронхов и легких у женщин в Москве выглядит благополучно (таблица 5). У мужчин в начале рассматриваемого периода смертность от этой локализации была выше, чем во всех зарубежных мегаполисах. К 2013 г. ее уровень снизился более чем в 2,6 раза и стал одним из наименьших в рассматриваемых мегаполисах. В смертности от злокачественных новообразований верхних отделов органов дыхания и пищевода таких сильных различий нет.

Таблица 5. Стандартизованные коэффициенты смертности от злокачественных новообразований органов дыхания и пищевода в 7 мегаполисах, 1990, 2000, 2010, 2013, на 100 000

Мегаполис	Мужчины				Женщины			
	1990*	2000	2010	2013**	1990*	2000	2010	2013**
<i>Злокачественные новообразования трахеи, бронхов и легких (C33, C34)</i>								
Берлин	74,8	64,1	59,0	58,3	18,4	21,7	27,0	29,6
Гонконг	88,2	79,9	60,1	54,2	36,2	29,5	24,1	24,2
Лондон	86,7	58,9	43,7	41,0	27,9	25,2	24,1	22,9
Лос-Анджелес	63,5	52,6	39,7	33,5	32,5	28,0	23,8	21,5
Москва	96,2	66,3	42,3	36,6	12,5	9,2	7,6	8,0
Санкт-Петербург	104,1	82,9	59,6	56,7	13,8	10,8	10,5	9,5
Сингапур	72,8	64,4	47,4	45,7	24,8	20,6	17,4	18,4
<i>Злокачественные новообразования верхних отделов органов дыхания и пищевода (C00-C15)</i>								
Берлин	17,2	17,4	14,0	15,6	3,7	4,6	4,2	3,8
Гонконг	34,1	24,5	16,3	14,6	7,6	5,6	3,6	3,5
Лондон	14,0	14,1	12,5	11,7	4,9	4,7	4,1	3,9
Лос-Анджелес	н.д.	10,0	9,0	8,4	...	2,7	2,4	2,3
Москва	24,7	19,2	13,4	12,8	3,8	3,0	2,9	3,1
Санкт-Петербург	31,0	28,3	22,7	18,0	6,2	4,4	4,0	3,4
Сингапур	31,9	21,8	14,5	14,1	9,6	5,4	3,8	3,2

Примечания: * – Лос-Анджелес - 1995 г., Нью-Йорк - 1997 г.; ** – Лос-Анджелес - 2012 г.

У мужчин доля умерших от обеих рассматриваемых локализаций рака во всех новообразованиях постепенно снижается. Это происходит, в основном, за счет снижения смертности от рака трахеи бронхов и легких (рисунок 9). Смертность же от рака верхних отделов органов дыхания и пищевода в последние 5 лет не меняется. У женщин при гораздо более низком уровне смертности от новообразований трахеи, бронхов и легких она прекратила свое снижение в середине 2010-х годов, а от новообразований верхних отделов органов дыхания и пищевода стабилизировалась на уровне середины 1990-х. Однако в 2014 г., как у мужчин, так и у женщин, зафиксирован рост смертности от этих локализаций рака.

Для снижения смертности от злокачественных новообразований важно как можно раньше обнаружить болезнь. К сожалению, в России и ее регионах, включая Москву, почти половина диагнозов в 2014 г. была поставлена на III-IV стадиях болезни [Каприн и др. 2015: 23]. Для рака желудка, поджелудочной железы, печени, органов дыхания и пищевода доля диагнозов, поставленных на поздних стадиях, самая высокая [Каприн и др. 2015: 60-149].

Наши расчеты, основанные на данных Минздрава⁴, показали, что в 2004 г. (первый год, по которому у нас есть соответствующие данные) для злокачественных новообразований трахеи, бронхов и легких доля поздних диагнозов составляла 67%, а к 2014 г. (последний год, для которого у нас есть данные) она выросла до 74%. Для рака верхних отделов органов дыхания и пищевода доля поздних диагнозов в 2004 г. была еще выше – 77%, но за 10 лет она снизилась до 71%.

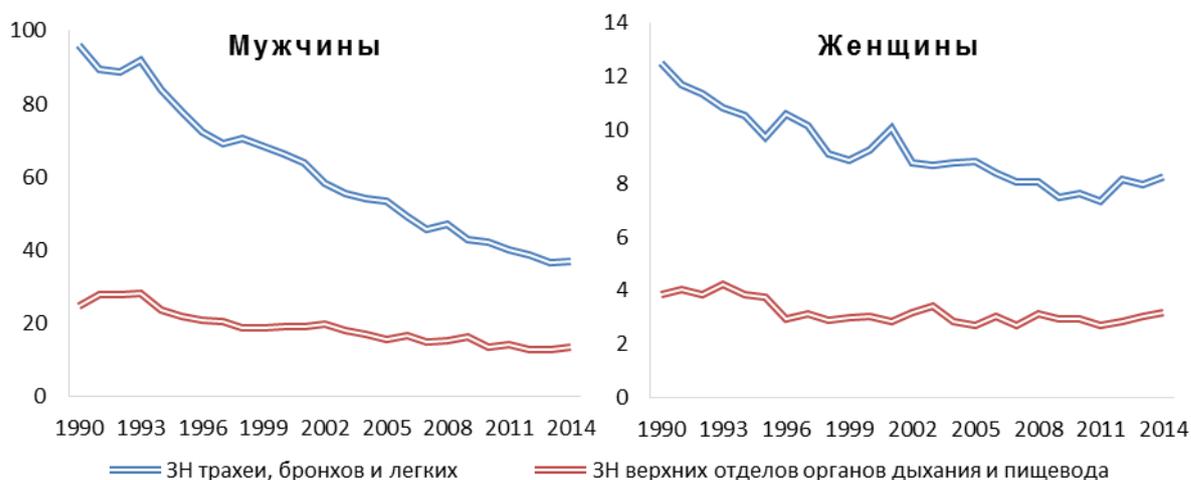

Рисунок 9. Стандартизированные коэффициенты смертности от злокачественных новообразований органов дыхания и пищевода в Москве, 1990-2014, на 100 000

Новообразования молочной железы и женских половых органов

Злокачественные новообразования *молочной железы и половых органов* занимают первое место в структуре онкологической смертности женщин. От этой причины в 2014 г. в Москве погибло почти 33% всех умерших от новообразований женщин (18% приходится на рак молочной железы и 15% – на рак женских половых органов). С 1990 по 2014 г. динамика смертности женщин от новообразований молочной железы при тенденции к снижению не была равномерной. В течение всех 1990-х годов и в первой половине 2000-х отмечались существенные колебания показателей смертности от этой причины и только с конца 2000-х годов наметилось ее устойчивое снижение (рисунок 10).

Смертность от злокачественных новообразований обеих локализаций в Москве почти все время немного ниже, чем в Санкт-Петербурге, но зарубежным мегаполисам Москва проигрывает, особенно в смертности от злокачественных новообразований женских половых органов (таблица 6). Среди рассматриваемых мегаполисов выделяется Лондон, где смертность от злокачественных новообразований этих локализаций, в отличие от злокачественных новообразований органов дыхания и пищевода, очень низка.

⁴ Здесь и далее за период до 2014 г. используются данные государственной медицинской статистики (форма №35 «Сведения о больных со злокачественными новообразованиями за ...год»).

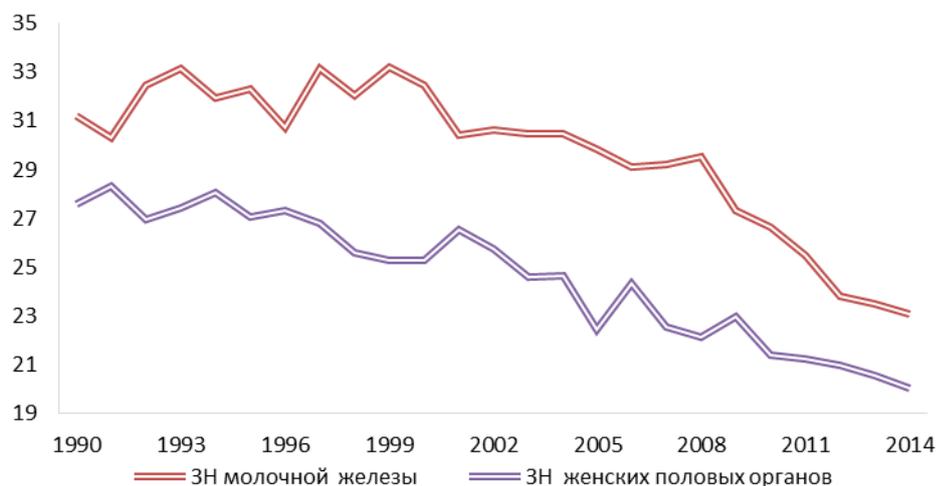

Рисунок 10. Стандартизованные коэффициенты смертности от злокачественных новообразований молочной железы и женских половых органов в Москве. 1990-2014 гг., на 100 000

Таблица 6. Стандартизованные коэффициенты смертности от злокачественных новообразований молочной железы и женских половых органов в 7 мегаполисах, 1990, 2000, 2010, 2013, на 100 000

Мегаполис	Злокачественные новообразования							
	Молочной железы (C50)				Женских половых органов (C51-C58)			
	1990*	2000	2010	2013**	1990*	2000	2010	2013**
Берлин	30,5	27,7	22,5	22,7	20,2	15,4	11,8	13,4
Гонконг	12,0	11,8	12,2	11,9	12,1	9,3	9,8	9,9
Лондон	11,2	9,3	7,5	6,8	5,6	4,9	4,0	3,8
Лос-Анджелес	28,5	22,8	20,2	20,0	н.д.	17,0	15,5	14,3
Москва	31,2	32,5	26,6	23,5	27,6	25,3	21,4	20,6
Санкт-Петербург	28,6	32,2	30,8	27,4	28,9	27,2	26,5	27,1
Сингапур	20,0	18,8	19,0	20,8	16,9	16,1	12,3	12,6

Примечания: * – Лос-Анджелес - 1995 г., Нью-Йорк - 1997 г.; ** – Лос-Анджелес - 2012 г.

В отличие от Санкт-Петербурга, где показатели почти не менялись, в Москве за 25 лет смертность от новообразований двух групп новообразований снизилась в 1,4 раза, причем основное снижение пришлось на последние годы.

В Москве снижение смертности от рака молочной железы сочетается с ростом числа заболеваний этой формой рака. «Эти «ножницы» между количествами заболевших и умерших безусловно положительное и достаточно редкое явление среди показателей состояния здоровья населения России» [Ревич и др. 2014]. При этом до сих пор большая доля заболеваний раком этой локализации выявляется в Москве на III-IV-ой стадиях: в 2014 г. – 31% (в 2004 г. эта доля была 34%), что говорит о недостаточно эффективной работе системы профилактики [Каприн и др. 2015: 10-12]. С другой стороны, число рентгеновских профилактических исследований молочной железы, проведенных в Москве за последние годы, выросло с 236 тыс. в 2004 г. до 557 тыс. в 2014 г. В расчете на 1000 женщин в возрасте старше 35 лет число сделанных обследований в 2014 г. по сравнению с 2004 г. выросло с 70 до 138, т.е. почти в 2 раза. Эти показатели далеки от идеальных, но именно рост

профилактических обследований стал одной из причин, которые привели к снижению смертности от рака молочной железы [Аксель 2012].

Смертность от злокачественных новообразований женских половых органов при некоторых скачках медленно снижалась в течение всего периода. За 25 лет смертность от рака женских половых органов, как и рака молочной железы, в Москве снизилась в 1,4 раза (рисунок 11).

В большинстве случаев в Москве рак шейки и тела матки выявляют на ранних стадиях заболевания. В 2014 г. 79% выявленных заболеваний пришлось на I-ю - II-ю стадии болезни. Но за 10 лет с 2004 г. эта доля почти не изменилась (76% в 2004 г.). Если злокачественные новообразования шейки матки выявляются на ранних стадиях (69% в 2014 г. и 65% в 2004 г.), то рак яичников в основном выявляется только на III-IV стадиях (66% в 2014 г. и 62% в 2004 г., т.е. роста доли случаев ранней диагностики нет), что имеет своим следствием высокую смертность от рака этой локализации. При диагностике злокачественных новообразований женской половой сферы также большую роль играют профилактические осмотры и ультразвуковые обследования. Но, по мнению специалистов, доля больных раком шейки матки, обнаруживаемых при их проведении, увеличивается очень медленно [Аксель 2009].

Около четверти погибших от злокачественных новообразований женских половых органов в Москве умирают от рака шейки матки. Между тем, в отличие от других злокачественных новообразований, смертность от рака шейки матки может быть доведена до минимальных уровней.

В последние годы в большинстве развитых стран для предотвращения смертности от этой причины стали использовать прививки от вируса папилломы человека (ВПЧ). Несколько видов этого вируса считаются причиной возникновения (провоцируя развитие) абсолютного большинства случаев рака шейки матки, в отсутствие ВПЧ рак шейки матки не встречается. Современные врачи считают необходимым прививать всех девочек и молодых женщин в возрастном диапазоне от 12 лет, которые еще не начинали жить половой жизнью. Во многих развитых странах Европы, в США и Канаде эти прививки стали в последние годы обязательными для девочек. В развитых странах такие прививки можно сделать не только девочкам, но и мальчикам [ВОЗ 2015; WHO 2014].

В России также можно сделать такую прививку, но в большинстве регионов это платная процедура. Москва входит в небольшой перечень регионов, в которых эту прививку (по желанию) можно сделать бесплатно. С конца 2000-х годов прививка «Вакцинация (девочки) против вируса папилломы человека» входит в ежегодный региональный календарь профилактических прививок⁵. Прививку рекомендуется делать девочкам в возрасте 13 лет. Результаты такой вакцинации видны не сразу - основная смертность от рака шейки матки приходится на возраст старше 35 лет.

⁵ См. Приказ Руководителя Департамента здравоохранения г. Москвы от 16.01.2009 №9 «О календаре профилактических прививок и календаре профилактических прививок по эпидемическим показаниям». <http://lawru.info/dok/2009/01/16/n765383.htm>

Новообразования органов пищеварения

Второе место в структуре смертности от новообразований в Москве как у мужчин, так и у женщин принадлежит *злокачественным новообразованиям органов пищеварения*. Эта группа причин смерти включает основные подгруппы: злокачественные новообразования желудка и злокачественные новообразования кишечника и анального канала. В 2014 г. на эти локализации приходилось 25% от всех умерших от новообразований мужчин и 23% женщин.

Как и в предыдущих случаях, по смертности от злокачественных новообразований органов пищеварения Москва находится в лучшем положении, чем второй российский мегаполис – Санкт-Петербург, но уступает зарубежным мегаполисам, особенно по смертности от злокачественных новообразований желудка (таблица 7). В 2013 г. по смертности от рака желудка Москва превосходила зарубежные мегаполисы в среднем в 3 раза. Среди рассматриваемых мегаполисов обращает на себя внимание Лондон, где смертность от злокачественных новообразований этих локализаций очень мала. Мала она и в Лос-Анджелесе. Разница в уровне смертности от злокачественных новообразований кишечника и анального канала меньше, но все равно довольно большая. Скорее всего, это связано именно с тем, что в этих мегаполисах давно и хорошо поставлена профилактика и скрининг этих болезней.

Таблица 7. Стандартизованные коэффициенты смертности от злокачественных новообразований органов пищеварения в 7 мегаполисах, 1990, 2000, 2010, 2013, на 100 000

Мегаполис	Мужчины				Женщины			
	1990*	2000	2010	2013**	1990*	2000	2010	2013**
<i>Злокачественные новообразования желудка (C16)</i>								
Берлин	20,9	13,7	8,9	8,4	12,0	6,1	4,9	4,0
Гонконг	17,4	13,8	10,4	8,3	8,5	7,5	5,2	4,3
Лондон	11,9	6,9	4,4	4,0	3,1	2,4	1,8	1,6
Лос-Анджелес	н.д.	8,0	7,2	6,2	н.д.	4,4	3,7	3,5
Москва	63,3	44,1	26,0	22,2	30,0	20,7	13,0	11,4
Санкт-Петербург	67,5	48,0	33,6	31,2	31,4	22,5	16,3	12,5
Сингапур	31,4	20,1	12,1	10,9	15,1	12,2	6,3	6,3
<i>Злокачественные новообразования кишечника и анального канала (C17-C21)</i>								
Берлин	28,0	26,8	18,3	20,7	21,9	17,0	14,4	11,6
Гонконг	25,4	26,4	25,2	24,0	16,7	18,0	15,4	15,3
Лондон	19,4	15,8	13,9	13,5	12,4	10,1	9,1	8,4
Лос-Анджелес	22,6	18,6	14,9	14,5	14,6	13,5	10,4	9,6
Москва	47,0	38,6	29,9	27,3	29,8	27,4	22,0	20,2
Санкт-Петербург	48,1	46,2	37,3	34,6	32,4	33,1	24,1	24,7
Сингапур	26,0	30,6	26,6	23,6	23,7	24,4	15,9	17,7

Примечания: * – Лос-Анджелес -1995 г., Нью-Йорк- 1997 г.; ** – Лос-Анджелес - 2012 г.

В динамике смертности от рассматриваемых групп причин есть общие черты и различия. Общее - это снижение показателей за рассматриваемый период. Различие заключается в темпах снижения этих показателей.

Из всех рассматриваемых локализаций рака смертность от рака желудка в Москве снизилась сильнее всего - в 2,9 раза у мужчин и в 2,7 раза у женщин (рисунок 11). При этом

доля этой локализации в общем числе смертей от всех новообразований за последние четверть века снизилась на 6% у мужчин и на 7,5% у женщин.

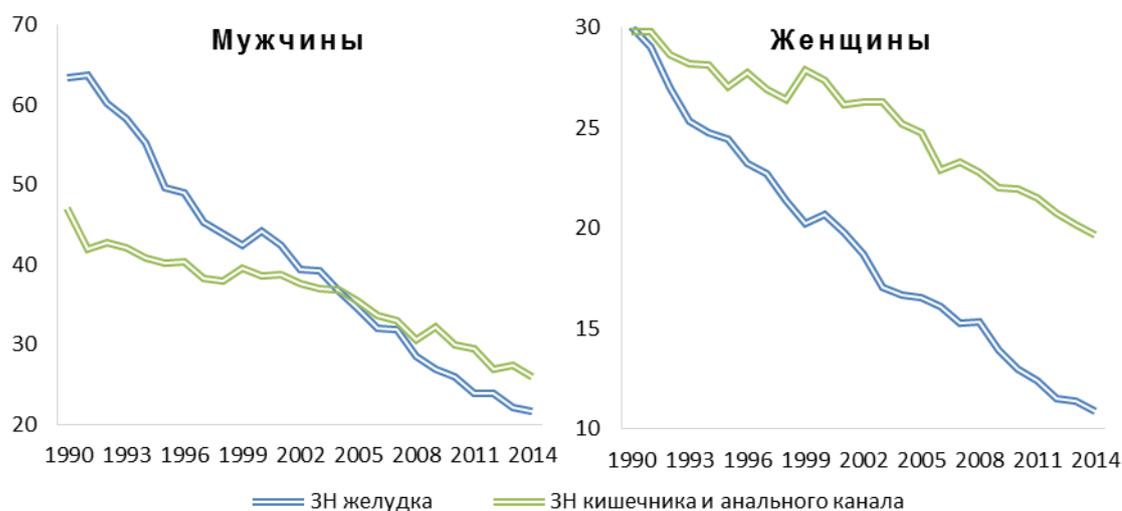

Рисунок 11. Стандартизированные коэффициенты смертности от злокачественных новообразований органов пищеварения в Москве, 1990-2014, на 100 000

Рак желудка считается одной из прогностически неблагоприятных локализаций рака и характеризуется затрудненной ранней диагностикой. Так как период между постановкой диагноза и моментом смерти короток: медиана выживаемости больных в течение длительного времени в мире сохраняется на уровне 7 месяцев и для мужчин, и для женщин (без учета посмертно выявленных больных) и 5,7 месяцев с учетом посмертно выявленных больных [Мерабишвили 2013]. В Москве доля поставленных диагнозов с III-ей - IV-ой стадией рака выросла с 55% в 2004 г. до 63% в 2014 г.

По мнению специалистов, на величину показателя заболеваемости населения раком желудка оказывает влияние характер и режим питания. Наличие в рационе питания достаточного количества растительной пищи и фруктов, животных и растительных белков существенно снижает риск возникновения рака желудка. Наиболее наглядный пример США, где за последние 90 лет пропаганды рационального питания многократно снизилась заболеваемость населения раком желудка [Мерабишвили 2013].

Долгое время считалось, что эффективных программ скрининга рака желудка нет, так как отсутствует четко определенный специфический фактор этого заболевания. Но с конца 1980-х годов таким фактором стал считаться микроорганизм *Helicobacter pylori* (HP). Наличие у человека этого микроорганизма резко повышает вероятность его заболевания раком желудка [Wroblewski 2010]. К сожалению, такие анализы не включены в программы скрининга и диспансеризации.

Одним из критериев контроля качества онкологической помощи населению служит индекс достоверности учета⁶ [Каприн и др. 2015: 11], отражающий, с одной стороны,

⁶ Число больных, умерших в течение первого года после установления диагноза из взятых на учет в предыдущем году, к числу больных, у которых опухолевый процесс выявлен на IV стадии после установления диагноза из взятых на учет в предыдущем году.

уровень учета заболеваемости, с другой - успехи в снижении смертности от конкретных локализаций. Так как рак желудка характеризуется довольно коротким периодом между постановкой диагноза и моментом смерти, то в отношении него индекс достоверности также отражает наличие недоучета больных данной локализацией (если индекс больше 1). В Москве (таблица 8) в последние 10 лет этот индекс колеблется около 1. В Санкт-Петербурге он значительно меньше.

Таблица 8. Индекс достоверности учета злокачественных новообразований желудка, 2004-2013

Год	Москва		Санкт-Петербург	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
2004	1,01	0,94	0,86	0,86
2005	0,92	0,91	0,86	0,86
2006	0,94	0,98	0,86	0,86
2007	0,98	0,96	0,86	0,86
2008	0,86	0,92	0,86	0,86
2009	0,85	0,88	0,86	0,86
2010	0,92	0,89	0,86	0,86
2011	0,95	1,01	0,86	0,86
2012	0,99	1,03	0,86	0,86
2013	0,91	1,01	0,86	0,86

Источник: Расчеты авторов по данным Минздрава.

В отличие от смертности от рака желудка смертность от злокачественных новообразований кишечника и анального канала характеризуется очень медленным снижением (1,8 раза у мужчин и 1,5 раза у женщин; рисунок 11). Если в 1990 г. уровень смертности у мужчин от рака желудка был выше, чем от новообразований кишечника и анального канала, то к 2014 г. эти локализации поменялись местами: уровень смертности от рака кишечника и анального канала стал выше, чем желудка.

Рак предстательной железы

У мужчин третье место в структуре смертности от новообразований занимает *рак предстательной железы (С61)*. Уровень смертности от рака предстательной железы в Москве и Санкт-Петербурге в течение всего периода остается намного выше, чем в рассматриваемых зарубежных мегаполисах, хотя в них (за исключением Лондона и Лос-Анджелеса) просматривается тенденция к некоторому увеличению показателя (таблица 9).

Таблица 9. Стандартизованные коэффициенты смертности от злокачественных новообразований предстательной железы в 7 мегаполисах, 1990, 2000, 2010, 2013, на 100 000

Мегаполис	1990*	2000	2010	2013**
Берлин	5,0	6,9	7,5	7,6
Гонконг	5,0	6,9	7,5	7,6
Лондон	3,3	3,2	2,9	2,7
Лос-Анджелес	н.д.	20,0	17,1	14,1
Москва	17,1	17,6	19,6	17,8
Санкт-Петербург	14,8	18,3	21,4	22,1
Сингапур	8,0	11,4	8,7	11,3

*Примечания: * – Лос-Анджелес -1995 г., Нью-Йорк- 1997 г.; ** – Лос-Анджелес - 2012 г.*

Динамика смертности от рака предстательной железы в Москве не такая, как от других локализаций: с начала 1990-х и до 2006 г. СКС рос, а затем началось медленное снижение (рисунок 12). В результате к 2014 г. уровень смертности от рака предстательной железы оказался выше, чем был в 1990 г. За период с 2004 по 2014 г. доля этой локализации рака, выявленной на III-IV стадиях, уменьшилась с 49 до 30%.

Скрининг предстательной железы, как и рака молочной железы, начался в Москве с 2002-2004 гг. после Приказа Комитета здравоохранения г. Москвы №50 от 06.02.2002 "О реализации программы "Целевая диспансеризация населения Москвы на 2002-2004 гг." (Подпрограмма "Целевая диспансеризация мужского населения по выявлению заболеваний предстательной железы)". Дальше во всех программах диспансеризации населения выделялись похожие подпрограммы. В действующей в настоящее время в Москве Целевой программе развития здравоохранения «Столичное здравоохранение» выделяется подпрограмма «Целевая диспансеризация мужского населения по раннему выявлению заболевания предстательной железы». Но, судя по показателям смертности, эффективность этих программ не очень высока.

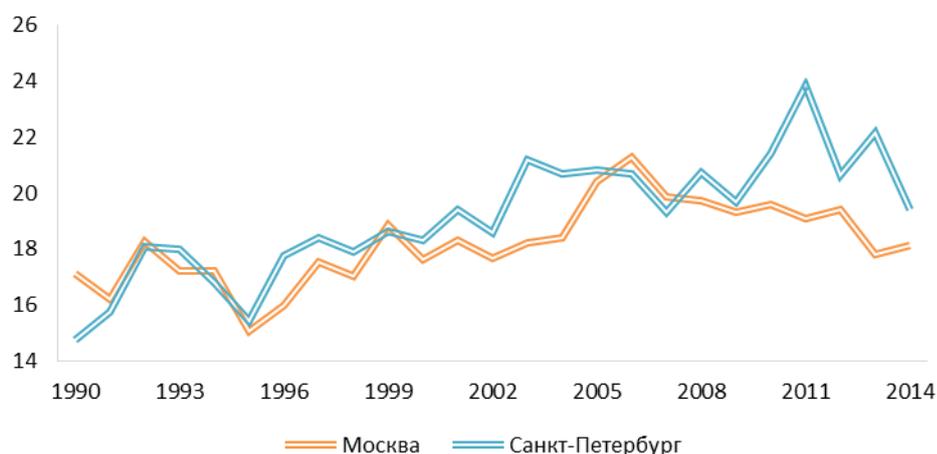

Рисунок 12. Стандартизованные коэффициенты смертности от рака предстательной железы в Москве и Санкт-Петербурге, 1990-2014, на 100 000

В Санкт-Петербурге динамика смертности от рака предстательной железы до 2008 г. очень близка к московской. Отличие – в росте показателей в начале 2010-х годов. Ряд специалистов объясняют такие различия в уровнях смертности по регионам страны «возрастной структурой и степенью достоверности учета» [Мерабишвили и др. 2014], хотя не совсем понятно, как возрастная структура влияет на стандартизованные показатели.

Внешние причины смерти

Внешние причины занимают третье место в структуре смертности в Москве. На протяжении четверти века динамика СКС от этого класса причин для мужчин и женщин очень схожа при большом различии в уровне смертности. Рост СКС в 1990-1994 гг. связан в основном с прекращением антиалкогольной кампании, но также является прямым следствием глубокого экономического кризиса, охватившего все постсоветские страны [Shkolnikov et al. 2001, Андреев 2002].

«Зубец» 1998-2001 гг. наиболее вероятно связан с переходом России на 10-й пересмотр Международной классификации болезней (МКБ-10), который сопровождался передачей кодирования причин смерти от органов статистики врачам (в случае внешних причин – судмедэкспертам), устанавливающим причину смерти. Официально Россия перешла на МКБ-10 в 1999 г., но Москва реально это сделала только в 2000 г. [Данилова 2015]. В целом за 1990-2014 гг. уровень смертности от внешних причин в Москве снизился как у мужчин, так и у женщин в 2,1 раза (рисунок 13).

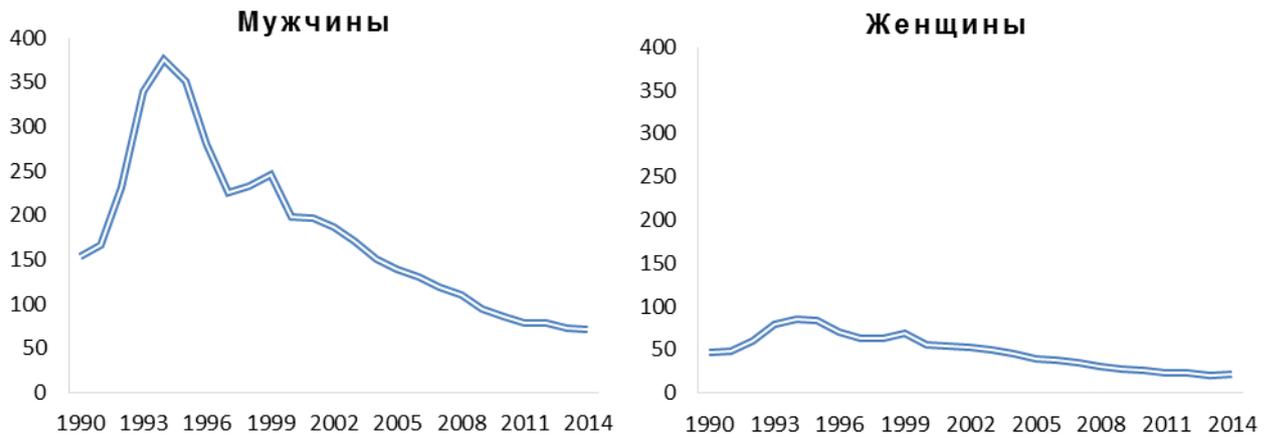

Рисунок 13. Стандартизованные коэффициенты смертности от внешних причин смерти в Москве, 1990-2014, на 100 000

Тем не менее по уровню смертности от внешних причин Москва, как и Санкт-Петербург, значительно превосходили и превосходят зарубежные мегаполисы (рисунок 14), причем в 2000 г. у мужчин СКС был в 15 раз, а в 2013 – 8 раз выше минимального для этих мегаполисов уровня. У женщин разница соответственно в 8 и 4 раза.

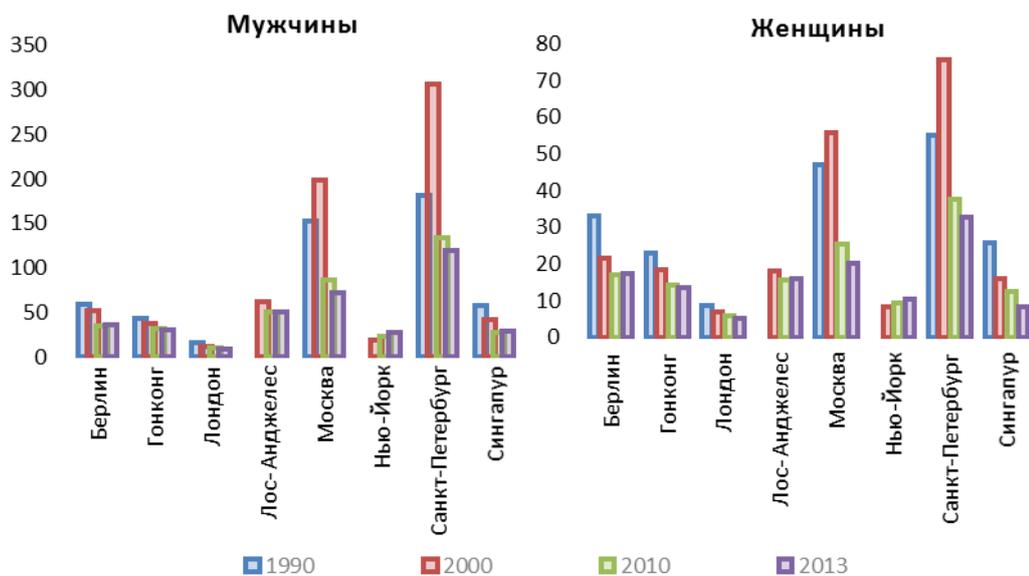

Рисунок 14. Стандартизованные коэффициенты смертности от внешних причин смерти в 8 мегаполисах, 1990, 2000, 2010, 2013, на 100 000

Примечание: Лос-Анджелес - 2012 г.

Структура смертности внутри класса внешних причин смерти в зарубежных мегаполисах сильно отличается от московской и Санкт-Петербургской (рисунок 15, таблица 10). Основной вклад в смертность от внешних причин во многих из них, как и в Москве, вносят другие внешние причины, но в целом попарные сравнения обнаруживают довольно пеструю картину.

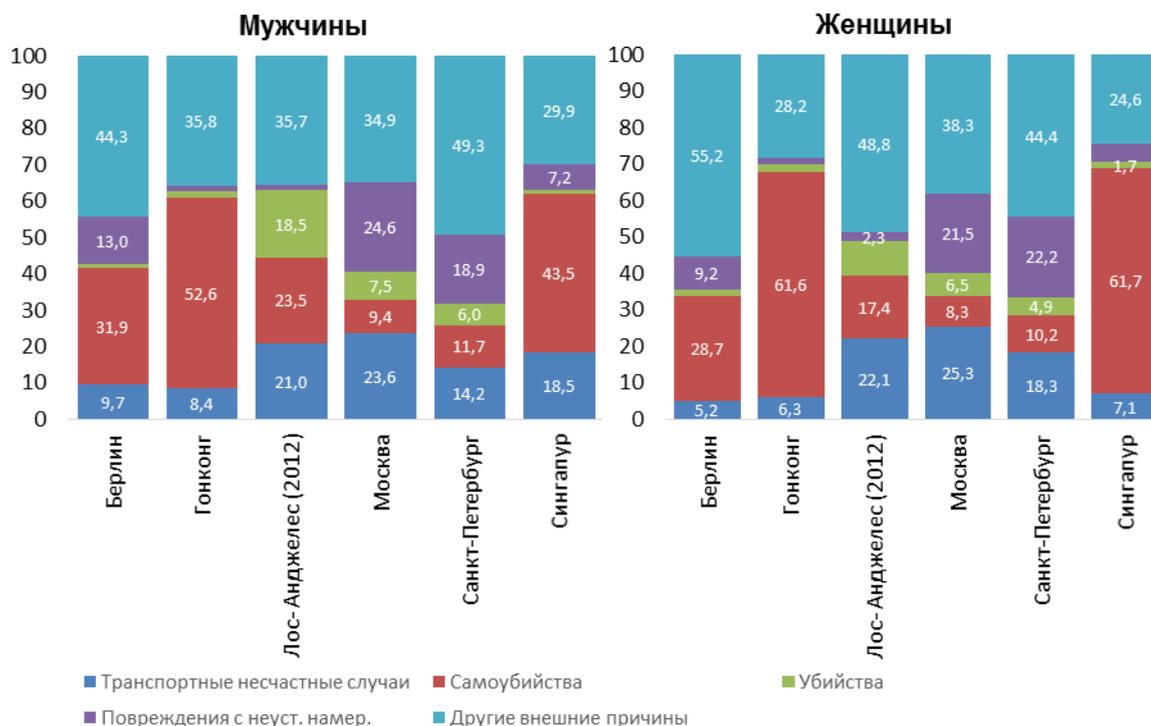

Рисунок 15. Структура стандартизованного коэффициента смертности от внешних причин смерти по группам причин в некоторых мегаполисах, 2013, %

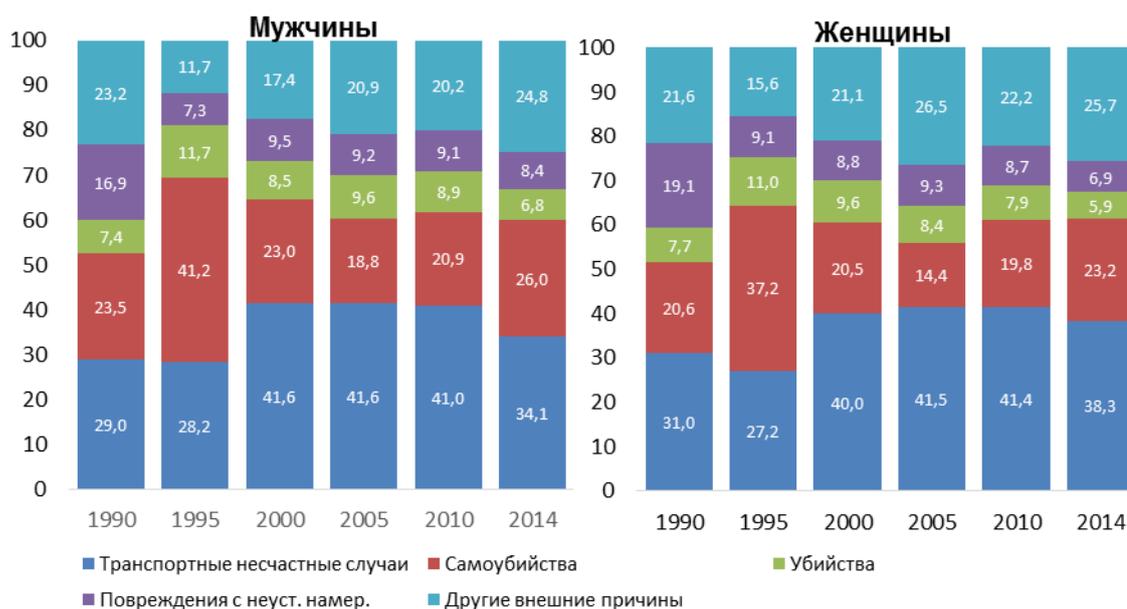

Рисунок 16. Структура стандартизованного коэффициента смертности от внешних причин в Москве, 1990-2014, %

Москва и Петербург явно превосходят другие мегаполисы по смертности от транспортных несчастных случаев, но находятся далеко не на самых худших местах по смертности от самоубийств и убийств.

Таблица 10. Стандартизованные коэффициенты смертности от транспортных несчастных случаев, убийств и самоубийств в 8 мегаполисах, 1990, 2000, 2010, 2013, на 100 000

Мегаполис	Мужчины				Женщины			
	1990*	2000	2010	2013**	1990*	2000	2010	2013**
<i>Транспортные несчастные случаи</i>								
Берлин	13,7	7,1	2,7	3,5	5,2	3,0	2,2	0,9
Гонконг	9,1	3,9	2,9	2,6	5,1	1,9	0,9	0,8
Лондон	6,6	4,5	3,3	2,8	1,9	1,3	1,0	0,8
Лос-Анджелес	17,5	13,4	9,0	10,9	6,8	5,6	3,8	3,3
Москва	35,5	34,5	17,3	17,0	10,1	11,7	5,7	5,1
Нью-Йорк	10,1	6,8	4,8	5,1	4,3	3,2	1,9	2,0
Санкт-Петербург	33,7	38,5	16,9	17,0	10,9	13,4	6,4	6,0
Сингапур	16,5	10,0	6,4	5,3	4,7	2,1	2,1	0,6
<i>Самоубийства</i>								
Берлин	20,4	18,5	13,6	11,5	9,9	6,7	4,6	5,0
Гонконг	15,0	16,1	16,5	15,9	10,8	10,0	8,4	8,3
Лондон	6,0	4,2	2,9	2,5	4,2	2,8	1,8	1,5
Лос-Анджелес	18,6	12,7	12,5	11,9	3,8	3,0	2,9	2,1
Москва	25,8	18,7	7,8	6,7	8,9	4,9	2,2	1,7
Нью-Йорк	10,5	8,6	8,7	8,9	3,5	2,2	2,6	3,0
Санкт-Петербург	30,8	29,0	16,6	14,0	8,5	7,0	3,7	3,3
Сингапур	17,8	13,7	10,4	12,5	12,6	6,6	4,9	5,2
Токио	17,4	28,1	25,5	22,6	9,8	11,4	11,4	11,1
<i>Убийства</i>								
Берлин	1,9	1,1	0,4	0,4	1,5	0,8	0,4	0,3
Гонконг	2,6	0,9	0,5	0,5	1,3	0,9	0,6	0,3
Лос-Анджелес	18,2	16,5	9,9	9,7	4,9	2,9	1,9	1,4
Москва	11,3	16,9	7,6	5,4	3,6	5,3	2,0	1,3
Нью-Йорк	17,3	14,5	10,5	6,5	3,4	2,7	2,0	1,3
Санкт-Петербург	12,2	29,3	11,1	7,1	4,2	9,0	3,3	1,6
Сингапур	1,7	1,6	0,6	0,3	1,1	0,6	0,1	0,1

Примечания: * – Лос-Анджелес - 1995 г., Нью-Йорк - 1997 г.; ** – Лос-Анджелес - 2012 г.

Структура смертности от внешних причин в Москве менялась со временем. Но главное оставалось неизменным: основной вклад вносят две группы причин «Повреждения с неустановленными намерениями» (ПНН) и собирательная группа «Другие внешние причины» (рисунок 16).

На третьем месте в Москве находятся *транспортные несчастные случаи*, на долю которых во внешних причинах в 2014 г. приходилось 24,8% у мужчин и 25,7% у женщин. Основная часть смертей в результате транспортных несчастных случаев в Москве и в других мегаполисах связана с дорожно-транспортными происшествиями. За 25 лет смертность от транспортных несчастных случаев снизилась в 2 раза у мужчин и в 1,8 раза у женщин (рисунок 17). Это снижение происходило волнообразно. Первая волна закончилась минимумом 1998 г., после чего последовал новый подъем и новый спад. В 2007 г. был достигнут уровень 1998 г., после чего снижение продолжалось до начала 2010-х годов, когда наметилась стабилизация показателей. Тенденции смертности от ДТП в Москве мало отличаются от общероссийских [Фаттахов 2015].

Несмотря на снижение, уровень смертности от транспортных несчастных случаев в Москве и Санкт-Петербурге намного выше, чем в зарубежных мегаполисах (таблица 9), где смертность от этой причины снижается значительно быстрее, чем в двух российских столицах, в результате чего отрыв Москвы и Санкт-Петербурга от других рассматриваемых мегаполисов за четверть века вырос.

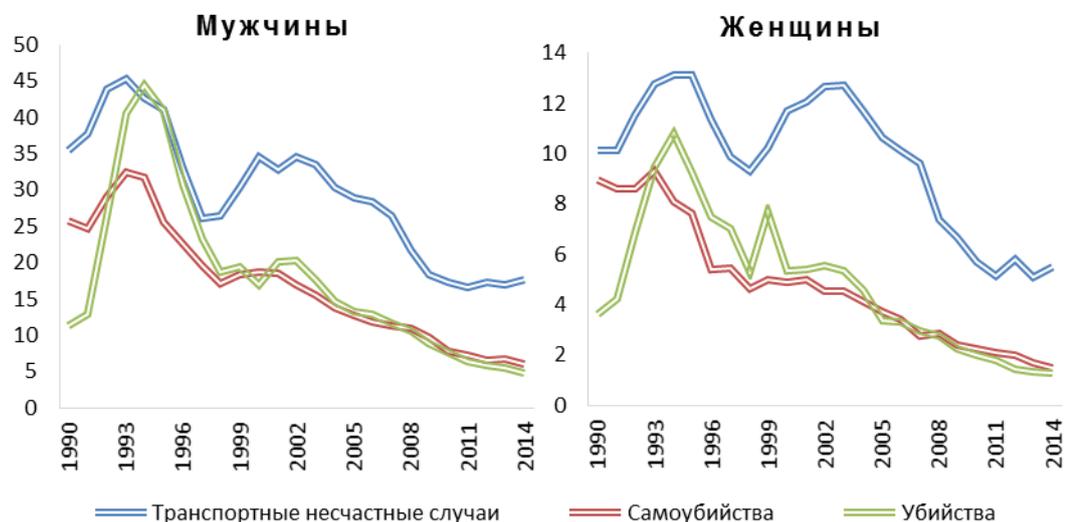

Рисунок 17. Стандартизованные коэффициенты смертности от транспортных несчастных случаев, убийств и самоубийств в Москве, 1990-2014, на 100 000

В России в целом и во многих регионах принимаются программы, направленные на снижение смертности от ряда причин. Часть (и не малая) из этих программ связана со снижением смертности от дорожно-транспортных происшествий. Так, для претворения в жизнь мер первого этапа Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г. (2007-2010 гг.) распоряжением Правительства Российской Федерации №170-р от 14 февраля 2008 г. утвержден план мероприятий на 2008-2010 гг., включающий комплекс мер по профилактике, диагностике, лечению сердечно-сосудистых заболеваний; по обеспечению оказания своевременной и высококачественной медицинской помощи при дорожно-транспортных происшествиях. За последние годы изменились правила безопасности на дорогах. В конце 2013 г. Д.А. Медведев подписал Постановление Правительства Российской Федерации от 3 октября 2013 г. № 864 г. «О федеральной целевой программе «Повышение безопасности дорожного движения в 2013 - 2020 годах»⁷, которая входит в список приоритетных Федеральных целевых программ на 2015 г.

В качестве результата этой программы декларируется «сокращение случаев смерти в результате дорожно-транспортных происшествий, в том числе детей, к 2020 году на 8 тыс. человек (28,82 процента) по сравнению с 2012 годом»⁸. Но, судя по динамике показателей смертности от транспортных несчастных случаев, в Москве эти программы в последние годы не дают видимых результатов.

⁷ <http://www.rg.ru/2013/10/08/bezopas-site-dok.html>

⁸ <http://fcp.economy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/ViewFcp/View/2015/409/>

Следующая по вкладу в общую смертность причина смерти, входящая в класс внешних причин, – это *самоубийства*. В Москве на долю этой причины в 2014 г. приходилось 8,4% всех умерших от внешних причин смерти у мужчин и 6,9% – у женщин. За 25 лет СКС от самоубийств в Москве снизился в 4,3 раза у мужчин и 6,1 раза у женщин. Снижение началось после подъема СКС в начале 1990-х годов и шло равномерно до конца периода. Пожалуй, это самые высокие темпы снижения за рассматриваемые годы. Правда, по мнению специалистов, число умерших в результате самоубийства в России недоучитывается. Часть смертей от них относится к другим причинам, но еще чаще включается в повреждения с неустановленными намерениями, по оценкам, в России к ним относят около 20% всех самоубийств [Andreev et al. 2015]. Анализ свидетельств о смерти мужчин и женщин Москвы, умерших от травм и отравлений в трудоспособных возрастах, также показал, что Москва не является исключением [Семенова, Антонова 2007]. Впрочем, это явление – не специфическая российская, а мировая проблема [Васин 2015].

Возможно, именно из-за существенного недоучета смертность от самоубийств в Москве и Санкт-Петербурге часто ниже, чем в зарубежных мегаполисах, при том что доля смертей и стандартизованный коэффициент смертности от ПНН и в Москве существенно выше (рисунок 15 и 16, таблица 9).

К сожалению, в отличие от ДТП, программ, направленных на снижение смертности от самоубийств, в России нет. Перспективы Москвы с этой точки зрения выглядят лучше – согласно Государственной программе города Москвы 2012-2016 гг. «Развитие здравоохранения в городе Москве (Столичное здравоохранение)» к концу 2016 г. в поликлиниках и психоневрологических диспансерах должны быть открыты суицидологические кабинеты.

Так же, как число самоубийств недоучитывается и число умерших в результате *убийств*. Часть убийств, вероятно, классифицируется как несчастные случаи, но еще чаще убийства кодируются как повреждения с неустановленными намерениями, по оценкам, к ним относится, примерно, 35-40% всех убийств в России [Andreev et al. 2015].

Согласно официальным данным, за период с 1990 по 2014 г. уровень смертности от убийств в Москве, пройдя период подъема, снизился в 2,3 раза у мужчин и в 2,8 раза у женщин (рисунок 18). После скачка смертности от убийств в начале 1990-х годов дальнейшее снижение было почти линейным. По уровню смертности от убийств Москва уступает Лос-Анджелесу и Нью-Йорку, но существенно обгоняет остальные зарубежные мегаполисы. В странах ЕС-15 уровень смертности мужчин в результате убийств почти в 9 раз, а женщин – в 5,5 раза ниже, чем в Москве.

Почти четверть мужских смертей мужчин в результате внешних причин и более 21% женских классифицированы как *повреждения с неустановленными намерениями*. Согласно принципам МКБ-10 к этой группе относят случаи, когда доступной информации недостаточно, чтобы эксперты могли сделать вывод, является ли происшедшее событие несчастным случаем, самоповреждением или результатом насилия. Главная трудность в том, чтобы правильно оценить имеющуюся информацию. Проведенный С.А. Васиным анализ публикаций по данной теме показал, что в силу различных причин во всех развитых странах в число ПНН попадают и случаи, когда имеющихся данных достаточно, чтобы

отнести их к самоубийствам или несчастным случаям [Васин 2015: 91-92]. В России, где смертность от убийств и так высока, в число ПНН попадают и убийства [Иванова и др. 2013].

Доля смертей от ПНН в Москве существенно выше, чем во всех зарубежных мегаполисах, а СКС, рассчитанный для совокупности смертей, классифицированных как ПНН, примерно втрое выше. Сравнив со странами ЕС-15, мы получили, что СКС, рассчитанный для совокупности смертей, классифицированных как ПНН, в Москве у мужчин в 9 раз, а у женщин в 6 раз выше. Возможно, это связано с тем, что в получении данных о смертности в Москве практически не участвуют повторные медицинские свидетельства о смерти «взамен предварительного» и «взамен окончательного» [Андреев 2016], которые как раз и призваны уточнять первоначально установленную причину смерти.

В Москве СКС с диагнозом ПНН сильно вырос в начале 1990-х годов, затем в середине 1990-х годов началось его медленное и непоследовательное снижение. В начале 2000-х годов одновременно с переходом на МКБ-10 и передачей кодирования причин смерти врачам, установившим причину смерти, доля ПНН в российской смертности резко снизилась, зато резко и необъяснимо выросла доля умерших при неустановленной причине смерти [Иванова и др. 2013]. С.А. Васин показал, что если суммировать ПНН и все неустановленные причины смерти, кроме причины «старость», то окажется, что смертность от такой группы в Москве практически не отреагировала на переход к МКБ-10 [Васин 2015: 103-104].

Мы провели аналогичный расчет для Москвы, взяв ПНН и целиком класс МКБ «Симптомы, признаки, отклонения от нормы, выявленные при клинических и лабораторных исследованиях, не классифицированные в других рубриках» (далее: неточно обозначенные причины; рисунок 18). Сумма ПНН и неточно обозначенных причин у мужчин с 2000 г. по 2008 г. вообще не проявляет тенденции к снижению, затем немного снижается, но после 2008 г. число смертей с неточно обозначенными причинами вновь возрастает.

Группа, названная «*другие внешние причины смерти*», – это, в основном, нетранспортные несчастные случаи. По оценкам, число умерших от нетранспортных несчастных случаев в России занижено на 15-20% в результате классификации их как ПНН [Andreev et al. 2015].

Смертность от других внешних причин в Москве у мужчин более чем вдвое, а у женщин в 1,6 раза ниже, чем в Санкт-Петербурге. По уровню у женщин она примерно, такая же, как и в зарубежных мегаполисах, у мужчин – в 1,4-3 раза выше. Но по ее вкладу в общую смертность от внешних причин Москва не выделяется из общего ряда ни для мужчин, ни для женщин (рисунок 15 и 16).

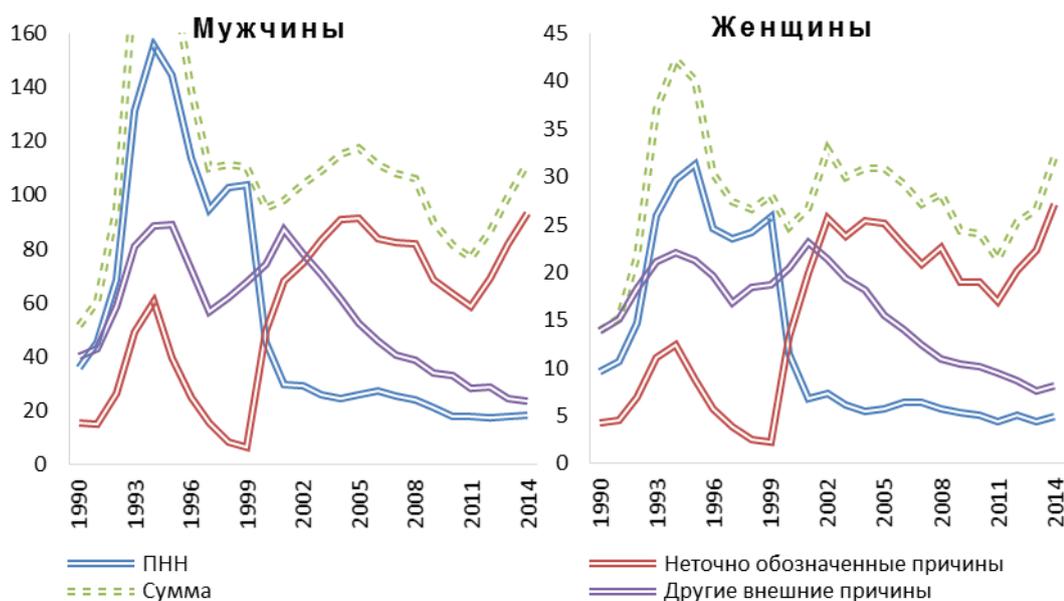

Рисунок 18. Стандартизованные коэффициенты смертности от повреждений с неопределенными намерениями, неточно обозначенных причин и "других внешних причин" в Москве, 1990-2014, на 100 000

Примечание: ПНН - повреждения с неопределенными намерениями.

После 2000 г. и в Москве, и в зарубежных мегаполисах среди других внешних причин наиболее распространены случайные падения (довольно заметная причина в структуре причин смерти лиц пожилого возраста).

В Москве практически не регистрируется такая важная в России причина смерти, как случайные отравления алкоголем [Андреев 2016], что несомненно искажает реальную структуру смертности от внешних причин.

Болезни органов дыхания

Болезни органов дыхания занимают четвертое место в структуре причин смерти населения Москвы (рисунок 24), тогда как в зарубежных мегаполисах этим причинам принадлежит третье место.

Стандартизованный коэффициент смертности от болезней органов дыхания в Москве и Санкт-Петербурге был и остается ниже, чем в других мегаполисах (рисунок 19), что само по себе не является преимуществом, потому что средний возраст смерти от этой причины у нас довольно низкий, тогда как в развитых странах он часто выше, чем от болезней системы кровообращения.

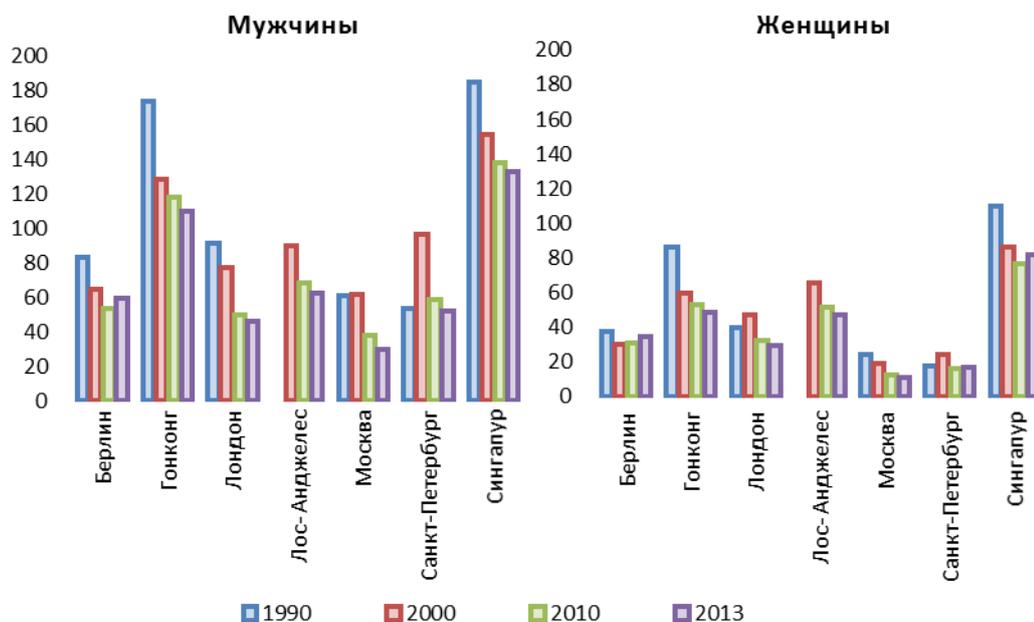

Рисунок 19. Стандартизованные коэффициенты смертности от болезней органов дыхания в 7 мегаполисах, 1990, 2000, 2010, 2013, на 100 000

Примечание: Лос-Анджелес - 2012 г.

Основной вклад в смертность от болезней органов дыхания до середины 2000-х вносили умершие от *пневмонии и бронхита*. После 2005 г. в Москве удалось снизить смертность от бронхита до минимума, но на пневмонию сейчас приходится почти 60% всех смертей от болезней органов дыхания. С 1990 по 2014 г. СКС от болезней органов дыхания снизился в Москве в 2,1 раза у мужчин и в 2,5 раза у женщин (рисунок 20). В его динамике выделяются те же периоды, что и в динамике СКС от болезней системы кровообращения и большинства внешних причин: подъем в начале 1990-х годов с максимумом в 1994 г., последующее снижение с минимумом в 1998 г., новый подъем, который после 2003 г. переходит в последовательное снижение. Варьируется лишь последняя точка максимума: у мужчин это 2001 г., у женщин – 2002 г.

Смерти от пневмонии во всех рассмотренных мегаполисах составляют не менее 35% всех умерших от болезней органов дыхания. В Сингапуре доля пневмонии составляет 74% у мужчин и 91% у женщин, а на умерших от болезней органов дыхания приходится более 20% всех умерших. Статистика Нью-Йорка вообще не содержит данных по всему классу болезней органов дыхания. Есть данные только по пневмонии и хронической обструктивной болезни легких. По сравнению с этими мегаполисами уровень смертности от пневмонии в Москве самый низкий (таблица 11), но нельзя не учитывать, что сегодня в развитых странах от пневмонии умирают в основном люди пожилого (можно сказать, очень пожилого) возраста, у которых на момент смерти почти всегда имеется не одно заболевание. Какая причина будет указана в свидетельстве о смерти в качестве основной и соответственно попадет в статистику, во многом зависит от правил выбора основной причины смерти, сложившихся в стране и регионе.

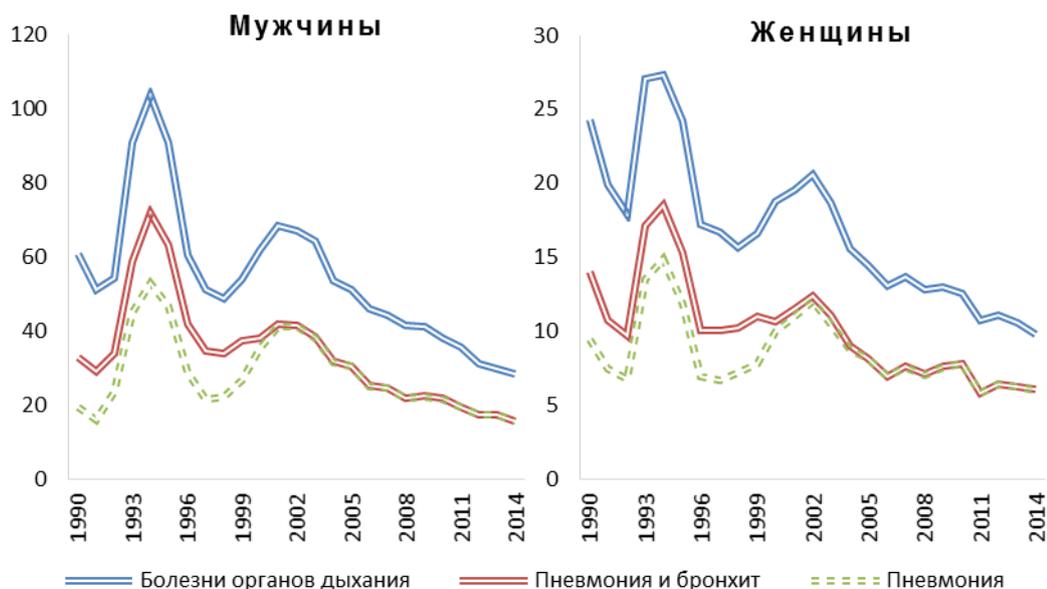

Рисунок 20. Стандартизованные коэффициенты смертности от болезней органов дыхания в Москве, 1990-2014, на 100 000

Таблица 11. Стандартизованные коэффициенты смертности от пневмонии в 8 мегаполисах, 1990, 2000, 2010, 2013, на 100 000

Мегаполис	Мужчины				Женщины			
	1990*	2000	2010	2013**	1990*	2000	2010	2013**
Берлин	24,8	22,2	20,8	20,6	13,8	10,4	10,7	11,3
Гонконг	69,6	63,4	73,3	75,3	36,5	37,5	39,3	38,7
Лос-Анджелес	н.д.	39,1	27,8	26,9	н.д.	33,6	22,9	21,2
Москва	19,5	35,4	21,5	17,2	9,4	10,0	7,8	6,2
Нью-Йорк	35,8	29,6	28,9	28,4	23,8	19,8	19,8	17,7
Санкт-Петербург	16,8	59,3	34,2	31,4	6,9	14,7	9,4	10,6
Сингапур	92,9	102,2	106,2	111,0	72,9	68,6	66,2	73,8
Токио***	84,6	58,0	46,8	43,8	40,4	28,7	22,1	19,9

Примечания: * – Нью-Йорк- 1997 г.; ** – Лос-Анджелес - 2012 г.; *** – пневмония и бронхит.

Болезни органов пищеварения

От болезней органов пищеварения в Москве в 2014 г. умерло 4,3% всех умерших мужчин и 4,2% женщин. За 25 лет вклад этого класса причин смерти в СКС вырос на 1 процентный пункт у мужчин и 1,3 процентных пункта у женщин. Уровень смертности от болезней органов пищеварения с 1990 по 2014 г. снизился в 1,3 раза у мужчин и в 1,2 раза у женщин, причем реальное снижение уровня смертности от этого класса началось только в 2008 г. (рисунок 21). В Санкт-Петербурге доля этого класса не отличается от московской, а уровень смертности немного выше. В Берлине смертность от болезней органов пищеварения немного ниже, чем в российских мегаполисах. В других же мегаполисах от этого класса причин смерти умирает в 2-4 раза меньше людей (таблица 12).

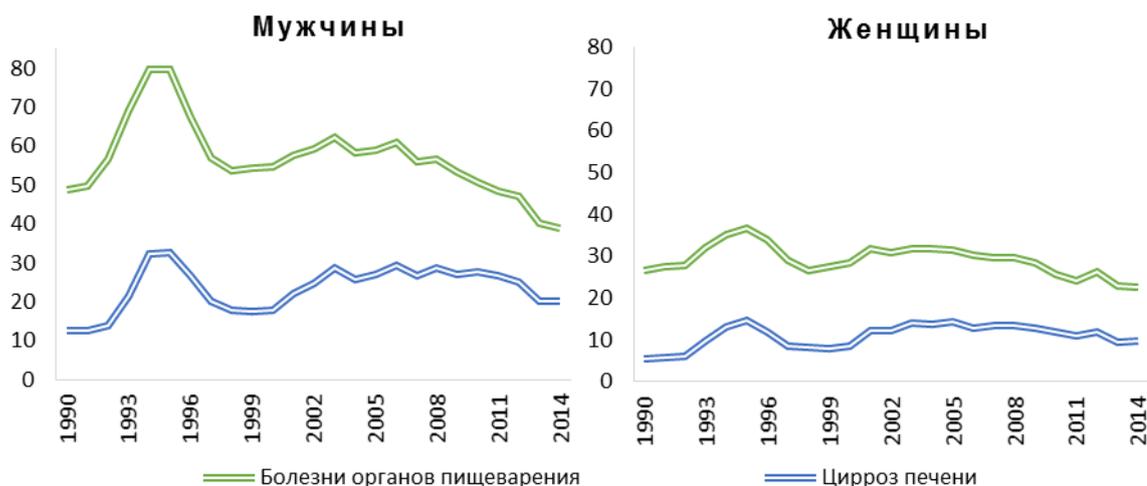

Рисунок 21. Стандартизованные коэффициенты смертности от болезней органов пищеварения и цирроза печени в Москве, 1990-2014, на 100 000

Основной вклад в смертность от болезней органов пищеварения вносят *циррозы печени*, динамика смертности от них определяла и динамику всего класса. За период с 1990 по 2014 г. СКС от цирроза печени в Москве вырос на 40% и у мужчин, и у женщин. За счет этого вклад цирроза за 25 лет вырос с 26 до 52% у мужчин и с 21 до 43% у женщин. Уровень смертности от цирроза печени в Москве и Санкт-Петербурге в разы превышает смертность в зарубежных мегаполисах.

Таблица 12. Стандартизованные коэффициенты смертности от болезней органов пищеварения и цирроза печени в 7 мегаполисах, 1990, 2000, 2010, 2013, на 100 000

Мегаполис	Мужчины				Женщины			
	1990*	2000	2010	2013**	1990*	2000	2010	2013**
	<i>Болезни органов пищеварения</i>							
Берлин	59,6	47,0	36,7	36,8	36,4	28,0	25,1	20,3
Гонконг	36,3	28,5	20,9	16,6	20,6	17,5	10,9	9,3
Лондон	9,4	13,5	12,6	10,4	4,9	5,9	5,3	4,6
Лос-Анджелес	н.д.	31,9	25,4	26,6	н.д.	18,4	14,1	14,1
Москва	48,8	54,7	50,6	40,3	26,7	28,5	25,7	22,8
Санкт-Петербург	46,6	59,5	61,3	48,7	27,1	31,8	30,7	25,3
Сингапур	30,5	15,0	13,4	11,4	14,9	10,6	9,9	8,2
	<i>Цирроз печени</i>							
Гонконг	10,3	10,5	4,4	3,4	4,2	5,0	2,1	1,5
Лондон	8,8	13,0	12,1	10,1	4,8	5,8	5,2	4,5
Лос-Анджелес	н.д.	4,7	2,7	3,3	н.д.	3,6	3,2	3,8
Москва	12,5	17,8	27,8	20,1	5,5	8,6	11,9	9,5
Нью-Йорк	17,3	12,0	9,1	9,4	5,1	3,6	3,4	3,5
Санкт-Петербург	11,7	15,4	27,4	21,6	4,8	8,9	12,7	9,6
Сингапур	11,6	5,3	4,3	3,0	3,5	2,8	2,4	2,2

Примечания: * – Нью-Йорк- 1997 г.; ** – Лос-Анджелес - 2012 г.

Инфекционные и паразитарные болезни

Вклад инфекционных и паразитарных болезней в стандартизованный коэффициент смертности от всех причин в Москве в 2014 г. составил 1,7% для мужчин и 1,1% для женщин. В 1990 г. эти доли были еще меньше – соответственно 1,1 и 0,5%. С 1990 г. СКС от инфекционных и паразитарных болезней у мужчин почти не изменился, а у женщин

вырос, рост (хотя и медленными темпами и скачкообразно) идет с начала 2000-х годов (рисунок 22).

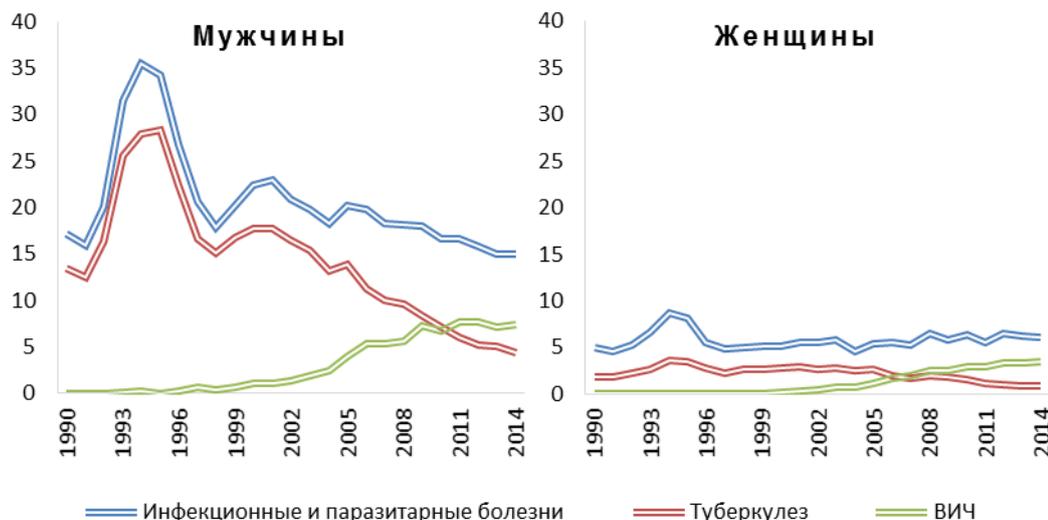

Рисунок 22. Стандартизованные коэффициенты смертности от инфекционных и паразитарных болезней, туберкулеза и ВИЧ в Москве, 1990-2014, на 100 000

У мужчин до начала 2000-х годов основной вклад (в 1990 г. - 79%) в смертность в этом классе вносил *туберкулез*. Затем смертность от туберкулеза стала снижаться, а вместе с тем снижался и его вклад - в 2014 г. он составил 29%. У женщин доля туберкулеза была изначально меньшей (37% в 1990 г.), но снижение вклада также было существенным (до 14% в 2014 г.).

Смерти от болезни, вызванной *вирусом иммунодефицита человека* (ВИЧ), регистрируются в Москве с начала 1990-х годов. Уровень СКС на 100000 был превышен у мужчин в 2000 г., а у женщин – в 2005 г. В 2014 г. уровень смертности от этой причины в Москве составил 7,4 на 100000 у мужчин и 3,4 у женщин против 11,3 и 4,9 в России в целом у мужчин и женщин соответственно. При этом эксперты говорят о наличии проблем с учетом заболеваемости и смертности от ВИЧ-инфекции [Покровский 2004]. Быстрый рост смертности от ВИЧ и снижение смертности от туберкулеза привели к тому, что в 2011 г. у мужчин и в 2007 г. у женщин смертность от ВИЧ превысила смертность от туберкулеза. Сейчас именно ВИЧ вносит основной вклад в смертность от инфекционных и паразитарных болезней (в 2014 г. 50% у мужчин и 56% у женщин).

Самый высокий уровень смертности от инфекционных и паразитарных болезней среди рассматриваемых мегаполисов наблюдается в Санкт-Петербурге, самый низкий – в Сингапуре (рисунок 23).

Как и в Москве, в Санкт-Петербурге, Сингапуре и Гонконге в 1990 г. смертность от туберкулеза вносила значительный вклад в смертность от всех инфекционных и паразитарных заболеваний. К 2013 г. во всех мегаполисах вклад этой причины смерти и уровень смертности от нее находились на низком уровне. Что же касается смертности от ВИЧ, то наиболее высокий уровень отмечался в Нью-Йорке в 1997 г. (50 и 18 на 100000 у мужчин и женщин соответственно). В других мегаполисах смертность была намного ниже.

К 2013 г. смертность от ВИЧ-инфекции наибольшая из нероссийских мегаполисов была также в Нью-Йорке (9,6 и 4,0 на 100000), что выше, чем в Москве. Но в Нью-Йорке, в отличие от Москвы, уровень смертности от ВИЧ постоянно снижается. Вызывает беспокойство и ситуация в Санкт-Петербурге, где за 14 лет уровень смертности от ВИЧ вырос до 14,7 на 100000 у мужчин и до 5,4 на 100000 у женщин.

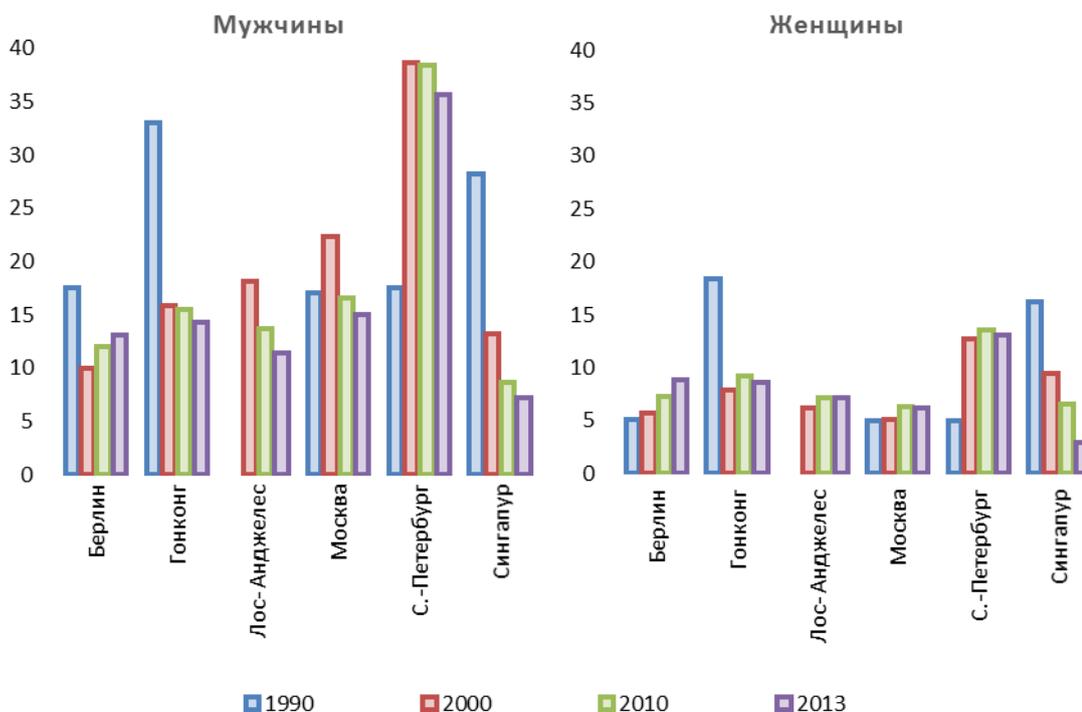

Рисунок 23. Стандартизованные коэффициенты смертности от инфекционных и паразитарных болезней в 6 мегаполисах, 1990, 2000, 2010, 2013, на 100 000

Примечание: Лос-Анджелес - 2012 г.

Сахарный диабет

Еще одна причина, на которую обращают особое внимание в развитых странах, - сахарный диабет. Особое внимание уделяется этой причине в США из-за сильного роста числа людей с выявленным диагнозом "диабет" и смертности от этой причины. В Москве смертность от сахарного диабета снижалась в течение почти двух десятилетий (рисунок 24). Но в последние три года у мужчин (и два последние года у женщин) статистика фиксирует рост показателей смертности от этой болезни. До 2011 г. уровень смертности от этой причины был выше у женщин, но с 2012 г. мужчины вышли в "лидеры". Более высокая смертность от сахарного диабета у женщин - не особенность Москвы. Такое отмечается и в других мегаполисах (рисунок 25). После 2011 г. смертность от сахарного диабета (все формы) в Москве немного увеличилась – СКС у мужчин вырос в 1,3, а у женщин – в 1,1 раза. По России в целом наблюдается более, чем двукратный рост СКС от сахарного диабета.

Уровень смертности от сахарного диабета в зарубежных мегаполисах намного выше, и на долю умерших от этой причины в некоторых из них приходится до 4% от всех умерших (Лос-Анджелес, Нью-Йорк).

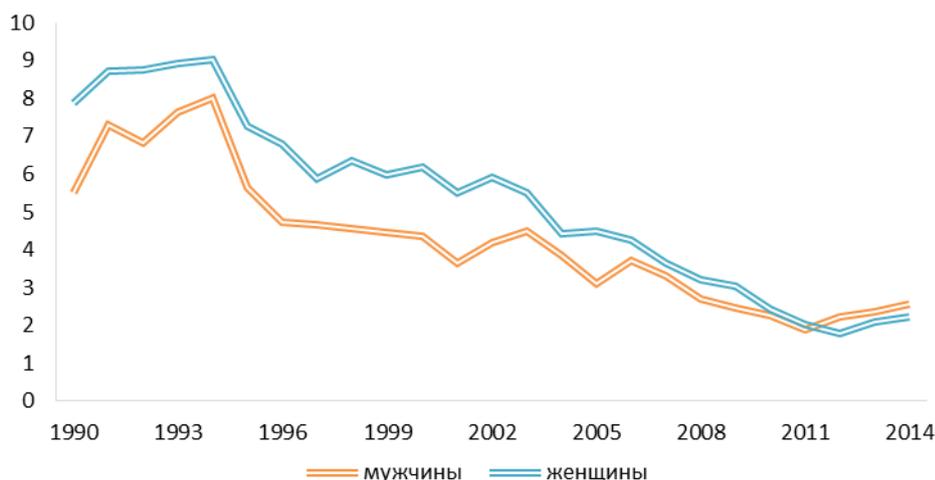

Рисунок 24. Стандартизованные коэффициенты смертности от сахарного диабета в Москве, 1990-2014, на 100 000

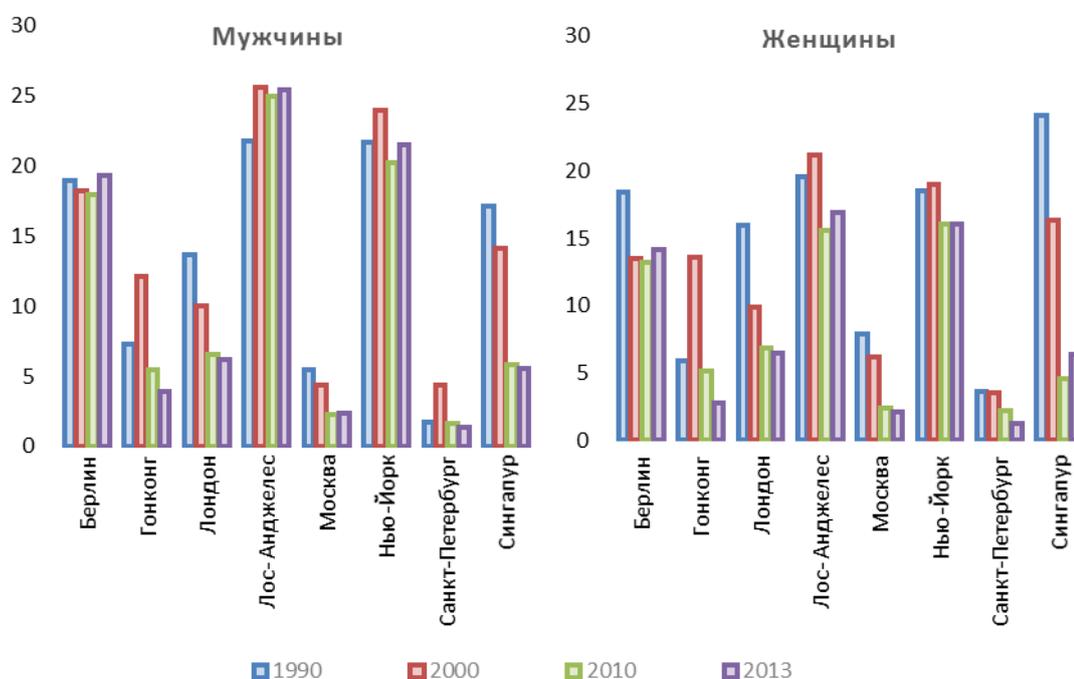

Рисунок 25. Стандартизованные коэффициенты смертности от сахарного диабета в 8 мегаполисах, 1990, 2000, 2010, 2013, на 100 000

Примечание: Нью-Йорк- 1997 г.; Лос-Анджелес - 2012 г.

Большая часть из умерших от сахарного диабета приходится на лиц пожилого возраста. У людей в этом возрасте, как правило, есть не одна болезнь. Как и в случае пневмонии, выбор основной причины смерти зависит от практики, сложившейся в стране и регионе.

ПРИЧИНЫ ПЕРИНАТАЛЬНОЙ СМЕРТНОСТИ И ВРОЖДЕННЫЕ АНОМАЛИИ

От этой группы причин смерти в подавляющем большинстве умирают дети в возрасте до 1 года, хотя врожденные аномалии могут вызвать смерть и детей старше 1 года, и даже людей в пожилом возрасте. Но основная доля умерших приходится на младенческий период жизни. Доля и уровень смертности от этой группы причин служит косвенной характеристикой благополучия в области здоровья матери и ребенка, а также доступности и качества медицинских услуг для них. В Москве уровень смертности от этих причин самый высокий из всех рассматриваемых мегаполисов, хотя в 1990 г. первенство принадлежало Санкт-Петербургу (рисунок 26). Но уже в середине 1990-х годов в Санкт-Петербурге удалось снизить этот вид смертности. Сейчас уровень смертности от причин перинатальной смерти и врожденных аномалий в Санкт-Петербурге сопоставим по уровню с мегаполисами США, а по уровню младенческой смертности Санкт-Петербург уже много лет является регионом с минимальным показателем.

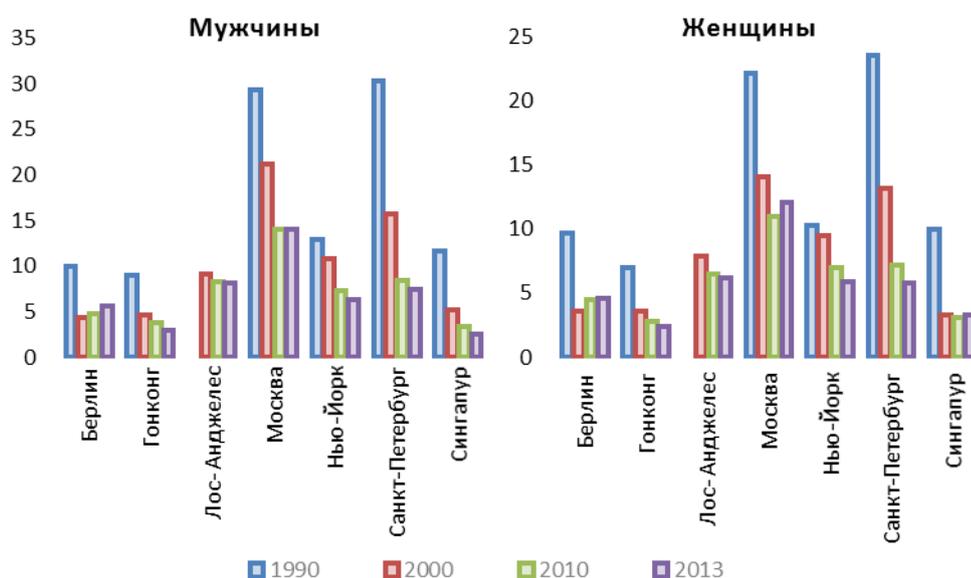

Рисунок 26. Стандартизованные коэффициенты смертности от причин перинатальной смертности и врожденных аномалий в 7 мегаполисах, 1990, 2000, 2010, 2013, на 100 000

Примечание: Нью-Йорк - 1997 г.; Лос-Анджелес - 2012 г.

ВЫВОДЫ

В целом за последние четверть века - с 1990 г. по 2014 г. - стандартизованный коэффициент смертности от всех причин в Москве снизился у мужчин на 44% и у женщин на 42% (за 1990-2013 гг. – на 43 и 41% соответственно). Темпы снижения показателя были выше, чем во многих зарубежных мегаполисах, как в целом, так и от некоторых важнейших классов причин смерти (таблица 13), что во многом объясняется более высоким начальным уровнем смертности.

Таблица 13. Снижение стандартизованных коэффициентов смертности от важнейших классов причин смерти в 7 мегаполисах мира, 2013, в % к 1990

Мегаполис	Все причины	В том числе		
		болезни системы кровообращения	новообразования	внешние причины
<i>Мужчины</i>				
Берлин	59,1	40,3	78,1	60,9
Гонконг	61,4	49,0	68,2	69,5
Лондон	58,8	39,3	56,9	92,9
Москва	57,0	50,8	52,7	47,1
Санкт-Петербург	72,1	70,1	66,9	66,1
Сингапур	55,7	45,4	69,3	48,9
Токио	68,6	46,4	78,9	54,0
<i>Женщины</i>				
Берлин	61,8	43,2	79,3	52,9
Гонконг	55,3	37,5	75,1	58,4
Лондон	69,1	47,7	74,8	98,9
Москва	58,6	52,2	68,8	43,0
Санкт-Петербург	69,6	65,4	79,3	59,3
Сингапур	52,4	37,4	73,9	32,8
Токио	69,2	38,6	80,6	61,1

Однако ситуация в Москве в первой половине 1990-х годов была очень неблагоприятной, так что, несмотря на относительно высокие темпы снижения, отставание от других рассмотренных в этом разделе мегаполисов мира сохранилось, наметилось только его небольшое снижение. Как было показано (таблица 2), СКС от всех причин в Москве в 2013 г. был заметно выше, чем во всех взятых для сравнения зарубежных мегаполисах. Более того, у мужчин он был выше, чем в этих мегаполисах в 2000 г. и даже чем в некоторых из них в 1990 г., что дает основание говорить о двадцатилетнем отставании Москвы. У женщин результаты таких сопоставлений лишь немногим лучше.

Крайне невыгодно для Москвы сравнение с зарубежными мегаполисами по уровню смертности от болезней системы кровообращения (таблица 3). Здесь не только нынешний разрыв очень велик, но Москва по уровню смертности еще не приблизилась даже к уровню, наблюдавшемуся в зарубежных мегаполисах в 1990 г., особенно это касается мужчин. Нынешнюю Москву превосходит по смертности от болезней системы кровообращения только Берлин 1990 г., но тогда там еще сохранялись последствия социалистического образа жизни. Различия между восточной и западной частями Германии в уровне смертности ликвидировали практически полностью лишь к концу 1990-х годов.

Различия в стандартизованных коэффициентах смертности от новообразований между Москвой и Санкт-Петербургом, с одной стороны, и зарубежными мегаполисами, с другой, не столь велики (таблица 4), но повсеместно не в пользу Москвы. Однако разрыв в демографических потерях Москвы и зарубежных мегаполисов за счет более высокой смертности от новообразований не достигает таких масштабов, как в случае сердечно-сосудистых заболеваний и внешних причин смерти.

Ситуация с внешними причинами смерти во многом повторяет ситуацию с болезнями системы кровообращения. В Москве смертность от внешних причин затрагивает более молодую, чем в зарубежных мегаполисах, часть населения, в силу чего ее неблагоприятное влияние на ожидаемую продолжительность жизни особенно велико. Хотя

снижение смертности от этой, в значительной части предотвратимой, причины в Москве после 2000 г. было весьма значительным, но на фоне зарубежных мегаполисов достижения нашей столицы в снижении этого вида смертности кажутся несущественными. У мужчин, а иногда и у женщин, она в разы выше, чем в Лондоне, Нью-Йорке, Токио или Берлине (рисунок 14).

Уровень жизни, доступность качественной медицинской помощи в Москве выше, чем в соседних областях, а население Москвы имеет существенно более высокий уровень образования. Поэтому не удивительно, что Москва заметно отличается от ближайших регионов России по уровню смертности от болезней системы кровообращения или внешних причин. Но более низкая смертность от новообразований, которая довольно стабильна во времени и мало различается между регионами страны, побуждает искать возможные объяснения относительно низкого уровня смертности населения столицы также и в особенностях ее статистики [Андреев, Кваша, Харькова 2006]. Однако даже если посчитать московскую статистику смертности достоверной, на фоне зарубежных мегаполисов успехи Москвы выглядят достаточно скромно. Если говорить о сходствах и различиях смертности в Москве и зарубежных мегаполисах, то приходится признать, что различий пока больше, чем сходства.

Тем не менее успехи Москвы в снижении смертности в 2000-2014 гг. все же внушают некоторый оптимизм, а цель приближения уровня смертности в городе к уровням зарубежных мегаполисов не выглядит недостижимой. Трудно только предугадать, как будут развиваться события в условиях ухудшающейся экономической ситуации. Полезно напомнить, что в годы кризиса первой половины 1990-х годов Москва полностью утратила все ранее существовавшие преимущества перед соседними регионами в уровне смертности.

ЛИТЕРАТУРА

- Аксель Е.М. (2009). Статистика злокачественных новообразований женских половых органов // *Опухоли женской репродуктивной системы*. 1-2: 76-80.
- Аксель Е.М. (2012). Статистика злокачественных новообразований женской половой сферы. // *Онкогинекология*. 1:18-23.
- Андреев Е.М. (2002). Возможные причины колебаний продолжительности жизни в России в 90-ые годы // *Вопросы статистики*. 11: 3-15.
- Андреев Е.М. (2016). Правильно ли считают умерших от случайных отравлений алкоголем? // *Демоскоп Weekly*. № 673 – 674. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2016/0673/tema01.php> (дата обращения: 26.02.2016).
- Андреев Е.М., Е.А. Кваша, Т.Л. Харькова (2006). Особые точки на карте смертности // *Население России 2003–2004. Одиннадцатый-двенадцатый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А.Г. Вишневский*. М.: 298–305.
- Андреев Е.М., Е.А. Кваша, Т.Л. Харькова (2013). Смертность и продолжительность жизни // *Население России 2010–2011. Восемнадцатый-девятнадцатый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А.Г. Вишневский*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики: 385–443.

- Андреев Е.М., Е.А. Кваша, Т.Л. Харькова, С.А. Тимонин (2015). Смертность и продолжительность жизни // Население России 2013. Двадцать первый ежегодный демографический доклад / Отв. Ред. С.В. Захаров. М.: Изд. дом Высшей школы экономики: 182–273.
- Васин С.А. (2015). Смертность от повреждений с неопределенными намерениями в России и в других странах // Демографическое обозрение. 1:92. URL: http://demreview.hse.ru/data/2015/10/22/1079399391/DemRev_2_1_2015_89-124.pdf (дата обращения: 26.02.2016).
- ВОЗ (2015). Вирус папилломы человека (ВПЧ) и рак шейки матки // Информационный бюллетень №380. URL: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs380/ru/> (дата обращения: 26.02.2016).
- Данилова И.А. (2015). Особенности построения непрерывных рядов показателей смертности по причинам смерти в России // Вопросы статистики. 11: 58-68.
- Демографическая модернизация России, 1900-2000 (2006) / Под ред. А.Г. Вишневого. М.: Новое издательство. 601 с.
- Иванова А.Е., Т.П. Сабгайда, В.Г. Семенова, В.Г. Запороженко, Е.В. Землянова, С.Ю. Никитина (2013). Факторы искажения структуры причин смерти трудоспособного населения России // Социальные аспекты здоровья населения. 4(32). URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/491/30/lang,ru/> (дата обращения: 26.02.2016).
- Мерабишвили В.М. (2013). Аналитическая эпидемиология рака желудка // Вопросы онкологии. 59(5): 565.
- Мерабишвили В.М., Н.Г. Петрова, А.В. Атрощенко, М.В. Харитонов (2014). Анализ заболеваемости и смертности мужского населения от рака предстательной железы (популяционное исследование) // Креативная онкология и хирургия. Электронный научно-практический журнал. 2. URL: <http://eoncosurg.com/analiz-zabolevaemosti-i-smernosti-muzhskogo-naseleniya-ot-raka-predstatelnoj-zhelezy-populyatsionnoe-issledovanie> (дата обращения: 26.02.2016).
- Оганов Р.Г., В.В. Константинов, Т.Н. Тимофеева, А.В. Капустина, А.Д. Деев, С.А. Шальнова, И.Е. Колтунов, Ю.А. Баланова, И.Н. Лельчук (2011). Эпидемиология артериальной гипертензии в России. Результаты федерального мониторинга 2003-2010 гг. // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 1: 9-13.
- Покровский В.В. (2004). Социально значимые инфекции в XXI веке // Народонаселение. 3: 93-96.
- Ревич Б.А., М. Подольная, Е.М. Аксель, Т.Л. Харькова, Е.А. Кваша (2014). Особенности онкологической заболеваемости и смертности трудоспособного населения Москвы // Профилактическая медицина. 17 (5): 31.
- Семенова В.Г., О.И. Антонова (2007). Достоверность статистики смертности (на примере смертности от травм и отравлений в Москве) // Социальные аспекты здоровья населения (Электронный научный журнал). 2(7). URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/28/30/> (дата обращения: 26.02.2016).
- Состояние онкологической помощи населению России в 2014 году (2015) / Под ред. А.Д. Каприна, В.В. Старинского, Г.В. Петровой. М.: МНИОИ им. П.А. Герцена.
- Фаттахов Т.А. (2015). Дорожно-транспортные происшествия и смертность в России: 1956-2012 // Демографическое обозрение. 2: 6-36. URL: <https://demreview.hse.ru/2015--2/167976833.html> (дата обращения: 26.02.2016).

- Школьников В.М., Е.М. Андреев, М. Макки, Д.А. Леон (2014). Рост продолжительности жизни в России 2000-х годов // Демографическое обозрение. 1(2): 5–37. URL: https://demreview.hse.ru/data/2014/11/20/1101110530/DemRev_1_2_2014_5-37.pdf (дата обращения: 26.02.2016).
- Andreev E.M., V.M. Shkolnikov, W.A. Pridemore, S.Yu. Nikitina (2015). A method for reclassifying cause of death in cases categorized as “event of undetermined intent” // Population Health Metrics. 13, Art. 23. DOI:10.1186/s12963-015-0048-y.
- Shaposhnikov D., B. Revich, T. Bellander, G.B. Bedada, M. Bottai, T.L. Kharkova, E.A. Kvasha, E. Lezina, T. Lind, E. Semutnikova, G. Pershagen (2014). Mortality related to air pollution with the Moscow heat wave and wildfire of 2010 // Epidemiology. 25 (3): 359-364.
- Shkolnikov V., M. McKee., D.A. Leon (2001). Changes in life expectancy in Russia in the mid-1990s // The Lancet. 357(9260): 917–921. doi:10.1016/S0140-6736(00)04212-4.
- UN (2015). World urbanization prospects: The 2014 revision. New York: United Nations.
- Waterhouse J., C.S. Muir, P. Correa, J. Powell, eds. (1976). Cancer incidence in five continents. Lyon: IARC. 3: 456.
- WHO (2014). Comprehensive cervical cancer control. A guide to essential practice. Second edition.
- Wroblewski L.E., R.M. Peek, Jr. Wilson, K.T. Wilson (2010). Helicobacter pylori and gastric cancer: factors. That modulate disease risk // Clinical microbiology reviews. 23 (4): 713–739.

MORTALITY IN MOSCOW AND OTHER MEGACITIES OF THE WORLD: SIMILARITIES AND DIFFERENCES

EVGENY ANDREEV, EKATERINA KVASHA, TATIANA KHARKOVA

The paper is devoted to a comparison of mortality by cause of death in Moscow and other megacities of the world in the period after 1990. The selection of megacities was determined by the availability of detailed mortality data in the period under consideration. The objects of our comparison are data for Berlin, Hong Kong, London, Los Angeles, New York, Singapore, St. Petersburg, and Tokyo. Mortality from major groups of causes of death are considered, including cardiovascular diseases, neoplasms, external causes, diseases of the respiratory and digestive organs, infections and some others. The analysis uses standardized mortality rates by cause of death.

The mortality level in Moscow is significantly lower than in the majority of regions of Russia, but is still substantially higher than in foreign megacities. Due to a big lag at the beginning of the period, the mortality level in Moscow nowadays is higher than in all considered foreign megalopolises in the year 2000. Where Moscow's mortality level most lags behind others is in mortality from circulatory diseases and external causes. Moscow's successes in reducing mortality in 2000-2014 are very impressive. However, it is difficult to predict how events will unfold in the deteriorating economic situation.

Key words: Moscow, mortality, causes of death, megacities, circulatory diseases, external causes, neoplasms.

EVGENY M. ANDREEV, NEW ECONOMIC SCHOOL, RUSSIA.

EKATERINA A. KVASHA, NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, RUSSIA.

TATIANA L. KHARKOVA (tkharkova@hse.ru), NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, RUSSIA.

THE RESULTS OF THE PROJECT "DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT IN RUSSIA IN 2005-2015 IN THE CONTEXT OF LONG-TERM TRENDS", CARRIED OUT WITHIN THE FRAMEWORK OF THE BASIC RESEARCH PROGRAM AT THE NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS (HSE) IN 2016, ARE PRESENTED IN THIS PAPER.

DATE RECEIVED: JULY 2016.

REFERENCES

- Aksel E.M. (2009). Statistika zlokachestvennykh novoobrazovaniy zhenskikh polovykh organov [Statistics of malignant tumors of female genitals] // Opukholi zhenskoy reproduktivnoy sistemy [Women reproductive system tumors]. 1-2: 76-80.
- Aksel E.M. (2012). Statistika zlokachestvennykh novoobrazovaniy zhenskoy polovoy sfery [Statistics of malignant neoplasms of female genital sphere] // Onkoginekologiya [Gynecologic Oncology]. 1:18-23.
- Andreev E.M. (2002). Vozmozhnye prichiny kolebaniy prodolzhitel'nosti zhizni v Rossii v 90-ye gody [Possible reasons of fluctuations in life expectancy in Russia in the 1990s] // Voprosy statistiki [Problems in statistics]. 11: 3-15.
- Andreev E.M. (2016). Pravil'no li schitayut umershikh ot sluchaynykh otravleniy alkogolem? [Is number of deaths from accidental alcohol poisoning counted correctly?] // Demoskop Weekly. №673–674. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2016/0673/tema01.php> (accessed: 26.02.2016).
- Andreev E.M., E.A. Kvasha, T.L. Kharkova (2006). Osobyie tochki na karte smertnosti [The special points on the map of mortality] // Naselenie Rossii 2003–2004. Odinnadtsatyy-

- dvenadtsatyy ezhegodnyy demograficheskiy doklad [The population of Russia 2003-2004. Eleventh-twelfth annual demographic report] / A.G. Vishnevsky, ed. Moscow: 298–305.
- Andreev E.M., E.A. Kvasha, T.L. Kharkova (2013). Smertnost' i prodolzhitel'nost' zhizni [Mortality and life expectancy] // Naselenie Rossii 2010–2011. Vosemnadtsatyy-devyatnadsatyy ezhegodnyy demograficheskiy doklad [Population of Russia 2010-2011. Eighteenth-nineteenth annual demographic report] / A.G. Vishnevsky, ed. Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki: 385–443.
- Andreev E.M., E.A. Kvasha, T.L. Kharkova, S.A. Timonin (2015). Smertnost' i prodolzhitel'nost' zhizni [Mortality and life expectancy] // Naselenie Rossii 2013. Dvadsat' pervyy ezhegodnyy demograficheskiy doklad [Population of Russia of 2013. The twenty-first annual demographic report] / S.V. Zakharov, ed. Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki: 182–273.
- Andreev E.M., V.M. Shkolnikov, W.A. Pridemore, S.Yu. Nikitina (2015). A method for reclassifying cause of death in cases categorized as “event of undetermined intent” // Population health metrics. 13, Art. 23. DOI:10.1186/s12963-015-0048-y.
- Danilova I.A. (2015). Osobennosti postroeniya nepreryvnykh ryadov pokazateley smertnosti po prichinam smerti v Rossii [Features of the construction of a continuous series of mortality by causes of death in Russia] // Voprosy statistiki [Problems in statistics]. 11: 58-68.
- Demograficheskaya modernizatsiya Rossii: 1900-2000 [Demographic modernization of Russia: 1900-2000] (2006) / A.G. Vishnevsky, ed. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- Fattakhov T.A. (2015). Dorozhno-transportnye proisshestviya i smertnost' v Rossii: 1956-2012 [Road traffic accidents and mortality in Russia: 1956-2012] // Demograficheskoe obozrenie [Demographic review]. 2: 6–36 (accessed: 26.02.2016).
- Ivanova A.E., T.P. Sabgaida, V.G. Semenova, V.G. Zaporozhenko, E.V. Zemlianova, S.Iu. Nikitina (2013). Faktory iskazheniya struktury prichin smerti trudosposobnogo naseleniya Rossi [Factors distorting structure of causes of death of working-age population of Russia] // Sotsial'nye aspekty zdorov'ya naseleniyai [Social aspects of population health]. 4(32) URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/491/30/lang.ru/> (accessed: 26.02.2016).
- Merabishvili V.M. (2013). Analiticheskaya epidemiologiya raka zheludka [Analytical epidemiology of gastric cancer] // Voprosy onkologii [Problems in oncology]. 59(5): 565.
- Merabishvili V.M., N.G. Petrova, A.V. Atrochshenko, M.V. Kharitonov (2014). Analiz zaboлеваemosti i smertnosti muzhskogo naseleniya ot raka predstatel'noy zhelezy (populyatsionnoe issledovanie) [Analysis of incidence of and mortality from prostate cancer in male population (population study)] // Kreativnaya onkologiya i khirurgiya. Elektronnyy nauchno-prakticheskiy zhurnal [Creative oncology and surgery]. 2. URL: <http://eocosurg.com/analiz-zaboлеваemosti-i-smertnosti-muzhskogo-naseleniya-ot-raka-predstatelnoj-zhelezy-populyatsionnoe-issledovanie> (accessed: 26.02.2016).
- Oganov R.G., V.V. Konstantinov, T.N. Timofeeva, A.V. Kapustina, A.D. Deev, S.A. Shal'nova, I.E. Koltunov, Iu.A. Balanova, I.N. Lel'chuk (2011). Epidemiologiya arterial'noy gipertonii v Rossii. Rezul'taty federal'nogo monitoringa 2003-2010 gg. [Epidemiology of arterial hypertension in Russia. the federal monitoring results of 2003-2010] // Kardiovaskulyarnaya terapiya i profilaktika [Cardiovascular therapy and prevention]. 1: 9-13.
- Pokrovsky V.V. (2004). Sotsial'no znachimye infektsii v XXI veke [Socially important infections in the XXI century] // Narodonaselenie [Population]. 3: 93-96.
- Revich B. A., M. Podolnaia, E. Aksel, T. L. Kharkova, E. A. Kvasha (2014). Osobennosti onkologicheskoy zaboлеваemosti i smertnosti trudosposobnogo naseleniya Moskvy [Features

- of cancer incidence and mortality in the working age population of Moscow] // *Profilakticheskaya meditsina* [Preventive medicine]. 7 (5): 31.
- Semenova V.G., O.I. Antonova (2007). Dostovernost' statistiki smertnosti (na primere smertnosti ot travm i otravleniy v Moskve) [The validity of the mortality statistics (on example of mortality from injury and poisoning in Moscow)] // *Sotsial'nye aspekty zdorov'ya naseleniya. Elektronnyy nauchnyy zhurnal* [Social aspects of population health]. 2(7). URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/28/30/> (accessed: 26.02.2016).
- Shaposhnikov D., B. Revich, T. Bellander, G.B. Bedada, M. Bottai, T.L. Kharkova, E.A. Kvasha, E. Lezina, T. Lind, E. Semutnikova, G. Pershagen (2014). mortality related to air pollution with the Moscow heat wave and wildfire of 2010 // *Epidemiology*. 25 (3): 359-364.
- Shkolnikov V., M. McKee., D.A. Leon (2001). Changes in life expectancy in Russia in the mid-1990s // *The Lancet*. 357(9260): 917–921. doi:10.1016/S0140-6736(00)04212-4.
- Shkolnikov V.M., E.M. Andreev, M. McKee, D.A. Leon (2014). Rost prodolzhitel'nosti zhizni v Rossii 2000-kh godov [The growth in life expectancy in Russia at the 2000s] // *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic review]. 1(2): 5–37. URL: https://demreview.hse.ru/data/2014/11/20/1101110530/DemRev_1_2_2014_5-37.pdf (accessed: 26.02.2016).
- Sostoyanie onkologicheskoy pomoshchi naseleniyu Rossii v 2014 godu [State oncological assistance to the population of Russia in 2014] (2015) / A.D. Kaprin, V.V. Starinskii, G.V. Petrova, eds. Moscow: MNIOI im. P.A. Gertsena.
- UN (2015). World urbanization prospects: The 2014 revision. New York: United Nations.
- Vasin S.A. (2015). Smertnost' ot povrezhdeniy s neopredelennymi namereniyami v Rossii i v drugikh stranakh [Deaths from injury with uncertain intentions in Russia and in other countries] // *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic review]. 1:92. URL: http://demreview.hse.ru/data/2015/10/22/1079399391/DemRev_2_1_2015_89-124.pdf (accessed: 26.02.2016).
- VOZ (2015). Virus papillomy cheloveka (VPCh) i rak sheyki matki [Human papillomavirus (HPV) and cervical cancer] // *Informatsionnyy byulleten'* [Bulletin of the World Health Organization].380. URL: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs380/ru/> (accessed: 26.02.2016).
- Waterhouse J., C.S. Muir, P. Correa, J. Powell, eds. (1976). Cancer incidence in five continents. Lyon: IARC. 3: 456.
- WHO (2014). Comprehensive cervical cancer control. A guide to essential practice. Second edition.
- Wroblewski L.E., R.M. Peek, Jr. Wilson, K.T. Wilson (2010). Helicobacter pylori and gastric cancer: factors. that modulate disease risk // *Clinical microbiology reviews*. 23 (4): 713–739.

ВЛИЯНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ НА СИСТЕМУ ЧАСТНЫХ МЕЖПОКОЛЕННЫХ ТРАНСФЕРТОВ

АННА МИРОНОВА

В статье рассматриваются последствия демографических изменений для системы частных межпоколенных трансфертов. Выявлены основные демографические факторы частных межпоколенных трансфертов, среди которых изменение в возрастной структуре населения, распространённость разводов, повторных браков, незарегистрированных союзов, повышение миграционной активности населения, процесс нуклеаризации, а также проанализировано их влияние на систему частных межпоколенных трансфертов.

Ключевые слова: семья, частные межпоколенные трансферты, межсемейные обмены, демографические изменения, домохозяйства.

Взаимная поддержка между поколениями в рамках семьи составляет основу не только семейных отношений, но также и всей системы общественного благосостояния. Так, родители продолжают поддерживать своих детей не только в период взросления, но и когда те становятся самостоятельными и покидают родительский дом. В свою очередь дети помогают родителям в трудных ситуациях – например, заботятся о них во время болезни.

Обмены различными видами благ и услуг между поколениями на безвозмездной основе обозначаются общим термином «трансферты». Особенность частных трансфертов, в отличие от социальных, состоит в том, что ресурсы перераспределяются по неформальным каналам. К последним можно отнести родственные каналы, а также каналы дружеской и приятельской поддержки. Однако, несмотря на существующее разнообразие возможных каналов передачи частных трансфертов, основные потоки перераспределяются между родственниками и именно в межпоколенной плоскости, что подтверждается имеющимися исследованиями [Барсукова 2004] и данными [РМЭЗ 2013] (Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения – НИУ ВШЭ; рисунок 1). Принимая во внимание межпоколенный аспект, выделяют нисходящие (от представителей старшего поколения младшему) и восходящие (от младшего поколения старшему) трансферты.

Анна Алексеевна Миронова (amironova@hse.ru), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия.

Статья подготовлена в ходе проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров.

Статья поступила в редакцию в декабре 2015 г.

В зависимости от типа передаваемой помощи выделяют материальные и инструментальные трансферты. Материальные трансферты представляют собой совокупность финансовых и собственно материальных трансфертов. Инструментальные трансферты – это перераспределение времени между поколениями, выражающееся в потоках различных услуг. В рамках инструментальных трансфертов зачастую в качестве отдельного подвида выделяют функциональные трансферты, которые представляют помощь людям, утратившим способность самостоятельно ухаживать за собой в результате болезни.

Рисунок 1. Распределение получаемых частных трансфертов на межпоколенные и другие, %

Примечание: К межпоколенным были отнесены трансферты от родителей, детей, прауродителей и внуков. При этом трансферты от других родственников и от друзей не исключают межпоколенного измерения.

Источник: [РМЭЗ 2013].

Совокупность актов передачи и получения помощи, распределяемой между поколениями, условно обозначим системой частных трансфертов. Систему частных межпоколенных трансфертов можно анализировать на индивидуальном уровне, уровне семьи и общества в целом. В зависимости от уровня анализа можно выделять различные факторы частных межпоколенных трансфертов (таблица 1).

Таблица 1. Типология факторов частных межпоколенных трансфертов

Факторы частных межпоколенных трансфертов		
индивидуальный уровень	уровень семьи (домохозяйства)	социетальный уровень
– возраст	– структура домохозяйства, которая определяется наличием несовершеннолетних детей и их числом, возрастом главы домохозяйства, наличием семейного ядра и его типом (супружеская пара, неполная семья) и т.д.	– развитость государственных (пенсионное обеспечение, система социального обслуживания, меры социальной поддержки и др.) и негосударственных (благотворительные организации, добровольное социальное страхование и др.) институтов социальной защиты населения
– пол	– размер домохозяйства	– культурные нормы
– состояние здоровья		
– образование		
– статус занятости		
– семейное положение		
– уровень дохода		
– территориальная удалённость от родственников		

В рамках данного исследования мы ограничиваемся анализом частных межпоколенных трансфертов на уровне семьи. При этом рассмотрение частных трансфертов на этом уровне в основном сводится к характеристикам домохозяйства, так как имеющиеся статистические данные относятся именно к ним. Однако строго говоря, наиболее полное представление о частных межпоколенных трансфертах на семейном уровне можно получить, обладая информацией не только о характеристиках домохозяйств, но и о структуре семейной группы в целом: о совокупности живущих в данный момент времени родственников, которые чаще всего принадлежат к различным домохозяйствам. С этой точки зрения тип домохозяйства представляет собой характеристику особенностей проживания членов родственной группы, а состав родственной группы даёт представление о потенциальных участниках частных межпоколенных обменов.

Проанализируем подробнее демографические детерминанты, влияющие на состав родственных домохозяйств. Логика такого влияния представлена на рисунке 2.

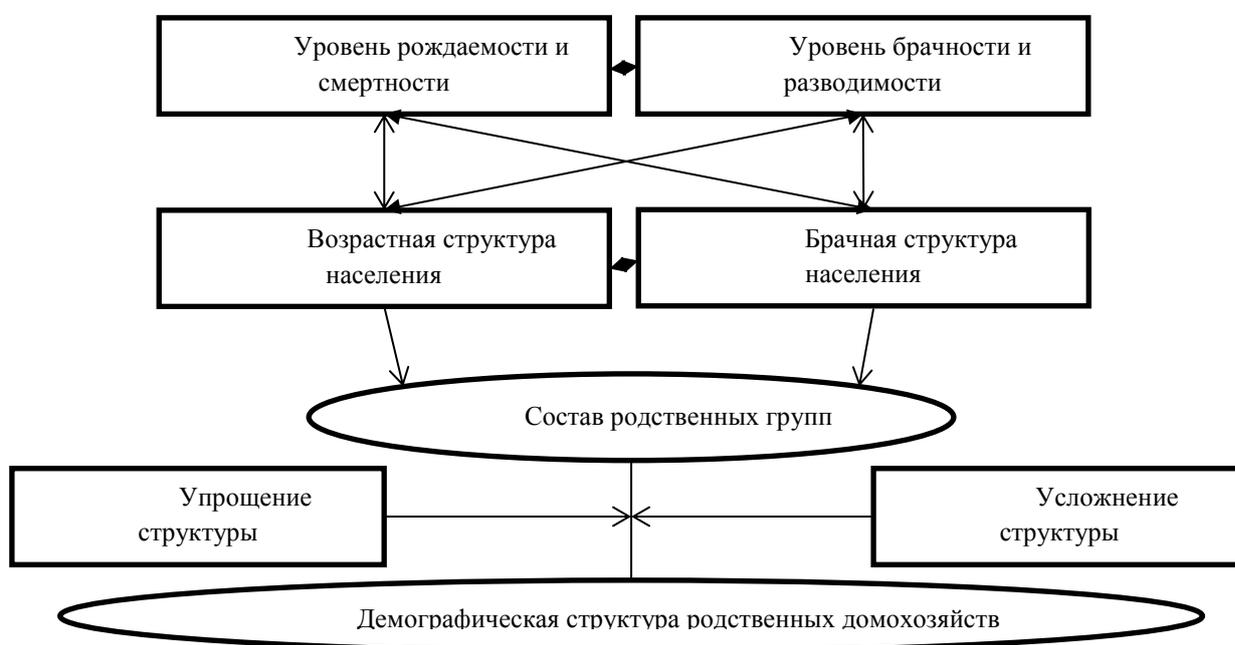

Рисунок 2. Связь между демографическими детерминантами и демографической структурой родственных домохозяйств

Демографическими детерминантами состава родственной группы, внутри которой происходит обмен межпокольными трансфертами, являются возрастно-половая и брачная структуры населения. В свою очередь демографическая структура (возрастно-половая и брачная) является результатом действия демографических процессов в прошлом (рождаемости и смертности, брачности и разводимости) и в то же время сама оказывает на них влияние. Члены родственной группы могут расселяться по разным домохозяйствам, что связано с процессом упрощения структуры домохозяйства, или наоборот объединяться в одно домохозяйство, усложняя его структуру.

Проанализируем подробнее демографические детерминанты, влияющие на состав родственной группы в целом и родственников домохозяйств в частности, а также последствия этого влияния для системы частных межпоколенных трансфертов.

Изменение в возрастной структуре населения определяется особенностями режимов рождаемости и смертности и проявляется в трансформации жизненного цикла человека, изменении состава родственников домохозяйств. Возрастная структура населения России за последние 100 с лишним лет существенно изменилась: возрос удельный вес населения в средних и старших возрастах, а доля детского населения сократилась (рисунок 3). Возрастная пирамида родственной группы меняет свою форму аналогично пирамиде всего населения. Снижение уровня рождаемости и увеличение продолжительности жизни, проявившееся в трансформации возрастной структуры, ведёт к росту числа одновременно живущих в семье поколений (вертикальное расширение семьи), в то время как число представителей одного поколения снижается (горизонтальное сужение). Такие структурные изменения ведут к тому, что, с одной стороны, забота о пожилых членах семьи ложится на плечи меньшего числа представителей младшего поколения, а с другой – потенциал поддержки молодого поколения возрастает. Как показывают исследования, сужение семьи по горизонтали связано с усилением нисходящего частного межпоколенного потока [Alter 2013].

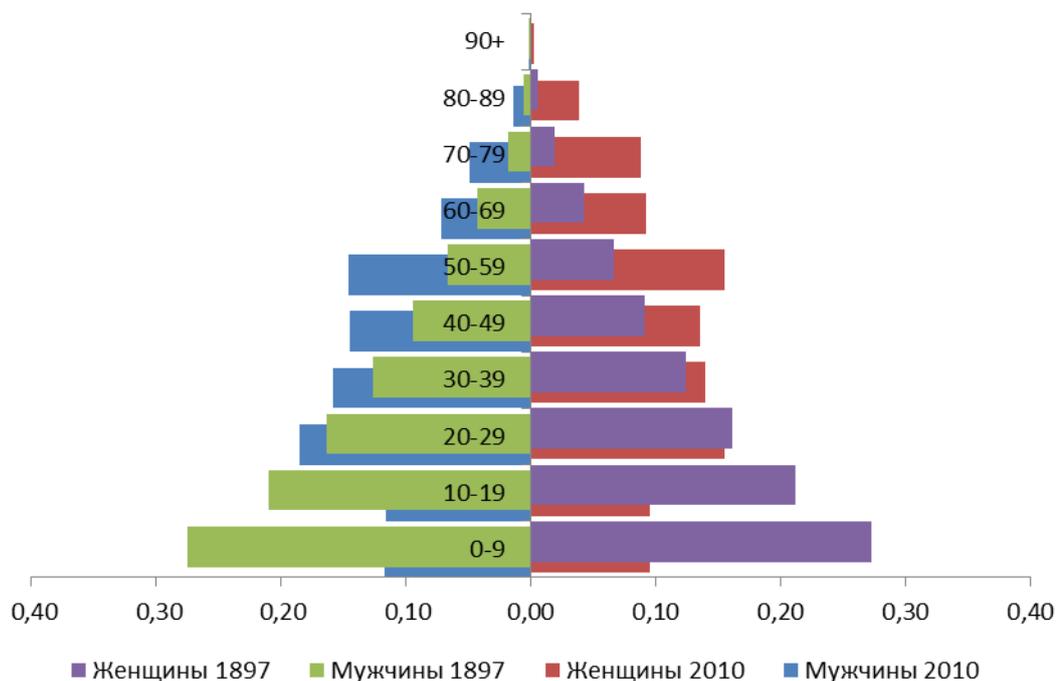

Рисунок 3. Половозрастное распределение населения России по переписи 1897 и 2010 г.

Источник: [Перепись Российской Империи... 1905; Всероссийская перепись населения 2010].

Вместе с тем в связи с ростом продолжительности жизни родителей все больше откладывается возраст, когда дети получают наследство. Несмотря на то, что изменение ожидаемой продолжительности жизни в России за последние 50 лет нельзя

охарактеризовать как период перманентного роста (рисунок 4), за последние 10 лет наметился восстановительный восходящий тренд.

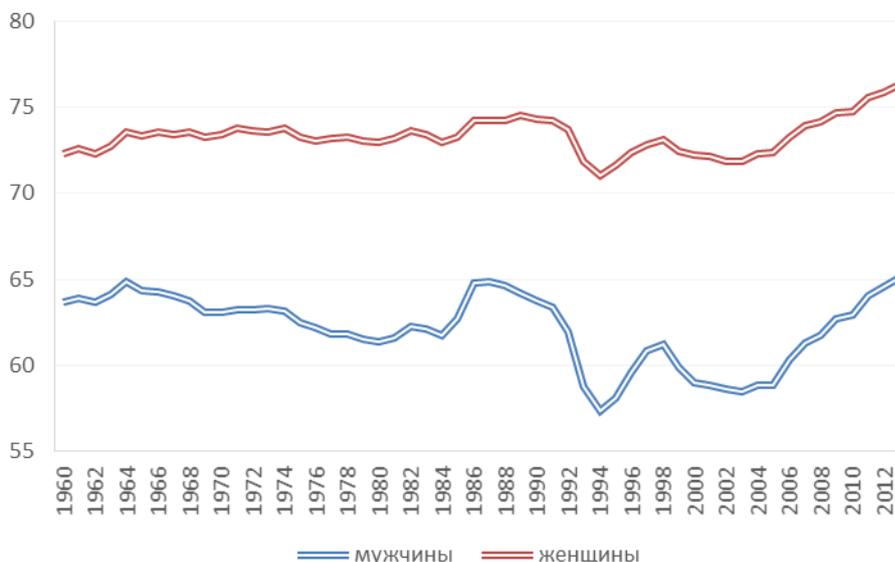

Рисунок 4. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в России, 1960-2013

Источник: [Приложение Демоскоп Weekly 2016].

По имеющимся оценкам, в России за последние 100 лет возраст получения наследства повысился в среднем с 35 до 50 лет [Вишневецкий 2005]. Откладывание момента получения наследства изменяет характер взаимодействия младшего поколения со старшим. Например, Котликов и Спивак [Kotlikoff, Spivak 1981] рассматривают наследство или обещание его как подразумеваемый межпоколенный контракт, предполагающий родительский контроль над семейным благосостоянием и основанный на доверии со стороны детей к тому, что родители наградят их за поддержку посмертным даром. Некоторые исследователи [Bernheim, Shleifer, Summers 1985] приходят к выводу, что контакты между родителями и детьми происходят чаще в том случае, когда родители имеют большее потенциальное наследство. Суссман и коллеги [Sussman, Cates, Smith 1970] объясняют эту ситуацию на основе принципа реципрокности. Они считают, что дети часто проявляют заботу о своих родителях в ожидании, что в перспективе они завладеют большей частью родительской собственности. В связи с этим родители могут использовать своё имущество как стратегический потенциал для мотивации детей к поддержке. Тогда увеличение продолжительности жизни в старших возрастах можно рассматривать как период, когда родители растрачивают потенциальное наследство своих детей. В традиционных обществах считалось, что перспектива получения наследства или, если более точно, угроза его неполучения действует как стимулирующий механизм, посредством которого глава семьи использует труд своих сыновей в хозяйстве. Зачастую основной предполагаемый наследник оказывался в довольно трудном положении. Как отмечает Р. Зидер [Зидер 1997], родители требовали от будущего наследника участия во всех хозяйственных вопросах, а также поддержку в старости. С этой точки зрения увеличение продолжительности жизни главы семьи может снизить ценность наследства как одной из форм межпоколенных трансфертов [Rozenzweig 1994]. С другой стороны, чем

дольше живут родители, тем выше размер потенциального наследства, которое они могут накопить, тем дольше они смогут помогать своим детям при жизни. Кроме того, при низкой рождаемости наследство распределяется между одним-двумя наследниками-детьми, а не тремя и более, как было раньше.

В условиях роста ожидаемой продолжительности жизни изменяется структура жизненного цикла человека: увеличивается число лет, прожитых в средних и старших возрастах. Изменяются границы между тремя основными этапами жизненного цикла: образование, работа, период незанятости. Если рассматривать удельный вес каждого этапа в условиях роста продолжительности жизни, то можно отметить следующие тенденции: длительность периода жизни, связанного с обучением, возрастает; период трудовой активности сокращается; период жизни, проведённый на пенсии, удлиняется.

Смена выделенных этапов жизни характеризуется высокой степенью гибкости. Например, на этапе трудовой активности современному человеку часто приходится периодически учиться, подстраиваясь под новые изменения, и развивать свои навыки. Например, в Европе (ЕС-27) неуклонно растёт доля взрослого населения в возрасте от 25 до 64 лет, которые указали, что продолжают получать образование – проходят обучение или профессиональную подготовку. С 2000 до 2014 г. данный показатель возрос с 7 до 11%. Данный феномен в современных исследованиях обозначается как непрерывное образование или образование на протяжении всей жизни (*lifelong learning*). По достижении пенсионного возраста человек также может продолжить учиться или работать. В России значительная доля как мужчин (27%), так и женщин (30%) в 2013 г. продолжали оставаться занятыми на рынке труда после достижения пенсионного возраста, причём данный показатель растёт [Экономическая активность населения... 2014]. Изменение в соотношении соответствующих периодов жизни связано с трансформацией паттернов, касающихся образования, работы, семьи и здоровья: увеличение продолжительности обучения, откладывание родительства, снижение рождаемости, более позднее вступление в трудовую деятельность с полным рабочим днём, меньшая продолжительность занятости, постепенный (плавный) выход на пенсию [Вишневский 2005]. Таким образом, жизненный цикл становится более гибким и допускает многовариантность, что связано с появлением дополнительных рисков. Ввиду этого родственная поддержка приобретает особую актуальность.

Вместе с изменением границ между этапами жизненного цикла происходит трансформация представлений о порогах наступления того или иного этапа в жизни. Знание людьми своего календарного возраста является достижением индустриальной эпохи, когда произошло законодательное закрепление возрастных норм. Однако представление о социальном возрасте, который связан с определённой стадией жизненного цикла, существовало всегда. Например, старость всегда ассоциировалась с ослаблением физических сил, нетрудоспособностью и потребностью в опеке. Порог старости не остаётся постоянным во времени и одинаковым для разных стран. В процессе демографических изменений восприятие стадий жизненного цикла изменилось. В начале 1970-х годов американские геронтологи Б. Нейгартен и Э. Шанас впервые разделили пожилых на две группы: молодых стариков (*the Young Old*) и старых стариков (*the Old Old*) [Neugarten 1974]. В 1990-е годы английский демограф Питер Ласлетт предложил разделить жизненный цикл

современного человека на 4 стадии: детство, взрослость, «третий возраст» и «четвертый возраст» [Laslett 1990; 1996]. Современные «Молодые старики» (люди третьего возраста - до 75 лет) характеризуются хорошим для своего возраста здоровьем, относительно высоким уровнем образования и благосостояния (за счёт накопленных средств и получаемых пенсий), энергичностью и активностью. Традиционному образу стариков соответствуют люди «четвёртого возраста», которые испытывают необходимость в поддержке. В России, по мнению экспертов [Денисенко 2005], слой людей «третьего возраста» до конца еще не сформировался. Однако в целом и в России возраст 75 лет является неким рубежом. Так, до 75 лет большинство пожилых считают себя относительно здоровыми, и только после 75 доля тех, кто не удовлетворён своим здоровьем, начинает превышать долю тех, кто им в той или иной степени удовлетворён (таблица 2). При переходе к возрастной группе «75 лет и старше» доля тех, кто прибегает к помощи других лиц для самообслуживания, резко возрастает (на 21,3 %) и составляет почти 50%. Также среди лиц в возрасте 75 лет и старше уровень образования существенно ниже, чем среди других выделяемых возрастных групп: подавляющее большинство из них имеют только общее образование (65%). Таким образом, при оценивании последствий роста ожидаемой продолжительности жизни с точки зрения изменения нагрузки пожилыми людьми необходимо учитывать возможное смещение возрастных границ наступления старости: люди стали жить дольше, но и старость в понимании немощности теперь может наступать позже. Если члены семьи стали жить дольше, это не обязательно значит, что теперь старшее поколение дольше обременяет младшее, так как порог старости отодвигается.

Таблица 2. Субъективная оценка состояния здоровья и уровень образования по возрастным группам, %

	Возраст, лет				
	55-59	60-64	65-69	70-74	75 и старше
<i>Состояние здоровья:</i>					
очень хорошее	0,6	0,4	0,3	0,2	0
хорошее	14,7	9,6	4,6	3,3	1,9
удовлетворительное	71,5	73,1	72,1	61,3	46,2
плохое	12,1	15,9	21,9	32,0	45,5
очень плохое	1,1	1,1	1,2	3,1	6,4
<i>Доля тех, кто прибегает к помощи других для самообслуживания</i>	17,6	18,9	19,8	26,3	47,6
<i>Уровень образования:</i>					
высшее	22,1	22,7	21,0	17,1	11,6
среднее специальное	45,3	42,2	33,4	28,5	19,4
общее	32,4	34,8	45,1	53,5	65,2
не имеющие начального образования	0,2	0,3	0,5	0,9	3,7

Источник: [Всероссийская перепись населения 2010, ВНДН 2012].

На фоне изменения границ между этапами жизненного цикла люди все чаще откладывают родительство на более поздние возраста. Так, в России с 2000 по 2012 г. средний возраст матери при рождении первого ребёнка возрос с 23,5 до 25 лет [Приложение Демоскоп Weekly 2016]. В связи с этим растёт возрастной разрыв между поколениями. Это ведёт к тому, что, когда родители постареют и будут нуждаться в помощи, их дети будут ещё незрелыми. С одной стороны, молодые дети более здоровы и имеют больше сил для оказания поддержки родителям, а с другой - в этом возрасте у детей может быть много забот

о собственных детях, что будет снижать их потенциальные возможности для поддержки родителей.

В связи с тем, что люди стали жить дольше, всё большее число семей может сохранять свою структуру на протяжении более длительного времени, чем это было раньше. В прошлом трехпоколенные семьи встречались, но существовали недолго из-за низкой продолжительности жизни стариков. В результате значительного роста продолжительности жизни в развитых странах увеличилось время сосуществования представителей трех и даже четырех поколений. Рост ожидаемой продолжительности жизни означает, что человек может дольше сохранять статус ребёнка, родителя, супруга [Watkins, Menken, Bongaarts 1987]. Как показывают исследования [Никитенко 1979], в России XIX века мать в среднем с момента появления ребёнка проживала ещё 34 года (т.е. 34 года совместного проживания в одном историческом пространстве), в 70-х годах XX века этот показатель составил 48 лет. За это время средняя продолжительность жизни женщины в статусе бабушки возросла с 12 до 24 лет.

В связи с описанной тенденцией в семье происходит трансформация структуры иждивенцев. Так, «во все века люди знали, что на их иждивении находятся дети. Стариков было мало и нагрузка ими была незначительна (в России в 1897 году на одного человека в возрасте 70 лет и старше приходилось 15 детей до 15 лет). Теперь всё изменилось в противоположную сторону... В прошлом средний возраст детей к моменту смерти одного из родителей составлял 14 лет. Сейчас средний возраст сына к моменту смерти отца приближается к 55-60 годам» [Вишневский 2005]. Вот как А.В. Чаянов описывает жизненный цикл крестьянской семьи: «в первые годы по мере роста семьи она отягощается всё больше и больше неработоспособными домочадцами. Наблюдается быстрое увеличение отношения числа едоков к числу работников. На 15-й год в помощь к родителям поступает их первый ребёнок. По мере взросления детей величина отношения числа едоков к числу работников будет стремительно падать, приближаясь к единице. Соотношение числа едоков к числу работников достигает 1 примерно на 37 году существования семьи» [Чаянов 1989: 215]. В настоящее время положение значительно изменилось. И хотя ситуация в России пока далека от картины Америки 2030 г., которую нам рисуют Л. Котликофф и С. Бернс: «Перед Вами страна, где в колясках выгуливают больше стариков, чем младенцев. Перед Вами страна, в которой количество пенсионеров выросло вдвое, а количество работающих, которые их содержат, - только на 15%. Перед Вами страна с большим числом обедневших стариков, прозябающих в переполненных, страдающих от недостатка обслуживающего персонала домах престарелых» [Котликофф, Бернс 2005: 18], - но тенденцию к увеличению нагрузки пожилыми нельзя отрицать. Согласно данным ООН в 2010 г. демографическая нагрузка пожилыми в России составила 17 промилле, к 2030 г. прогнозируемое значение этого показателя составит 27 промилле. Одновременно с этим нагрузка детьми имеет тенденцию к снижению. Так, в 1990 г. показатель демографической нагрузки детьми в России составлял 34 промилле, в 2010 г. - 21 промилле. При этом необходимо отметить, что дети и старики представляют собой качественно разные категории иждивенцев. Можно было бы предположить, что в процессе трансформации структуры иждивенцев рост доли пожилых иждивенцев компенсируется снижением доли молодых. Однако А. Сови приходит к выводу, что данное предположение не

подтверждается на практике по трём основным причинам: потребности детей меньше потребностей стариков (прожиточный минимум по возрастам); за счёт увеличения продолжительности обучения происходит рост нагрузки детьми (средний возраст выхода на рынок труда); передача средств старикам является естественной, но менее мотивированной семейными узами по сравнению с затратами на детей [Сови 1977].

В связи с «вертикальным» расширением семья все чаще сталкивается с необходимостью заботы о пожилых родственниках. Возрастает число пожилых людей, нуждающихся в поддержке, следовательно растёт и доля потенциальных реципиентов восходящей линии трансфертов. Помимо потребности в материальном обеспечении, которая чаще всего обеспечивается за счет государственных пенсий, пожилые люди нуждаются в эмоциональной поддержке, а с возрастом - в функциональной помощи. Эта потребность в основном реализуется в семье. Как показывают исследования [Лежнина 2010], в России слабо распространены объединения пожилых людей, способствующие социализации и противодействующие социальному исключению. Таким образом, на фоне роста демографической нагрузки пожилыми (макроуровень) происходит одновременно увеличение «спроса» на функциональную, инструментальную и эмоциональную поддержку, которая обеспечивается в рамках семьи (микроуровень). Особую значимость инструментальная поддержка со стороны молодого поколения приобретает в условиях быстрого развития информационных и компьютерных технологий. Пожилым людям зачастую трудно разобраться в новых требованиях, которые выдвигает век информационных технологий. Так, например, чтобы разобраться с оплатой за коммунальные услуги, пожилые люди вынуждены обращаться за помощью к своим детям или внукам [Beard et al. 2012].

Ситуация растущего «спроса» на функциональную, инструментальную и эмоциональную поддержку усугубляется растущей долей бездетных женщин, которым нельзя будет рассчитывать на помощь младшего поколения. В России доля окончательно бездетных женщин долгое время оставалась очень низкой по сравнению с западными странами – на уровне 5-7%. Однако в настоящее время наметилась тенденция к росту данного показателя: для тех поколений женщин, которые на данный момент завершают свою репродуктивную биографию, доля окончательно бездетных приближается к 10% [Тындик 2015]. При этом всё чаще бездетность обусловлена не проблемами со здоровьем, а личным выбором женщины, что во многом связано с углублением процесса эмансипации женщин. В развитых странах женщины всё чаще делают выбор в пользу карьеры, ограничивая число рождений, а иногда и вовсе отказываясь от семьи. Что касается России, то тенденция к распространению добровольной бездетности среди женщин вполне может стать реальностью в ближайшем будущем. «Еще совсем недавно специалисты отмечали, что одно из главных отличий России от стран Запада заключается в высокой и практически неизменной вероятности рождения хотя бы одного ребенка — откладывание рождения первенца и, тем более, добровольная бездетность в России не были распространены. Сегодня мы уже можем утверждать, что, по крайней мере, первая характеристическая особенность традиционной модели рождаемости для России уже не актуальна — приобщение к опыту откладывания первого ребенка среди молодых поколений происходит весьма интенсивно... Обернется ли откладывание рождений для более или менее

значительной части населения добровольным отказом от материнства навсегда, пока не известно. В то же время по опыту других стран нельзя не иметь в виду возможность некоторого увеличения пропорции ни разу не рожавших женщин» [Захаров 2005]. Согласно имеющимся оценкам [Фрейка, Захаров 2014] в России процесс откладывания деторождения начался с когорт 1960-х годов рождения. При этом уровень компенсации отложенных рождений для поколений, завершающих репродуктивную биографию, является низким, особенно это касается компенсации первых рождений. Так, например, для когорты 1975 года рождения уровень компенсации отложенных рождений составит около 40% для первых рождений, 50% для вторых рождений, 60% для третьих и последующих рождений.

Во всех странах как развитых, так и развивающихся, пожилые люди сталкиваются с рядом трудностей: нехватка финансовых ресурсов, плохое здоровье, потребность в функциональной поддержке. Однако при этом нельзя однозначно сказать, что пожилые люди всегда находятся в более сложном положении, чем представители других возрастных групп. Например, в Америке уровень бедности среди пожилых людей в 1960 г. составлял 35%, а менее чем через 40 лет этот показатель составил всего 10%, что меньше, чем среди не пожилых. В Колумбии, Коста-Рике и Индии уровень бедности среди пожилых людей не выше, а иногда и ниже, чем для всей страны в целом [Beard et al. 2012]. В России доля малоимущих среди мужчин в возрасте от 31 до 59 лет в 2013 г. составила 19,2% (среди женщин в возрасте от 31 до 54 лет – 19,9%), в то время как среди пенсионеров данный показатель значительно ниже: среди мужчин пенсионного возраста – 2,7%, среди женщин-пенсионерок – 7,4%. Самая высокая доля малоимущих в 2013 г. зафиксирована среди молодёжи от 16 до 30 лет – 22,5% [Распределение малоимущего населения... 2012]. Почему пожилые люди зачастую в большей степени защищены с точки зрения материальной обеспеченности, чем представители других возрастов? Во многом это связано с тем, что пожилые люди меньше, чем молодые, зависят от неустойчивости на рынке труда. Обеспечение пожилых людей, как правило, складывается из личных сбережений, государственных пособий в виде пенсии, а также в некоторой степени из семейных трансфертов.

Другой важной демографической детерминантой состава родственной группы является брачная структура населения. Как видно из таблицы 3, за последние 100 с лишним лет произошла существенная трансформация структуры населения по брачному состоянию. Вступление в брак откладывается на всё более поздние возраста: в 2010 г. в возрастной группе 20-29 лет 42% женщин и почти 60% мужчин ещё не состояли в браке, в то время как в 1897 г. в данной возрастной группе доля не вступавших в брак женщин составляла лишь 21%, а мужчин – 44%. В то же время снижение прочности брачных союзов нашло отражение в тенденции к росту разводимости: в каждой из выделенных половозрастных групп доля разведённых в 2010 г. на порядок превышает долю разведённых в соответствующей возрастной группе 1897 г. Как показывают исследования [Захаров 2013], риск прекращения брака в России повышается. Так, по данным переписи 1989 г. на 1000 женщин приходилось 84 разведённых (разошедшихся) женщины (для мужчин соответственно 57 на 1000), в то время как в 2010 г. на 1000 женщин пришлось уже 121 разведённых (разошедшихся), для мужчин – 78 на 1000. Разводы, повторные браки, незарегистрированные союзы усложняют семейную структуру и снижают прочность

семейных связей [Kaneko 2007; Gaymu et al. 2008; Keilman, Christiansen 2010], что предопределяет специфику межпоколенных обменов. Развод родителей негативно сказывается на отношениях со взрослыми детьми, что ведёт к снижению масштабов межпоколенных обменов [Pezzin, Schone 1999: 287-297]. Например, взрослые дети реже помогают своему отцу, если он находится в разводе с их матерью [Hogan et al. 1993: 1428-1458]. Для мужчин риск ухудшения отношения с детьми после развода выше, чем для женщин [Furstenberg et al. 1995], поэтому в старости разведённые отцы подвержены высокому риску остаться без поддержки со стороны детей. Негативные изменения в отношениях, проявляющиеся в снижении частоты контактов и сокращении трансфертных потоков, характерны и для отношений между взрослыми детьми и матерями, повторно вступившими в брак. Кроме того, повторные браки родителей расширяют потенциальную сеть частных трансфертов: мачехи и отчимы могут играть важную роль в жизни неродных детей, которые, повзрослев, будут сохранять с ними связи.

Таблица 3. Распределение населения по полу, возрасту и состоянию в браке, 1897, 2010

Возраст, лет	Холост/не замужем				В браке				Вдовец/вдова				Разведён/разведена			
	муж		жен		муж		жен		муж		жен		муж		жен	
	1897	2010	1897	2010	1897	2010	1897	2010	1897	2010	1897	2010	1897	2010	1897	2010
(15) ¹																
16-19	95,5	98,2	84,1	92,2	4,5	1,74	15,8	7,5	0,02	0,02	0,10	0,04	0,01	0,08	0,03	0,32
20-29	44,4	59,2	20,9	41,8	54,9	37,6	77,5	51,5	0,60	0,07	1,36	0,45	0,06	3,18	0,14	6,27
30-39	9,5	17,2	6,5	12,2	88,6	71,6	87,9	70,1	1,70	0,41	5,36	2,20	0,11	10,72	0,18	15,53
40-49	4,3	7,1	4,6	5,8	91,4	78,9	80,7	68,9	4,10	1,37	14,42	6,71	0,13	12,64	0,17	18,61
50-59	3,0	4,0	4,3	4,1	87,1	82,1	66,0	62,9	9,80	3,52	29,40	16,45	0,13	10,40	0,15	16,58
60 и более	2,6	1,7	4,8	3,5	68,0	76,2	36,2	33,7	29,00	16,80	58,50	53,77	0,13	5,29	0,14	9,03

Источник: [Перепись Российской Империи... 1905; Всероссийская перепись населения 2010].

Одно из последствий развода связано с появлением неполной семьи. В 2010 г. в России доля неполных семей, т.е. домохозяйств, состоящих из матери (отца) с детьми, составила 15,6%. Данный тип является вторым по распространённости среди частных домохозяйств, состоящих из двух и более человек. Одна из важнейших проблем неполных семей заключается в том, что положение детей в таких семьях нестабильно, так как снижается уровень их экономической защищённости. Чаще всего одинокий родитель (как правило, мать) не может обеспечить такой уровень благосостояния, который достигается в полной семье. Проживание в неполной семье повышает риск бедности. Неполные семьи выступают активными акцепторами частных трансфертов. Как показывают исследования, более половины таких семей получают материальную поддержку от родственников, 20% из них получают её на регулярной основе [Овчарова, Прокофьева 2000: 23].

Члены родственной группы могут проживать вместе или раздельно. Если родственники отделяются друг от друга, образуя разные домохозяйства, то структура домохозяйства упрощается, происходит нуклеаризация. Если родственники наоборот объединяются в одно домохозяйство, то происходит усложнение его структуры. Преобладание простых нуклеарных семей – одна из главных характеристик семейной структуры российского населения. Нуклеарная семья, состоящая из родителей (одного родителя) и детей либо только из супругов, как правило, противопоставляется

¹ В переписи 1897 г. данные о состоянии в браке приводятся с 15 лет, а в переписи 2010 г. – с 16 лет.

патриархальной семье традиционного типа, которая включает представителей нескольких взрослых поколений. Переход к нукlearной семье, обусловленный процессами индустриализации и урбанизации, начался в России ещё в XX веке (начиная с конца 1920-х годов размер семьи начал быстро сокращаться), однако и в настоящее время нельзя говорить о его завершённости [Вишнеvский 2008]. Одной из причин упрощения структуры домохозяйств может выступать повышение пространственной мобильности населения. Если по данным переписи 1926 г. 96% постоянного населения являлось уроженцами тех регионов, где они проживали на момент переписи, то в 2002 г. – 71%. Вследствие миграции детей, которые в основном уезжают для того, чтобы получить образование и устраиваться на работу, родители в старости зачастую остаются одинокими и нуждаются в поддержке. В то же время внутрисемейные трансферты сами могут выступать причиной миграции. Например, когда пожилые люди, нуждающиеся в постоянной опеке, мигрируют в населённые пункты, где живут их дети, можно говорить о восходящих межпоколенных трансфертах.

В процессе нукlearизации происходит территориальное разделение членов родственной группы (например, взрослые дети живут отдельно от пожилых родителей). Парсонс структурную изоляцию членов семьи, их проживание в отдельных домохозяйствах позиционирует как важнейшую причину отмирания традиционных механизмов родственной межпоколенной поддержки [Parsons 1955: 10–26]. Среди основных характеристик нукlearной семьи Парсонс [Parsons 1955] отмечает её изолированность. Изолированность проявляется в том, что члены нукlearной семьи живут обособленно от других родственников, а также ведут независимое экономическое существование. Некоторые исследователи [Ружже, Кадибур, Елисеева 1976] считают, что при такой семейной организации первичными становятся отношения между супругами (представителями одного поколения), а отношения между представителями разных поколений уходят на второй план. В свою очередь нукlearная семья сокращается в условиях снижения рождаемости, что делает связи внутри неё всё более тесными.

Однако фактически вместо обособленных чисто нукlearных семей появляется модифицированная расширенная семья, члены которой тесно связаны между собой взаимными обменами помощью [Litwak 1960]. Таким образом, процесс нукlearизации сопровождается обратным явлением: формированием родственных групп, внутри которых поддерживаются тесные связи [Волков 1996]. С социологической точки зрения семья остается таковой и после территориального разделения, если продолжается единая общесемейная деятельность ее членов, которая является одним из основных признаков семьи. Если в семье из трех поколений сохраняются все отношения взаимопомощи, несмотря на то, что представители среднего и младшего поколения проживают отдельно от представителей старшего поколения, то само их разделение можно назвать полной нукlearизацией семей только в демографическом, но не в социологическом смысле, поскольку территориальная нукlearизация не сопровождается функциональной. Понятие «модифицированная расширенная семья» близко к понятию «семейная группа», под которой понимается группа домохозяйств, члены которых находятся в родстве или свойстве и имеют общие материальные интересы, объединены морально-

психологическими и эмоциональными отношениями, заинтересованы во взаимной помощи и общении.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате происходящих демографических изменений (увеличение продолжительности жизни, снижение рождаемости, рост разводимости и повторных браков и др.) происходит существенная трансформация внутрисемейных межпоколенных взаимодействий. В данном случае мы согласны с Бенгтсоном [Bengtson 2001], который утверждает, что в связи с происходящими с середины XX века демографическими изменениями:

- межпоколенные связи (в которые теперь вовлечены 3 и более поколений) играют всё более важную роль для отдельных лиц и семей в целом;
- межпоколенные взаимодействия между членами семейной группы становятся для индивидов важнее, чем связи в нуклеарной семье;
- межпоколенные взаимоотношения становятся всё более сложными по структуре и выполняемым функциям [Bengtson 2001].

Изменение демографического контекста межпоколенных отношений (изменение возрастной семейной структуры, увеличение числа одновременно живущих поколений и длительности периода совместного проживания поколений в историческом пространстве) увеличивает возможности и потребности для взаимодействий, поддержки и взаимного влияния представителей более чем двух поколений. Наблюдается усиление межпоколенной солидарности и увеличение многообразия типов межпоколенной поддержки. Хотя наряду с этим усиливается и проблема межпоколенных конфликтов, что, однако, не снижает прочности семейных связей.

Удлиняется период совместного проживания разных поколений в одном историческом времени. Это означает рост потенциала поддержки для молодого поколения за счёт того, что в случае необходимости они могут обратиться, например, к своим прародителям. В то же время это может означать, что со стороны старшего поколения увеличится спрос на поддержку.

Повышение нестабильности нуклеарной семьи (распространение разводов, повторных браков) на протяжении последних десятилетий ведёт к тому, что нуклеарная семья не может быть надёжным оплотом в обеспечении социализации и поддержки для членов семьи. Некоторые исследователи считают, что снижение роли нуклеарной семьи в современном обществе является наиболее серьёзным, чем когда бы то ни было [Рорепое 1993]. Современная нуклеарная семья сильно отличается своей нестабильностью от традиционной нуклеарной семьи, где главой семьи являлся мужчина, что во многом связано с процессом женской эмансипации. В связи с этим именно поддержка за счёт родственников, принадлежащих к разным поколениям, будет выступать в качестве основной опоры для индивида в XIX веке.

ОГРАНИЧЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Отсутствие эмпирических данных о частных межпоколенных трансфертах за длительный период не позволяет проиллюстрировать обсуждаемые в статье тенденции с точки зрения эмпирического анализа.

ЛИТЕРАТУРА

- Барсукова С.Ю. (2004). Нерыночные обмены между российскими домохозяйствами: теория и практика реципрокности // Препринт WP4/2004/02. Серия WP4. Социология рынков. М.: ГУ-ВШЭ.
- Вишневский А.Г. (2005). Похвала старению // Отечественные записки. 3(24). URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/3/pohvala-stareniyu> (дата обращения: 12.04.2016).
- Вишневский А.Г. (2008). Эволюция российской семьи // Экология и жизнь. 8: 8-13.
- ВНДН (2012). Выборочное наблюдение доходов населения и участия в социальных программах – 2012. М.: Росстат. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/USP/survey0/data/description.pdf (дата обращения: 12.04.2016).
- Волков А. (1996). Семейная структура населения России: факторы и тенденции // Российский демографический журнал. 1.
- Всероссийская перепись населения 2010 (2010). М.: Росстат. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 12.04.2016).
- Денисенко М.Б. (2005). Тихая революция // Отечественные записки. №3 (23). URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/3/tihaya-revolyuciya> (дата обращения: 12.04.2016).
- Захаров С.В. (2005). Перспективы рождаемости в России: второй демографический переход // Отечественные записки. №3(24). URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/3/perspektivy-rozhdaemosti-v-rossii-vtoroy-demograficheskiy-perehod> (дата обращения: 12.04.2016).
- Захаров С.В. (2013). Куда движется супружество в России? // Демоскоп Weekly. №545-546. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0545/tema06.php> (дата обращения: 01.09.2015).
- Зидер Р. (1997). Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец 18-20 вв.). М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС.
- Котликофф Л., С. Бёрнс (2005). Пенсионная система перед бурей: то, что нужно знать каждому о финансовом будущем своей страны. Пер. с англ. М.: Альпина Бизнес Букс. 348 с.
- Лежнина Ю. П. (2010). Социально-демографические факторы, определяющие риск бедности и малообеспеченности // Социологические исследования. 3: 36-45.
- Никитенко В.В. (1979). Демографический анализ поколений. М.
- Овчарова Л., Л. Прокофьева (2000). Бедность и межсемейная солидарность в России в переходный период // Мониторинг общественного мнения. 4(48).

- Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 года (1905). Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. Т.1, 2. СПб.: ЦСК.
- Приложение Демоскоп Weekly (2016). Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, 1960-2013 (лет). URL: <http://demoscope.ru/weekly/app/app40e0.php>; Средний возраст матери при рождении первого ребенка, 1950-2012. URL: <http://demoscope.ru/weekly/app/app40acb1.php> (дата обращения: 12.04.2016).
- Распределение малоимущего населения по основным группам по материалам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств (2012). М.: Росстат. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_53.htm (дата обращения: 01.09.2015).
- РМЭЗ (2013). Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения – НИУ ВШЭ. URL: <https://www.hse.ru/en/rfms/> (дата обращения: 12.04.2016).
- Ружже В.Л., Т.С. Кадибур, И.И. Елисеева (1976). Структура и функции семейных групп. М.
- Сови А. (1977). Общая теория населения. Т.2. Жизнь населений. Пер. с фран.. М.: Прогресс.
- Тындик А.О. (2015). Москва на фоне России: результаты новейших исследований репродуктивного поведения населения // XV апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4-х книгах / Отв. ред. Е.Г. Ясин. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ.
- Фрейка Т., С. Захаров (2014). Эволюция рождаемости в России за полвека: оптика условных и реальных поколений // Демографическое обозрение. 1(1): 106-143. URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/135361911> (дата обращения: 12.04.2016).
- Чаянов А.В. (1989). Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М.: Экономика. 492 с.
- Экономическая активность населения России – 2014 г. (2014). М.: Росстат. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_61/Main.htm (дата обращения: 12.04.2016).
- Alter G.C. (2013). Generation to generation life course, family, and community // Social science history. 37(1): 1–26.
- Beard J., S. Biggs, D.E. Bloom, L.P. Fried, P.R. Hogan, A. Kalache, S.J. Olshansky (2012). Global population ageing: peril or promise? // Program on the global demography of aging. 8912.
- Bengtson V.L. (2001) Beyond the nuclear family: the increasing importance of multigenerational bonds // Journal of marriage and family. 63(1): 1–16.
- Bernheim B.D., A. Shleifer, L.H. Summers (1985). The strategic bequest motive // Journal of political economy. 93(6): 1045-1076.
- Furstenberg F.F., S.D. Hoffman, L. Shrestha (1995). The effect of divorce on intergenerational transfers: new evidence // Demography. 32(3): 319-333.
- Gaymu J., P. Festy, M. Poulain, G. Beets (2008). Future elderly living conditions in Europe // Les cahiers de l'INED. Paris: INED. 162 p.
- Hogan D.P., D.J. Eggebeen, C.C. Clogg (1993). The structure of intergenerational exchanges in American families // American journal of sociology. 98(6): 1428-1458.

- Kaneko R. (2007). Population prospects of the lowest fertility with the longest life: the new official population projections for Japan and their life course approaches // Work session on demographic projections, Bucharest, Luxembourg: EUROSTAT Methodology and working papers, Office for official publications of the European communities.
- Keilman N., S. Christiansen (2010). Norwegian elderly less likely to live alone in the future // European journal of population. 26(1).
- Kotlikoff L.J., A. Spivak (1981). The family as an incomplete annuities market // Journal of political economy. 89: 372-391.
- Laslett P. (1990). A fresh map of life: the emergence of the third age. London. 213 p.
- Laslett P. (1996). What is old age? Variation over the time and between cultures / G.Caselli, A.Lopez, eds. Health and mortality among elderly populations. Oxford: 21-38
- Litwak E. (1960). Occupational mobility and extended family cohesion // American sociological review. 25(3): 385-394.
- Neugarten B.L. (1974). Age groups in American society and the rise of the young-old //The annals of the American academy of political and social science. 415(1): 187-198.
- Parsons T. (1955). The American family: its relation to personality and to the social structure / T. Parsons, R. Bales. Family, socialization and interaction process. Glencoe: Free press: 10-26.
- Pezzin L.E., B.S. Schone (1999). Parental marital disruption and intergenerational transfers: an analysis of lone elderly parents and their children // Demography. 36(3): 287-297.
- Popenoe D. (1993). American family decline, 1960-1990: a review and appraisal // Journal of marriage and the family. 55: 527-555.
- Rozenzweig M. R. (1994). Transfers from parents to their adult children in the developed and the developing countries // Ageing and the family. New York: 195.
- Sussman M., J. Cates, J. Smith (1970). The family and inheritance. Russell sage foundation.
- Watkins S.C., J.A. Menken, J. Bongaarts (1987). Demographic foundations of family change // American sociological review. 52(3): 346-358.

INFLUENCE OF DEMOGRAPHIC TRANSFORMATION IN THE SYSTEM OF PRIVATE INTERGENERATIONAL TRANSFERS

ANNA MIRONOVA

This article discusses the implications of demographic changes for the system of private intergenerational transfers. It considers the basic demographic factors of private intergenerational transfers, including changes of the population age structure, the abundance of divorces and remarriages, the high level of migration activity and the process of nuclearization, and analyzes their influence on the system of private intergenerational transfers.

Key words: family, intergenerational transfers, interfamily transfers, demographic changes, households.

ANNA MIRONOVA (amironova@hse.ru), NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, RUSSIA.

THE ARTICLE CHAPTER WAS PREPARED WITHIN THE FRAMEWORK OF THE BASIC RESEARCH PROGRAM AT THE NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS (HSE) AND SUPPORTED WITHIN THE FRAMEWORK OF A SUBSIDY GRANTED TO THE HSE BY THE GOVERNMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION FOR THE IMPLEMENTATION OF THE GLOBAL COMPETITIVENESS PROGRAM.

DATE RECEIVED: JUNE 2016.

REFERENCES

- Alter G.C. (2013). Generation to generation life course, family, and community // *Social science history*. 37(1): 1–26.
- Barsukova S. (2004). Nerynochnye obmeny mezhdru rossiiskimi domokhoziaistvami teoriia i praktika retsiproknosti [Non-market exchanges between Russian households: the theory and practice of reciprocity] // Preprint WP4/2004/02. Serii WP4. *Sotciologiiia rynkov Moscow: GU-VSHE* [Working Paper WP4/2004/02. WP4 Series. *Sociology of Markets*. Moscow: HSE].
- Beard J., S. Biggs, D.E. Bloom, L.P. Fried, P.R. Hogan, A. Kalache, S.J. Olshansky (2012). Global population ageing: peril or promise? // *Program on the global demography of aging*. 8912.
- Bengtson V.L. (2001). Beyond the nuclear family: The increasing importance of multigenerational bonds // *Journal of marriage and family*. 63(1): 1–16.
- Bernheim B.D., A. Shleifer, L.H. Summers (1985). The strategic bequest motive // *Journal of political economy*. 93(6): 1045-1076.
- Chaianov A.V. (1989). *Krestianskoe khoziaistvo* [Peasant economy]. *Izbrannyye trudyi* [Selected works]. Moscow: *Ekonomika*. 492 p.
- Demoscope Weekly Supplement (2016). *Ozhidaemaya prodolzhitel'nost zhizni pri rozhdenii, 1960-2013 (let)* [Life expectancy at birth, 1960-2013 (years)]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/app/app40e0.php>; *Srednii vozrast materi pri rozhdenii pervogo rebenka, 1950-2012* [Average age at first birth, 1950-2012]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/app/app40acb1.php> (accessed: 12.04.2016).
- Denisenko M.B. (2005). *Tikhaia revoliuciia* [Quiet Revolution] // *Otechestvennye zapiski* [Homeland Notes]. 3 (23). URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/3/tihaya-revolyuciya> (accessed: 12.04.2016).

- Ekonomicheskaja aktivnost naseleniia Rossii - 2014 [Economic activity of Russian population – 2014]. Moscow: Rosstat. URL: gks.ru (accessed: 12.04.2016).
- Frejka T., S. Zakharov (2014). Evoliucija rozhdajemosti v Rossii za polveka: optika uslovnykh i realnykh pokolenii [The evolution of fertility in Russia for half a century: conventional optics and real generations] // Demograficheskoe obozrenie [Demographic review]. 1(1): 106-143. URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/135361911> (accessed: 12.04.2016).
- Furstenberg F.F., S.D. Hoffman, L. Shrestha (1995). The effect of divorce on intergenerational transfers: new evidence // Demography. 32(3): 319-333.
- Gaymu J., P. Festy, M. Poulain, G. Beets (2008). Future elderly living conditions in Europe // Les cahiers de l'INED. 162. Paris: INED. 162 p.
- Hogan D.P., D.J. Eggebeen, C.C. Clogg (1993). The structure of intergenerational exchanges in American families // American journal of sociology. 98(6): 1428-1458.
- Kaneko R. (2007). Population prospects of the lowest fertility with the longest life: the new official population projections for Japan and their life course approaches // Work session on demographic projections, Bucharest, Luxembourg: EUROSTAT Methodology and working papers, Office for official publications of the European communities.
- Keilman N., S. Christiansen (2010). Norwegian elderly less likely to live alone in the future // European journal of population. 26(1).
- Kotlikoff L., C. Burns (2005). Pensionnaja sistema pered burei: to, chto nuzhno znat kazhdomu o finansovom buduschem svoey strany [The pension system before the storm: what everybody has to know about financial future of its country]. Trans. from English. M.: Alpina Business Books. 348 p.
- Kotlikoff L.J., A. Spivak (1981). The family as an incomplete annuities market // Journal of political economy. 89: 372-391.
- Laslett P. (1990). A fresh map of life: the emergence of the third age. London. 213 p.
- Laslett P. (1996). What is old age? Variation over the time and between cultures / G. Caselli, A. Lopez, eds. Health and mortality among elderly populations. Oxford: 21-38
- Lezhnina J.P. (2010). Sotcialno-demograficheskie faktory opredeljaushchie risk bednosti i maloobespechennosti [Socio-demographic factors that determine the risk of poverty and poverty] // Sotciologicheskie issledovaniia [Sociological studies]. 3: 36-45.
- Litwak E. (1960). Occupational mobility and extended family cohesion // American sociological review. 25(3): 385-394.
- Neugarten B.L. (1974). Age groups in American society and the rise of the young-old // The annals of the American academy of political and social science. 415(1): 187-198.
- Nikitenko V.V. (1979). Demograficheskii analiz pokolenii [Demographic analysis of generations]. Moscow.
- Ovcharova L., L. Prokofieva (2000). Bednost i mezhsemeinaia solidarnost v Rossii v perekhodnyi period [Poverty and inter-family solidarity in Russia during the transition period] // Monitoring obshchestvennogo mneniia [Monitoring of public opinion]: 4(48).
- Parsons T. (1955). The American family: its relation to personality and to the social structure / T. Parsons, R. Bales. Family, socialization and interaction process. Glencoe: Free Press: 10–26.
- Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi Imperii 1897 goda [The First General Census of Russian Empire of 1897] (1905). Obshchii svod po imperii rezultatov razrabotki

- dannykh pervoi vseobshchei perepisi naseleniia proizvedennoi 28 ianvaria 1897 goda [General results of the elaboration of data of the Russian Empire first census carried out on January 28, 1897]. Vol.1, 2. Saint Petersburg: Central Statistical Committee.
- Pezzin L.E., B.S. Schone (1999). Parental marital disruption and intergenerational transfers: an analysis of lone elderly parents and their children // *Demography*. 36(3): 287-297.
- Popenoe D. (1993). American family decline, 1960-1990: A review and appraisal // *Journal of marriage and the family*. 55: 527-555.
- Raspredelenie maloimushchego naseleniia po osnovnym gruppam po materialam vyborochnogo obsledovaniia biudzhetrov domashnikh khoziaistv (2012). [Distribution of the poor by main groups according to a sample survey of household budgets]. Moscow: Rosstat. URL: www.gks.ru (accessed: 01.09.2015).
- RMEZ [RLMS] (2013). The Russia longitudinal monitoring survey - Higher school of economics. URL: <https://www.hse.ru/en/rlms/> (accessed: 12.04.2016).
- Rozenzweig M.R. (1994). Transfers from parents to their adult children in the developed and the developing countries // *Ageing and the family*. New York: 195.
- Ruzhze V.L., T.S. Kadibur, I.I. Eliseeva (1976). *Struktura i funktsii semeinykh grupp* [The structure and function of family groups]. M.
- Sovi A. (1977). *Obshchaia teoriia naseleniia* [The general theory of population]. Vol. 2. Life of generations. Trans. with France. M.: Progress.
- Sussman M., J. Cates, J. Smith (1970). *The family and inheritance*. Russell sage foundation.
- Tyndik S.A. (2015). Moskva na fone Rossii rezultaty noveishikh issledovaniy reproductivnogo povedeniia naseleniia [Moscow against the background of Russia: results of the latest studies of reproductive behavior of the population] // XV the April International Academic Conference on Economic and Social Development: in 4 books / E. Yasin, ed. Moscow.: Publishing house of the HSE.
- Vishnevsky A.G. (2005). Pokhvala stareniiu [Praise to aging] // *Otechestvennye zapiski* [Homeland notes]. 3(24). URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/3/pohvala-stareniiu> (accessed: 12.04.2016).
- Vishnevsky A.G. (2008). Evoliutsiia rossiiskoi semi [Russian family evolution] // *Ekologiya i zhizn* [Ecology and life]. №8: 8-13.VNDN (2012).
- Vyborochnoe nabliudenie dokhodov naseleniia i uchastiia v sotcialnykh programmakh - 2012 [Selective monitoring income and participation in social programs]. Moscow: Rosstat. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/USP/survey0/data/description.pdf (accessed: 12.04.2016).
- Volkov A. (1996). Semeinaia struktura naseleniia Rossii: faktory i tendentsii [The family structure of the Russian population: factors and trends] // *Rossiiskii demograficheskii zhurnal* [Russian demographic journal]. 1.
- Vserossiiskaia perepisi naseleniia – 2010 (2010) [Russian Population Census - 2010]. Moscow: Rosstat. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (accessed: 12.04.2016).
- Watkins S.C., J.A. Menken, J. Bongaarts (1987). Demographic foundations of family change // *American sociological review*. 52 (3): 346-358.
- Zakharov S.V. (2005). Perspektivy rozhdaemosti v Rossii: vtoroi demograficheskii perekhod [Birth prospects in Russia: the second demographic transition] // *Otechestvennye zapiski*

- [Homeland Notes]. №3 (24). URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/3/perspektivy-rozhdaemosti-v-rossii-vtoroy-demograficheskiy-perehod> (accessed: 12.04.2016).
- Zakharov S.V. (2013). Kuda dvizhetsia supruzhestvo v Rossii? [Where is marriage in Russia?] Demoscope weekly. №545-546. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0545/tema06.php> (accessed: 01.09.2015).
- Zider R. (1997). Sotcialnaia istoriia semi v Zapadnoi i Tsentralnoi Evrope (konets 18-20 vv.) [The social history of the family in Western and Central Europe (end of 18-20 centuries)]. M.: Publishing center for humanities VLADOS.

ОМОЛОЖЕНИЕ МАТЕРИНСТВА В ДАГЕСТАНЕ: ТЕНДЕНЦИЯ ИЛИ АРТЕФАКТ? (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ОБСЛЕДОВАНИЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ)

КОНСТАНТИН КАЗЕНИН, ВЛАДИМИР КОЗЛОВ

Предметом исследования в настоящей статье является динамика среднего возраста матери в Дагестане, которая в последнее десятилетие существенно отличается от общероссийской. Выводы статьи построены как на данных официальной статистики, так и на предварительных результатах нашего полевого исследования, выполненного в сельских поселениях Дагестана. Тенденция к омоложению рождаемости, как без учета порядка рождения, так и при рождениях первого и второго порядка, подтверждается всеми используемыми в статье источниками данных.

В существующих исследованиях среди прочих отмечаются два важных фактора, способных «тормозить» старение материнства, ожидаемое при снижении общего уровня рождаемости. Это, во-первых, большая роль религии (в основном ислама) в изучаемом социуме, и, во-вторых, высокая степень сохранности традиционного уклада семейной жизни. В нашем исследовании предварительные результаты показывают, что для Дагестана имеется больше оснований предполагать действенность первого, а не второго фактора.

Ключевые слова: демографический переход, средний возраст матери при рождении ребенка, Дагестан.

Введение

Предметом исследования в настоящей статье является динамика среднего возраста матери в Дагестане. Эта динамика представляет значительный интерес потому, что существенно отличается от общероссийской. Если в РФ в целом в последнее десятилетие наблюдается устойчивый рост среднего возраста матери как без учета порядка рождения, так и по отдельным порядкам, включая первый и второй, то в Дагестане, напротив, имеет место омоложение материнства. Это проявляется как в сокращении общего показателя среднего возраста матери, так и в уменьшении среднего возраста «старта» деторождения.

Такая ситуация весьма необычна, в частности, потому, что в Дагестане к настоящему времени имеются все признаки завершения «первого демографического перехода». А именно: вслед за сокращением смертности в 1950-1960-е годы в регионе имело место снижение рождаемости, которая к концу 1990-х вышла на уровень простого воспроизводства населения. В большинстве стран, где имел место первый демографический переход, он сопровождался повышением среднего возраста матери. Противоположная динамика, наблюдаемая в Дагестане, требует объяснения.

Константин Игоревич Казенин (kz@ranepa.ru), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия).

Владимир Александрович Козлов, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия.

Статья отражает результаты исследования по НИР РАНХиГС 2016 года "Влияние социальных изменений на рождаемость в регионах Северного Кавказа".

Статья поступила в редакцию в июне 2016 г.

В статье, основная цель которой состоит в постановке проблемы, обсуждаются как данные официальной статистики, так и предварительные данные нашего полевого исследования, осуществляемого в выборке сельских поселений Дагестана. Тенденция к отсутствию старения и в некоторых поселениях даже к омоложению рождаемости подтверждается всеми используемыми в статье источниками данных. Полевое исследование уже на данном этапе дает некоторую основу для обсуждения причин данного явления.

В первом разделе статьи приводятся данные по динамике общего уровня рождаемости в постсоветском Дагестане, показывающие окончание там первого демографического перехода, который в большинстве регионов России завершился к началу 1960-х годов. Во втором разделе суммируются данные официальной статистики по среднему возрасту матери в сельском Дагестане. Отдельное внимание к рождаемости именно на селе обусловлено тем, что наше полевое исследование на данном этапе касается сельской местности. Также кратко обсуждаются возможные проблемы с достоверностью приводимых официальных данных. В третьем разделе приводятся имеющиеся на данный момент результаты нашего полевого исследования, а четвертый раздел формулирует гипотезы, объясняющие нестандартный «тайминг» рождаемости в регионе.

1. ДИНАМИКА РОЖДАЕМОСТИ В ПОСТСОВЕТСКОМ ДАГЕСТАНЕ: СВИДЕТЕЛЬСТВА ЗАВЕРШЕНИЯ ПЕРВОГО ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА

Несмотря на то, что в России в целом около 20 лет назад начался второй демографический переход, для Дагестана сейчас в большей степени характерны явления окончания первого демографического перехода. Данные официальной статистики по рождаемости в Дагестане за 1990-2014 гг.¹ показывают, что в этот период рождаемость в регионе снизилась до уровня, который, как считается, обеспечивает воспроизводство, но не прирост населения: суммарный коэффициент рождаемости (СКР) в Дагестане в 1990 г. составлял 3,1, в 2014 г. - 2,08 (данные Росстата)². Важно отметить, что снижение СКР шло одновременно с интенсивной миграцией из региона русского населения, у которого спад рождаемости, в том числе и в Дагестане, произошел существенно раньше. Возможно, частично это и повлияло на общее сокращение рождаемости в регионе, однако доля русских (а также других национальностей, у которых демографический переход к тому моменту уже произошел) в численности населения республики уже к 1990 г. была довольно мала³. К тому же снижение рождаемости в указанный период происходило и у коренных народов республики (подробнее об «этническом» аспекте снижения рождаемости см. ниже).

Снижение СКР имело место как в городском, так и в сельском Дагестане, при этом абсолютный уровень СКР на селе ожидаемо превышал таковой в городе. После 2007 г.

¹ На момент подачи статьи в журнал данные за 2015 г. являлись предварительными.

² По предварительным данным Росстата в 2015 г. показатель СКР в Дагестане снизился до 2,02.

³ По переписи 1989 г. – около 9,2% в населении. За период с 1979 до 2010 г. произошло снижение с показателя 11,6 до 3,6%.

наблюдается подъем СКР, что отражает известный общероссийский тренд, связанный с государственной политикой по поддержанию рождаемости. Общий уровень СКР в Дагестане при этом не превысил уровня, соответствующего простому воспроизводству населения. Как и по России в целом, это недавнее повышение рождаемости не дошло до тех уровней, при задержке рождаемости на которых принято говорить о "тормозящем" (stalling) демографическом переходе [Bongaarts 2006; 2008; Ezeh, Mberu, Emina 2009; Cetorelli, Leone 2012].

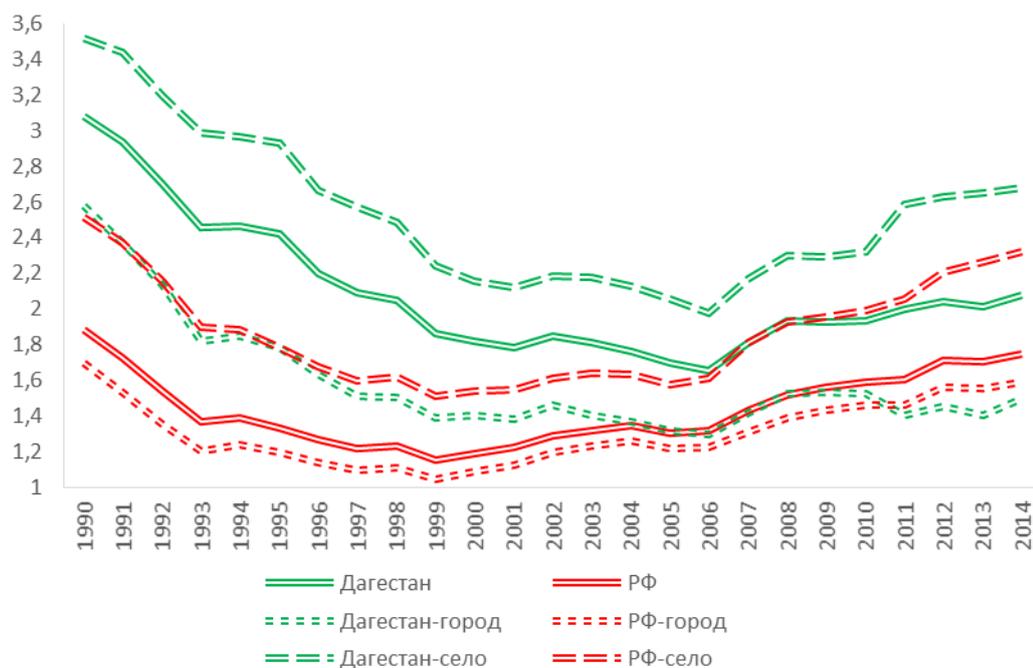

Рисунок 1. Суммарный коэффициент рождаемости в Дагестане и России в 1990-2014 гг., детей на 1 женщину

Источники: Расчеты авторов по [Приложение Демоскоп Weekly 2016; РосБРУС 2016].

Хронологическое "отставание" Дагестана по снижению рождаемости от России в целом показано на рисунке 1. Кроме того, как видно на рисунке 2, СКР в Дагестане за период 1990-2014 гг. снизился в наибольшей степени по сравнению с регионами Северного Кавказа, а также рядом национальных республик Сибири⁴. В то же время отметим, что современный показатель рождаемости сельского населения отклоняется от 1990 г. примерно на такую же величину, что и в других республиках Северного Кавказа.

⁴ Без учета Чечни и Ингушетии. Также на рисунке для сравнения приводятся регионы с относительно высокой долей титульных наций в населении.

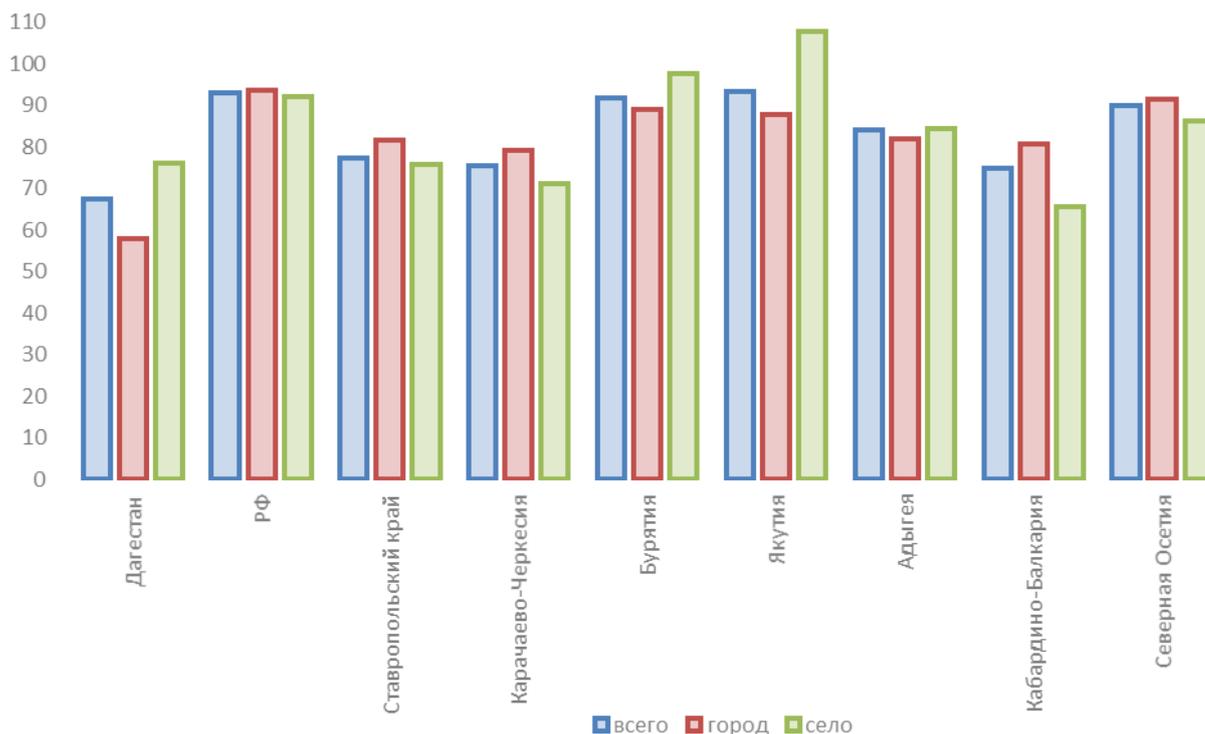

Рисунок 2. Отношение суммарного коэффициента рождаемости 2014 г. к уровню 1990 г., %

Источники: [Демографический ежегодник... 2015], расчеты авторов по [Приложение Демоскоп Weekly 2016].

Исходя из данных Всероссийской переписи населения 2010 г. (далее ВПН-2010), сокращение рождаемости в Дагестане началось ранее 1990 г. и в предшествовавшие ему десятилетия имело место у всех коренных этносов. На рисунке 3 отражен общий уровень рождаемости в разных возрастных группах, завершивших или завершавших детородный цикл к 2010 г., для основных коренных этносов Дагестана. Видно, что у всех коренных этносов общее число детей на одну женщину для женщин, которым в 2010 г. было 40-45 лет, по крайней мере, на треть ниже, чем у женщин, которым в 2010 г. было 70 и более лет. График также показывает, что рождаемость старших возрастных групп у разных этносов была не одинаковой. Так, у лачек, которым в 2010 г. исполнилось 70 и более лет, общее число детей на одну женщину было примерно на 40% ниже, чем у табасаранок. Интересно, что межэтнические контрасты, наблюдаемые у старших возрастных групп, частично воспроизводились и у самых младших. Так, среди женщин, которым в 2010 г. было 40-44 года, самый низкий уровень этого показателя после русских наблюдался у лачек, а также у ногаек, которые в старших поколениях занимали положение в середине иерархии. С другой стороны, быстрее всего рождаемость снижалась у табасаранок (демонстрировавших для поколений 1940 г. рождения и старше самые высокие показатели в нашей выборке).

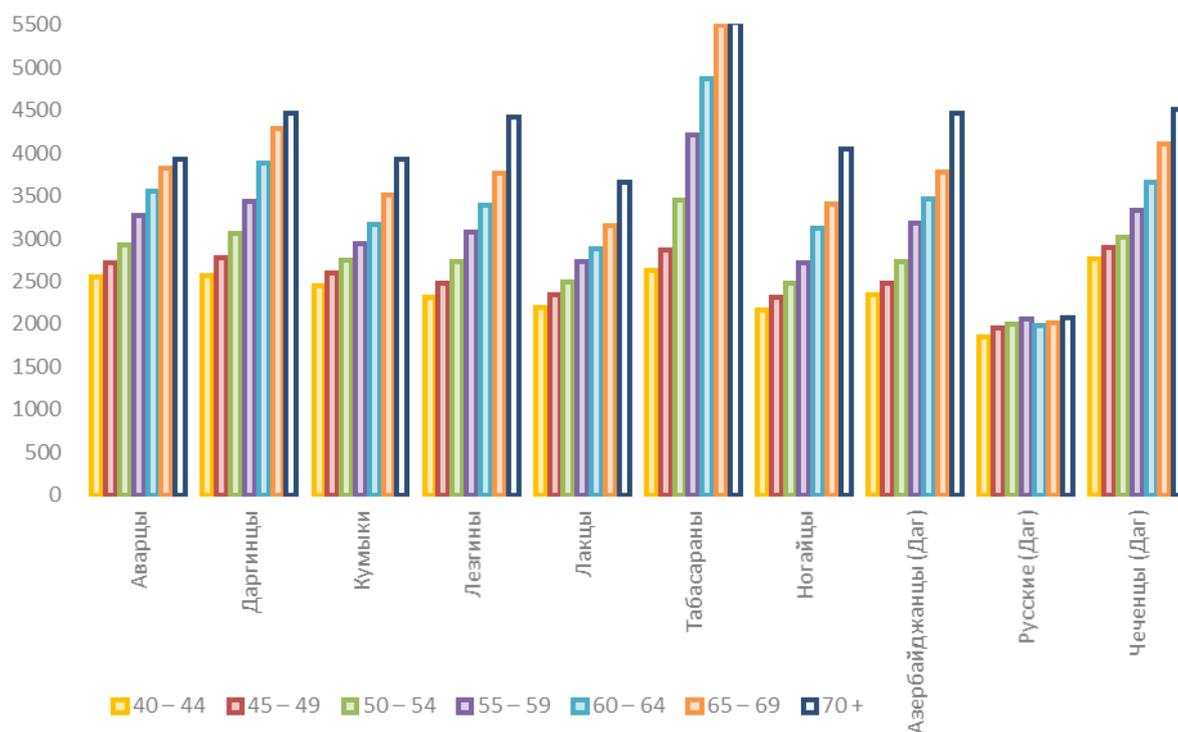

Рисунок 3. Накопленная рождаемость женщин Дагестана, достигших определенного возраста к ВПН-2010, по национальностям, на 1000 женщин соответствующего возраста, указавших число рожденных детей

Источник: Расчеты авторов по [Всероссийская перепись...2010].

Подведем итог рассмотрения наиболее общих статистических данных по рождаемости. Официальная статистика показывает, что в постсоветский период в Дагестане завершился процесс снижения рождаемости, соответствующий первому демографическому переходу. Этот процесс, по официальным источникам, затронул как город, так и село и имел место для всех крупных коренных народов республики, хотя и не вполне синхронно. В большинстве регионов Центральной России первый демографический переход произошел значительно раньше, при этом с середины 1990-х годов в России начался и второй демографический переход. Некоторое повышение рождаемости в Дагестане с 2007 г. соответствовало общероссийскому тренду, поэтому не является уникальным феноменом.

2. ДИНАМИКА ВОЗРАСТА МАТЕРИ В ПОСТСОВЕТСКОМ ДАГЕСТАНЕ: ДАННЫЕ СТАТИСТИКИ

Обратимся теперь к официальным данным по возрасту материнства. Отличия Дагестана от России в целом довольно существенны. Это касается как текущих значений, так и тенденций.

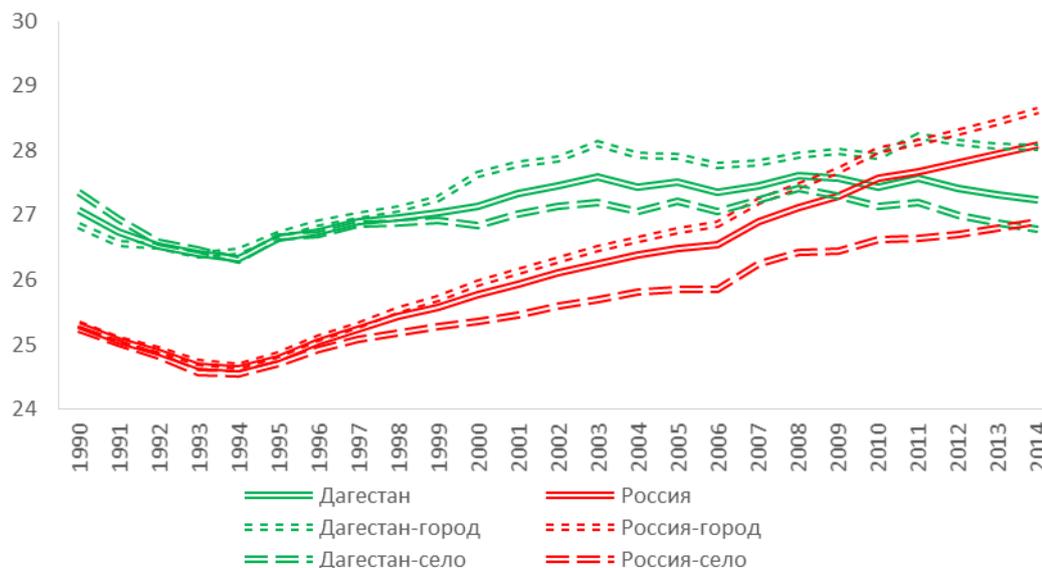

Рисунок 4. Средний возраст матери при рождении ребенка в Дагестане и России без учета очередности

Источник: Расчеты авторов по [РосБРиС 2016].

В данном разделе мы рассмотрим два параметра: средний возраст матери и коэффициенты рождаемости в разных возрастных группах.

2.1. Средний возраст матери в сельской местности

Как показывают данные Российской базы данных по рождаемости и смертности (РосБРиС), дагестанская и общероссийская динамика возраста матери по-разному соотносятся при разных порядках рождения. При рождении *первого* ребенка в Дагестане средний возраст матери в настоящее время не демонстрирует тенденции к повышению в отличие от России в целом (рисунок 5). В Дагестане он начал снижаться с 2006 г. и остается примерно на одном уровне с 2008 по 2013 г., тогда как в сельской России в целом за весь отраженный графиком период шло монотонное повышение показателя с коротким периодом его стабилизации в период, когда вводились в действие пронаталистские меры семейной политики (2006-2008 гг.).

Средний возраст матери при рождении *второго* ребенка в Дагестане повышался до 2005 г., затем несколько опустился, в 2008 г. вернулся на уровень 2005 г., но после этого кратковременного «отскока» вверх возобновил снижение. По сельской России в целом снижение после пятнадцатилетнего монотонного роста началось в 2009 г. В 2011-2013 гг. в Дагестане снижение оказалось почти в 3 раза большим, чем в целом по России.

Динамика возраста матери при рождении *третьего* ребенка в сельском Дагестане и в целом в сельской России примерно одинакова, тем не менее в 2000-е годы началось расхождение показателей, и к 2013 г. в Дагестане средний возраст матери при рождении третьего ребенка был ниже общероссийского на 0,8 года. Учитывая стабильно более высокую долю рождений низких порядков в общей массе рождений, вполне ожидаемо, что Дагестан не демонстрирует в 2010-е годы и общероссийского роста среднего возраста

матери без учета порядка рождений. Как видно на рисунке 4, в России в целом этот показатель растет, а в Дагестане – снижается.

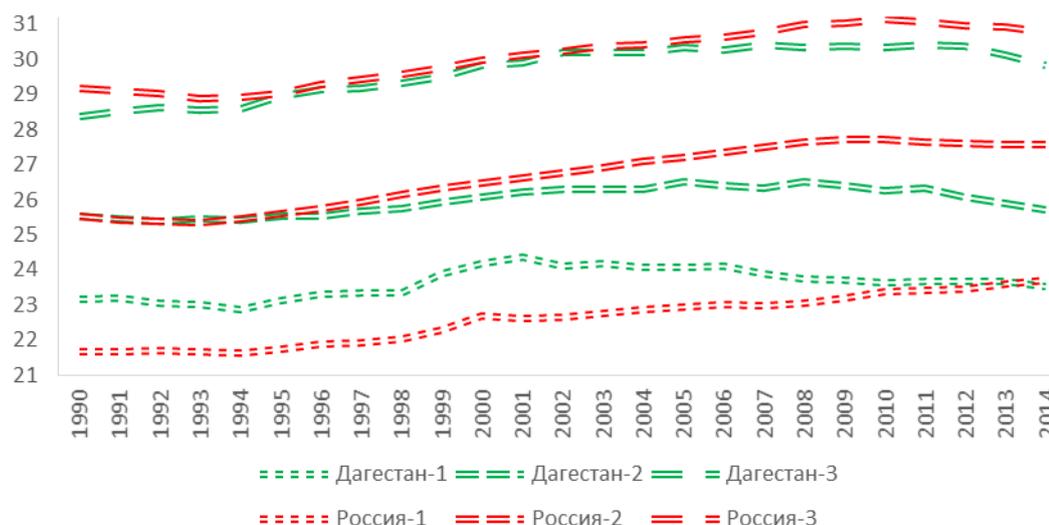

Рисунок 5. Средний возраст матери при рождении детей различной очередности в сельской местности России и Дагестана

Источник: Расчеты авторов по [РосБРиС 2016].

Тот факт, что рассогласование динамики возраста материнства в сельском Дагестане и в сельской России в целом произошло именно в 2000-е годы, подтверждается и данными Всероссийской переписи населения 2010 г., на основе которых средний возраст матери при рождении первого ребенка может быть рассчитан как по годовым периодам, так и по когортам матерей разных годов рождения. Как видно на рисунке 6, отражающем динамику среднего возраста матери при рождении первого ребенка по годам рождения матерей для возрастных групп 1930-1975 гг. рождения, возраст матери при рождении первого ребенка в сельском Дагестане и в сельской России в основном менялся для этих возрастных групп параллельным курсом с постоянно более высоким возрастом в Дагестане. В частности, понижение среднего возраста «старта» материнства у возрастных групп 1960-х годов рождения, которое принято связывать с мерами советского правительства по повышению рождаемости в 1980-е годы [Zakharov, Ivanova 1996], в Дагестане было даже более существенным, чем в России в целом. Заметное расхождение в трендах видно только между женщинами, рожденными в конце 1960-х – начале 1970-х годов.

Если рассматривать средний возраст матери по году рождения ребенка по данным ВПН-2010, то видно, что Дагестан в 1960-е годы стал соответствовать общероссийскому тренду, от которого в 1950-е годы несколько отклонился: в республике показатель рос, в то время как в России наблюдались его колебания. Данные за 2000-е годы в целом подтверждают результаты текущей статистики: несмотря на резкий рост среднего возраста матери в сельской России практически до самых высоких послевоенных значений, в Дагестане наблюдается стагнация этого показателя.

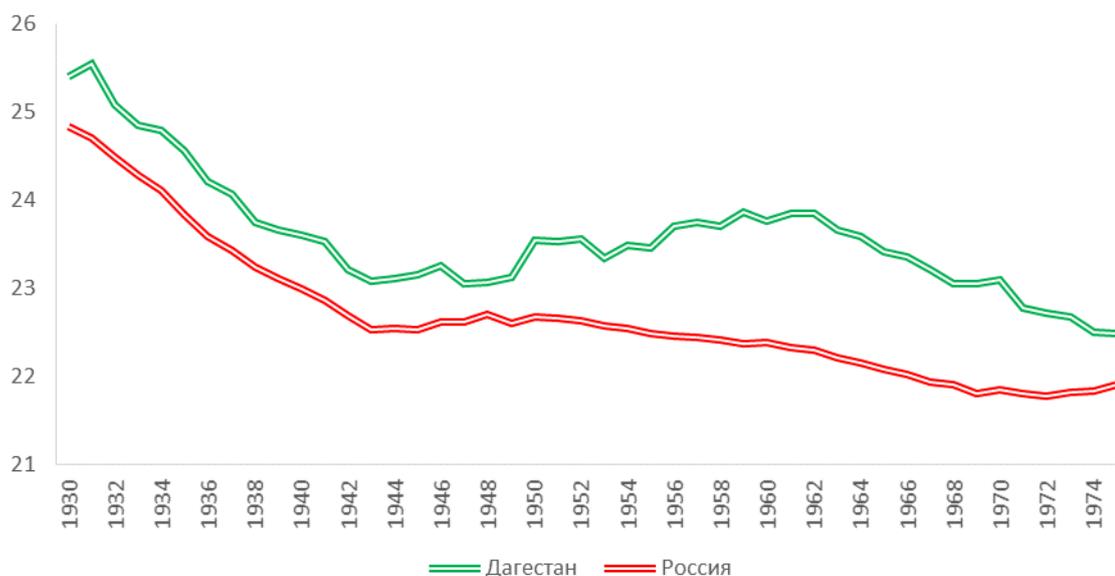

Рисунок 6. Средний возраст матери при рождении первого ребенка в Дагестане и России. Когортные показатели по годам рождения матерей

Источник: Расчеты авторов по [Всероссийская перепись...2010].

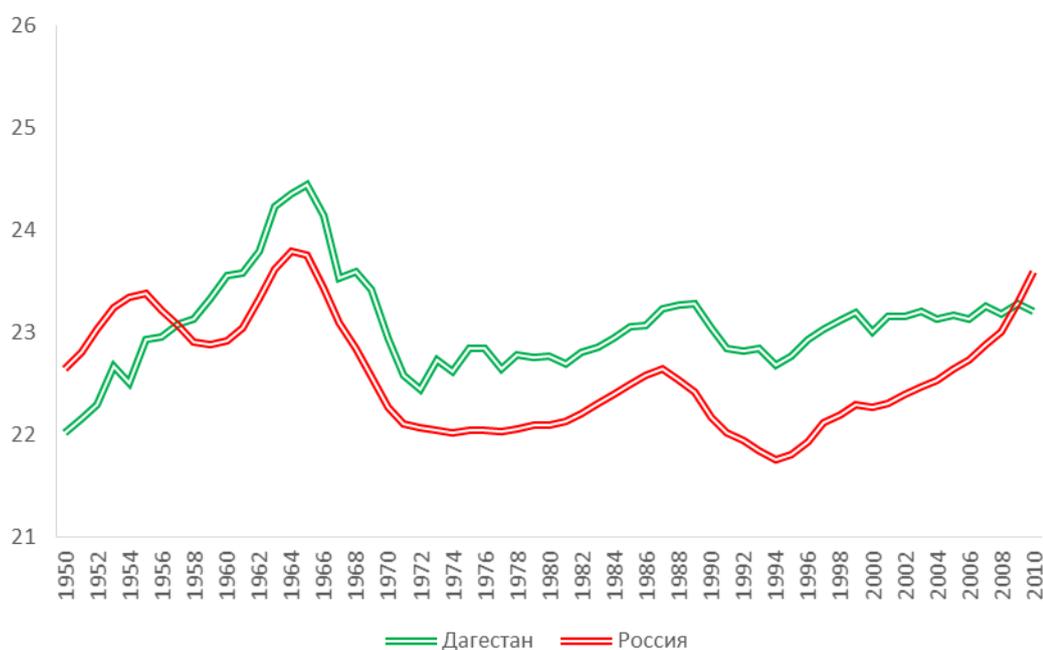

Рисунок 7. Средний возраст матери при рождении первого ребенка в Дагестане и России. Показатели для календарных периодов по годам рождения детей

Источник: Расчеты авторов по данным [Всероссийская перепись...2010].

Таким образом, данные по среднему возрасту матерей показывают, что заметное расхождение в динамике возраста материнства между сельским Дагестаном и сельской Россией в целом возникло лишь в 2000-е годы. Все наблюдаемые различия в динамике ведут к большей устойчивости молодого материнства в Дагестане по сравнению с Россией в целом.

Отметим, что различия в возрасте старта материнства лишь частично могут быть объяснены различиями в брачном поведении. Рисунок 8 показывает, что в целом доля женщин, никогда не состоящих в браке (зарегистрированном и незарегистрированном), для возрастов 16-17 и 18-19 лет в России и Дагестане примерно одинакова (если сопоставлять Россию с Дагестаном, а сельскую Россию с сельским Дагестаном). К возрастам 25-39 лет появляется небольшая разница в доле безбрачия – примерно, на 4-5 п.п.

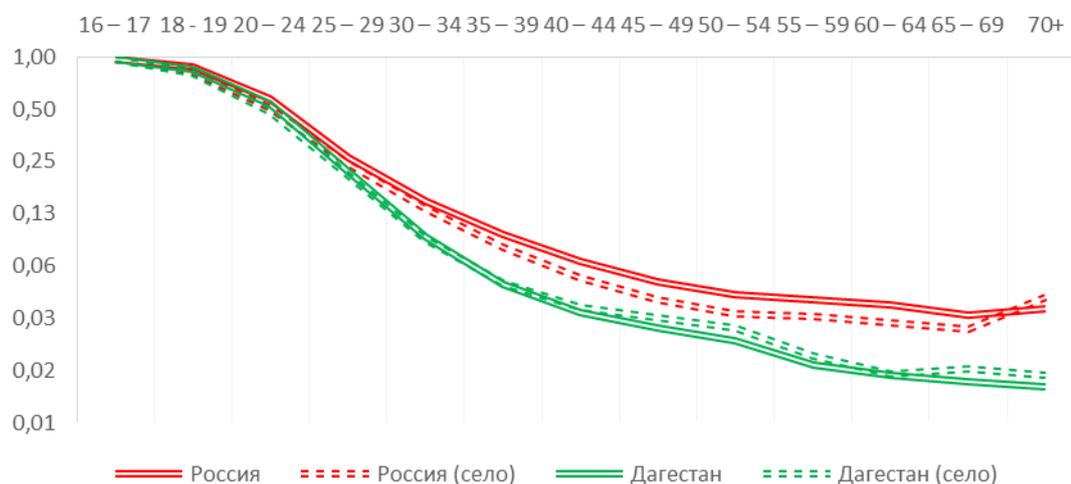

Рисунок 8. Доля никогда не состоявших в браке к достижению определенного возраста в России и Дагестане в 2010 г. среди указавших брачное состояние (логарифмическая шкала с шагом 2)

Источник: [Всероссийская перепись...2010].

2.2. Возрастные коэффициенты рождаемости

Демонстрируемая Дагестаном тенденция к более молодому, чем по России в целом, материнству видна и из динамики возрастных коэффициентов рождаемости. На рисунке 9 представлены возрастные коэффициенты для сельского Дагестана без учета порядка рождения.

Как видно, динамика возрастных коэффициентов рождаемости в сельском Дагестане и в сельской России в целом в начале 2010-х годов различалась именно в молодых возрастных группах: в группе 15-19 лет в Дагестане был рост при падении в России в целом, в группе 20-24 года в Дагестане - более быстрый рост. Это соответствует тенденции к более молодому материнству в Дагестане. Также видно, что на предшествующем этапе, в 2005-2008 гг., коэффициенты для молодых возрастных групп росли и в России в целом, но затем этот рост замедлился по сравнению с «дагестанским» или вовсе остановился.

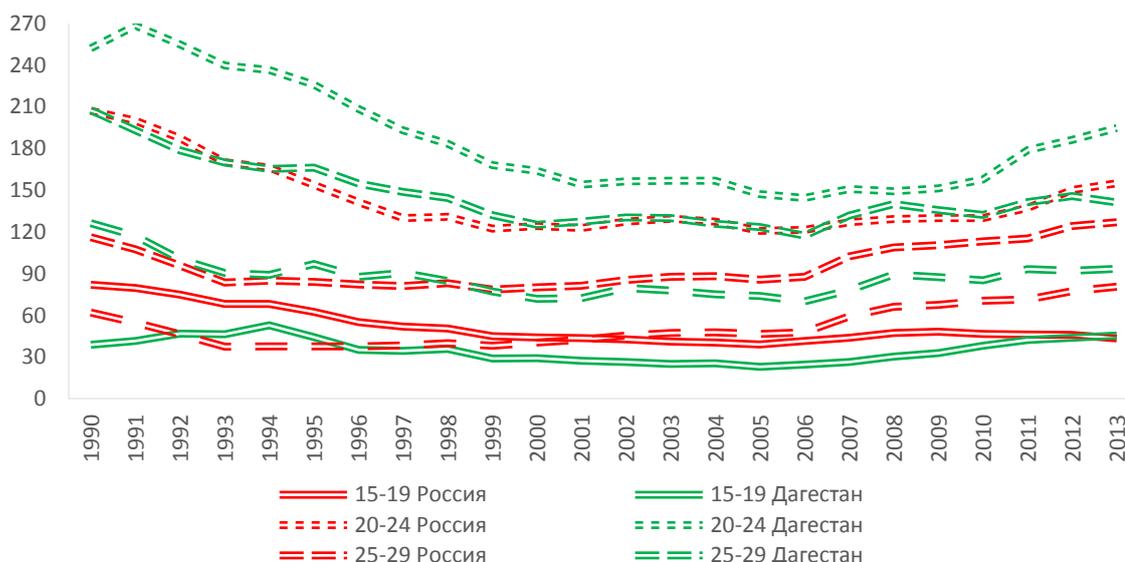

Рисунок 9. Возрастные коэффициенты рождаемости в сельской местности Дагестана в 1990-2013 гг., на 1000 женщин, без учета порядка рождения

Источник: Расчеты авторов по [РосБРУС 2016].

На разницу в тенденциях, касающихся возраста материнства, указывает и динамика возрастных коэффициентов рождаемости для первых детей. Рисунки 10 и 11 показывают ее для сельской России и сельского Дагестана в 1990, 2000 и 2010 гг. В сельской России в целом распределение старта материнства по возрастам в 2010 г. было значительно более «пологим», чем в 2000 и 1990 гг., за счет увеличения рождений первых детей в более поздних возрастах, тогда как в Дагестане таких изменений не произошло: возрастные коэффициенты в 2010 и 2014 гг. были выше, чем в 2000 г., в молодых возрастах, в которых даже наблюдалось небольшое повышение по сравнению с 1990 г.

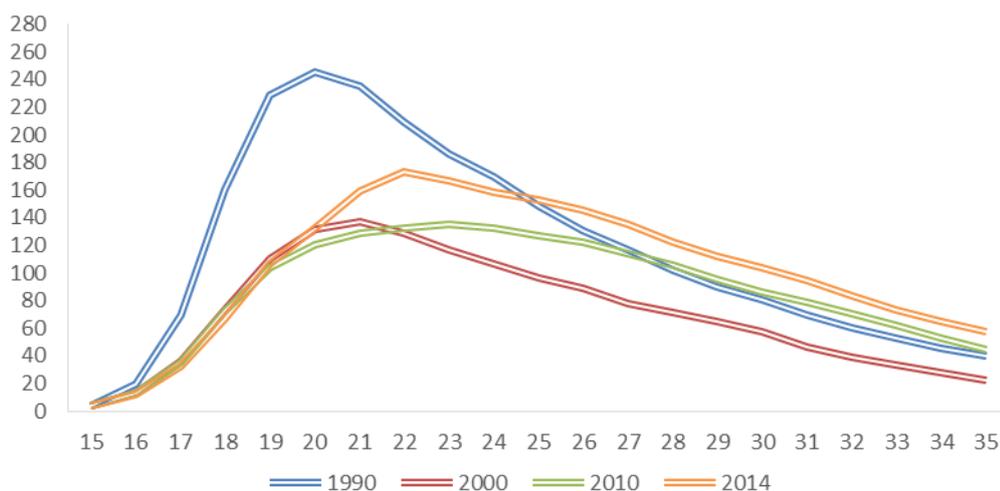

Рисунок 10. Возрастные коэффициенты рождаемости первых детей в сельской местности в России, на 1000 женщин

Источник: Расчеты авторов по [РосБРУС 2016].

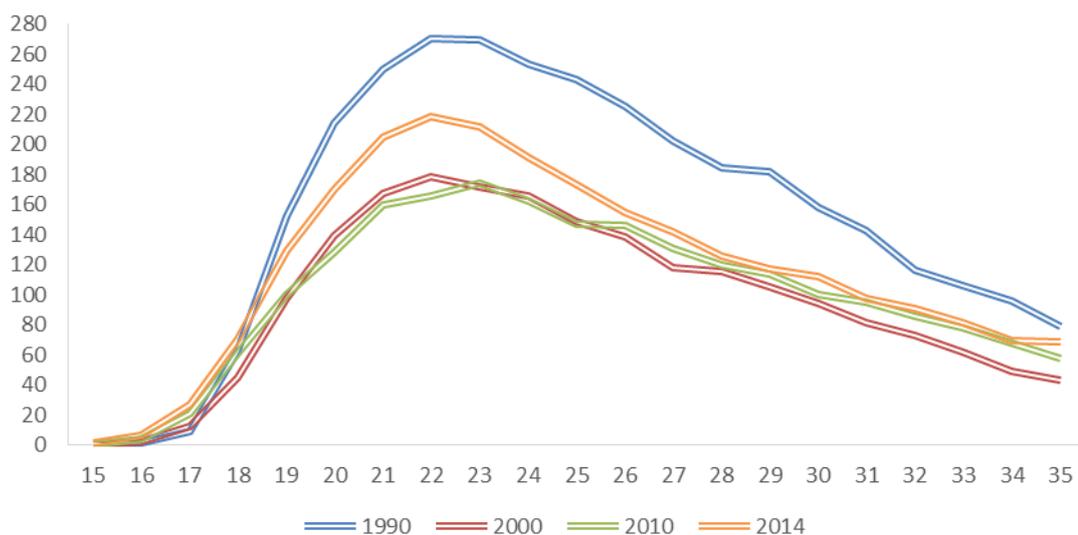

Рисунок 11. Возрастные коэффициенты рождаемости первых детей в сельской местности в Дагестане, на 1000 женщин

Источник: Расчеты авторов по [РосБРУС 2016].

Подведем итог. Сельский Дагестан по состоянию на 2014 г. мало отличался от сельской России в целом по общему уровню и тенденциям рождаемости, однако демонстрировал заметные отличия по возрасту материнства. Именно отсутствие «старения» материнства в Дагестане образует явный контраст с общероссийскими тенденциями даже на селе, где, по сравнению с городом, не наблюдалось такого значительного старения и перемещения возраста рождения ребенка в старшие возраста. Прежде этого контраста не было, он появился лишь на рубеже 2000-х – 2010-х годов.

2.3. Достоверность полученных результатов

Среди специалистов довольно часто встречается критика достоверности переписных, следовательно, и текущих данных об общей численности населения Дагестана [Андреев 2012; Богоявленский 2008; 2012]^{5,6}. Соответственно, очень сомнительным кажется исследователям уровень рождаемости в дагестанских городах, примерно соответствующий уровню Центральной России. При корректировке данных после переписи приходится декларировать положительный миграционный прирост, что не подтверждается не работающими непосредственно со статистикой исследователями Дагестана (социологами и этнографами).

Рассмотрим, как будут выглядеть искажения численности населения при анализе рождаемости. Есть основания полагать, что больших расхождений между реальным и

⁵ Шахбанов М. (2011). Дагестанцы и чудеса азербайджанской статистики // Портал Федеральной лезгинской национально-культурной автономии. URL: <http://fnka.ru/digest-analytics/286-marko-shahbanov-dagestancy-i-chudesa-azerbaydzhanskoj-statistiki.html> (дата обращения: 27.05.2016).

⁶ Шахбанов М. (2012). Русские, азербайджанцы, горцы: почему искажены итоги переписи в Дагестане? // Информационное агентство Regnum. URL: <http://regnum.ru/news/polit/1497900.html> (дата обращения: 27.05.2016).

декларированным числом рождений в Дагестане не наблюдается, т.е. статистически значимых «приписок» рождений нет. Для подтверждения данной гипотезы обратимся к данным Фонда социального страхования (ФСС). По ним можно предположить, что часть детей в отчет по ФСС не попадает, что приводит к чуть более низким значениям суммарного коэффициента рождаемости в целом по республике, если они рассчитаны по данным ФСС, а не Росстата⁷. Однако данное расхождение может быть не связанным с «приписками» в чистом виде, так как часть рождений может происходить на дому и не попадать сразу в данные фонда. Показатель средней очередности рождений (COP)⁸, рассчитанный по данным ФСС, но с использованием знаменателя (количества женщин в различных возрастных группах) Росстата, указывает на рождаемость, примерно, на уровне 1,9 ребенка на женщину, что отличается от показателя СКР в сторону понижения. Причиной может быть завышение численности постоянного населения (из-за более высокого значения знаменателя конечный возрастной коэффициент рождаемости становится ниже). С другой стороны, такое расхождение (нехарактерное для современной России, где COP превышает СКР) может быть вызвано отсутствием практики откладывания рождения детей и форсированным снижением среднего возраста матери.

Однако данные ФСС все же позволяют увидеть некоторую странность в рождаемости в республике. Если рассмотреть долю рождений по очередности, то даже по, вероятно, слегка неполным данным ФСС выходит, что Дагестан относится к числу регионов - лидеров по доле детей третьей и более высоких очередностей (31,4% из всех рожденных детей), опережая Республику Алтай, Якутию и только слегка отставая от Тувы (это регионы с СКР, достаточным для расширенного воспроизводства населения и превышающим уровень Дагестана по данным Росстата; см., например, рисунок 2). Следовательно, реальный показатель СКР в республике может быть действительно выше. Однако это необязательно так: по тем же данным ФСС, схожее с Дагестаном распределение имеет и Республика Калмыкия (29,8% рождений приходится на детей 3 и более высоких очередностей в 2013 г. при показателе в Дагестане на уровне 30%), где в наблюдаемый период СКР был ниже 1,89, а сообщений о неверном учете населения практически нет.

Серьезной проблемой с официальной статистикой населения по Дагестану, как показано экспертами [Андреев 2012], является переучет населения республики. Он вызван зачастую двойным счетом: например, сельские жители учитываются и в городе, куда они мигрируют, в ряде случаев временно, и на селе. Переучет, по оценкам Е.М. Андреева, произошел во время Всероссийских переписей населения 2002 г. (ВПН-2002; численность населения по переписи разошлась с допереписными расчетами на 380 тыс. человек) и 2010 гг. (расхождение более, чем на 150 тыс.). Эти цифры косвенно подтверждаются данными списков для голосования. Из-за переучета реальный знаменатель при расчете показателей рождаемости будет существенно ниже указанного статистическими органами, что и приводит к занижению показателя рождаемости в официальной статистике. Почти

⁷ Так, рассчитанный для аналогичной численности женщин по возрастам по численности рождений из ФСС СКР в 2013 г. составляет в Дагестане около 1,9, а по данным Росстата – 2,015.

⁸ Средневзвешенный показатель СКР по очередностям рождения.

наверняка низкие показатели СКР в городах Дагестана, основанные на официальной статистике, именно этим и объясняются.

При этом проблемы неверного учета населения неодинаковы для различных возрастов. По данным Андреева, в результате ВПН-2010 во всем населении Дагестана имел место провал численности когорты 1981-85 гг. рождения. Если это недоучет, то реальные возрастные показатели женщин данного возраста будут ниже, так как мы имеем дело с заниженным знаменателем. Однако если, как полагают эксперты, по данным ВПН-2002 численность этих поколений была завышена, тогда имеет место возвращение к исходной численности, и влияния на исходную рождаемость и возраст матери эта когорта не окажет. В то же время в ВПН-2010 появилось и вероятное завышение численности населения в молодых возрастах (около 1990 года рождения). Таким образом, кроме того, что в подобных условиях возрастные коэффициенты рождаемости в реальности должны быть выше, они должны быть выше именно в молодых возрастах, что может привести не только к реально более высокому СКР, но и более низкому, чем наблюдается, возрасту матери.

Из сказанного можно сделать вывод, что те корректировки, которые могли бы быть сделаны для данных о рождаемости в Дагестане с учетом вероятных ошибок официальной статистики, скорее всего, не приведут к повышению показателей возраста материнства.

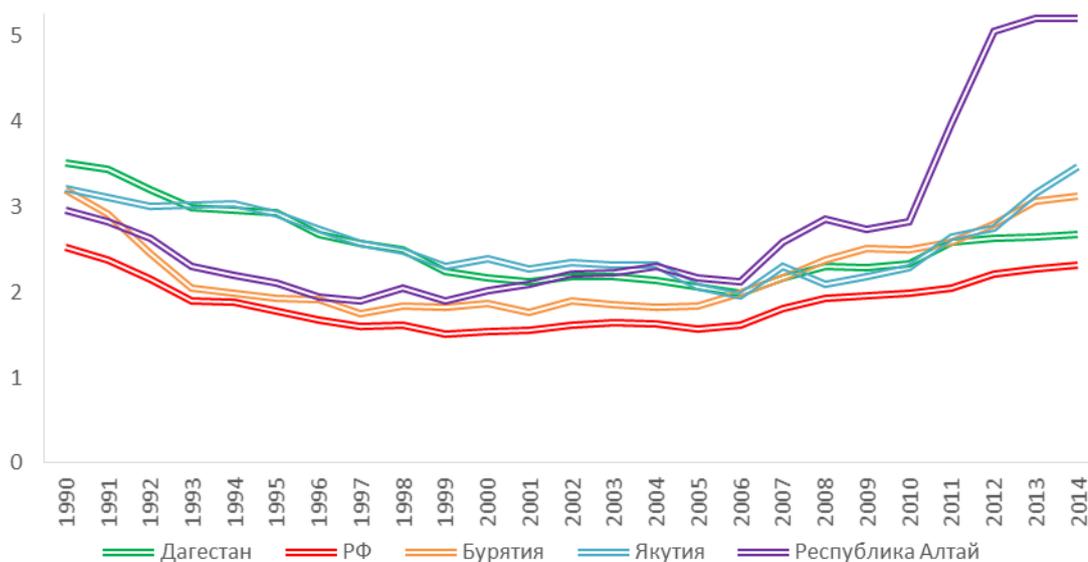

Рисунок 12. Суммарный коэффициент рождаемости в сельской местности ряда регионов России, 1990-2014 гг., детей на 1 женщину

Источник: Расчеты авторов по неопубликованным данным Росстата и [РосБРУС 2016].

Отметим также, что, так как наше полевое исследование касается сельского населения, нам важнее понять, в какой степени неверный расчет знаменателя возможен именно для жителей села. Считается, что в ряде регионов РФ на селе имеет место недоучет взрослого населения при полной регистрации всех родившихся детей (например, потому, что родители, переехавшие в город на постоянную или временную работу, учитываются в

городе⁹, а их родившиеся дети - на селе, куда взрослые едут рожать). Это приводит к явному завышению СКР сельского населения. При таких статистических искажениях ожидается скачкообразное изменение этого показателя для сельской местности, что наблюдается в ряде регионов с небольшой численностью населения (рисунок 12). При сопоставлении со «скачками», наблюдаемыми в Якутии и Республике Алтай (регионов, относительно которых известна проблема недоучета взрослого населения на селе), видно, что в Дагестане динамика СКР на селе более «гладкая», что позволяет предположить, что данная проблема для этого региона неактуальна (хотя не стоит забывать и про большую численность населения Дагестана по сравнению с Якутией и Республикой Алтай). На основе этого сопоставления более вероятным в Дагестане представляется двойной учет и взрослого населения, и детей в селе и в городе, что для села означает регистрацию там жителей, фактически проживающих в городах. Однако это искажение данных не должно вызвать искусственного роста показателей рождаемости на селе.

Тем не менее, учитывая имеющиеся критические замечания по поводу качества учета населения в Дагестане, важно проведение полевых исследований для подтверждения и возможного объяснения феномена необычной рождаемости в республике.

3. Возраст матери в отдельных селах Дагестана: полевые данные подтверждают статистику

Данные официальных источников, представленные выше, частично подтверждаются нашими данными о рождаемости в отдельных селах Дагестана. Эти данные получены в ходе полевого исследования, проведенного нами в 2015-2016 годах. В общей сложности в ходе нашего исследования изучалась рождаемость в 20 селах, которые распределены между основными географическими поясами Дагестана (горы, предгорья, равнина) и в населении которых представлены все наиболее многочисленные народы этой республики. Основным источником информации в ходе исследования служили в городах Дагестана данные сельских медицинских учреждений. Использовалась информация медицинских карт детей 2013-2014 гг. рождения о возрасте матери ребенка и очередности деторождения. Учитывались только те медицинские карты, в которых имелись записи об обращениях к врачу в течение последнего года (косвенный индикатор того, что ребенок и его мать проживают в селе). Для оценки того, насколько множество детей, учтенное таким образом в ходе исследования, отличается от полного множества детей, родившихся в селе в указанные годы, число учтенных детей сопоставлялось с учетными данными медицинского учреждения и сельской администрации за соответствующие годы. Общая достоверность данных медицинских учреждений о числе детей контролировалась также путем сопоставления этих данных для детей старших возрастов с данными сельской школы о числе учащихся тех же возрастов.

На момент публикации мы имеем обработанные данные по 11 из 20 исследуемых сел, поэтому наши наблюдения носят сугубо предварительный характер. В таблице 1 приведены села, данные по которым рассматриваются ниже.

⁹ Особенно, если они были переписаны именно в городе.

Во всех этих селах число рождений, учтенных в нашем исследовании, составляло не менее 70% от рождений, имевших место в селе по сводным данным местных медицинских учреждений, и не менее 50% от рождений, имевших место по данным сельской администрации. Таким образом, можно говорить о достаточной репрезентативности имеющихся у нас данных.

Таблица 1. Данные о селах, вошедших в исследование

Географическая зона	Село (национальность и численность населения, человек)
Горы	Кубачи (даргинцы; 3060); Кумух (лакцы; 1930)
Предгорья	Ленинаул (аварцы и чеченцы; 8340); Тухчар (аварцы, лакцы и чеченцы; 3567); Карабудахкент (кумыки и даргинцы; 15356), Доргели (кумыки; 5783)
Равнина	Цадах (аварцы; 503); Тамазатюбе (ногайцы; 1718); Львовское-1 (кумыки; 1262); Новый Костек (даргинцы; 4524), Сулевкент (даргинцы, 2665)

Примечание: Расчеты авторов по [Всероссийская перепись...2010].

На рисунке 13 приведены данные по среднему возрасту матери в изученных селах в 2013 и 2014 г. (без учета порядка рождения). Из рисунка видно, что по селам наблюдается существенная вариация показателя, однако средние значения возраста матери по всем исследованным на данный момент селам в 2013 г. (25,92) и в 2014 г. (25,03) немного ниже средних для указанных лет значений для сельского Дагестана (составляют 26,88 и 26,77 соответственно; см. рисунок 4). Таким образом, результаты по данной выборке сел согласуются с данными РосБРС и Росстата об омоложении материнства в Дагестане, указывая текущий уровень среднего возраста матери как несколько более молодой, чем высчитывается по официальным данным по республике.

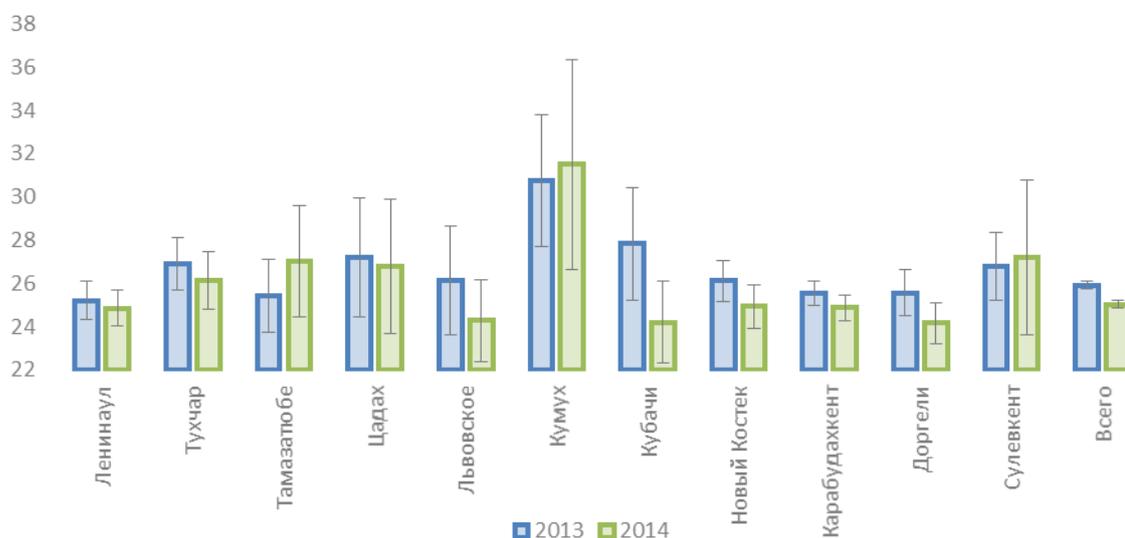

Рисунок 13. Средний возраст матери в отдельных селах Дагестана в 2013-2014 гг. без учета порядка рождений

Примечания: Доверительные интервалы строятся по нормальному распределению для числа наблюдений (деторождений) более 30 и по распределению Стьюдента для числа наблюдений менее 30. Показаны доверительные интервалы при $p < 0,05$.

Интересно отметить, что села с низким средним возрастом матери имеются и в предгорьях (Доргели, Ленинаул), и на равнине (Львовское-1); и наоборот, превышение среднего по Дагестану возраста матери возможно как в горных селах (Кубачи в 2013 г., Кумух), так и на равнине (Цадах, Сулевкент) и в предгорьях (Тухчар).

По четырем из обследованных сел нам удалось получить также данные по среднему возрасту матери в 2011-2012 гг. Можно заметить, что ни в одном из этих сел возраст матери не изменялся монотонно, однако средний возраст матери в течение всего данного периода для этих сел даже ниже среднего возраста матери по сельскому Дагестану в целом.

Таблица 2. Средний возраст матери в отдельных селах Дагестана в 2011-2014 гг. без учета порядка рождений

Село (национальность)	2011	2012	2013	2014
Ленинаул (аварки и чеченки)	24,80 (104)	25,61 (145)	25,21 (123)	24,83 (149)
Кубачи (даргинки)	25,45 (31)	26,15 (34)	27,82 (17)	24,19 (31)
Цадах (аварки)	28,85 (13)	25,47 (15)	27,18 (17)	26,78 (17)
Львовское-1 (кумычки)	24,81 (27)	24,46 (37)	26,29 (34)	24,28 (33)

Примечание: В скобках – общее число учтенных деторождений.

Отметим, что средний возраст матери при рождении ребенка зависит от распределения детей по порядку рождений. Следовательно, для получения более адекватной картины необходимо обратиться к среднему возрасту матери при рождении первого ребенка в изучаемых селах в 2013-2014 гг. К сожалению, значимость этого показателя в ряде сел может считаться низкой из-за малого количества деторождений. Лишь в четырех селах число рождений превышает 30 хотя бы в один из двух исследуемых годов (и только в Ленинауле и Карабудахкенте показатель превышен для обоих годов).

Средний возраст матери при рождении ребенка в сельском Дагестане по данным РосБРИС в 2013 г. составлял 23,68 года. Из обследованных сел этот уровень в 2013 г. был превышен только в трех, причем в двух из них (Кубачи, Львовском-1) общее число первых рождений было весьма низким (ниже 10), данные этих сел вряд ли могут быть статистически значимыми. Еще в одном селе, где показатель в 2013 г. был выше среднедагестанского (Новом Костеке), в 2014 г. возраст старта материнства снизился до 22,14 года. В целом в 2013 г. возраст матери при рождении 1 ребенка по нашей выборке составил 22,27 года, а в следующем - снизился до 21,36 года (тенденция к понижению отмечена и в РосБРИС, но там показатель все ещё выше 23 лет).

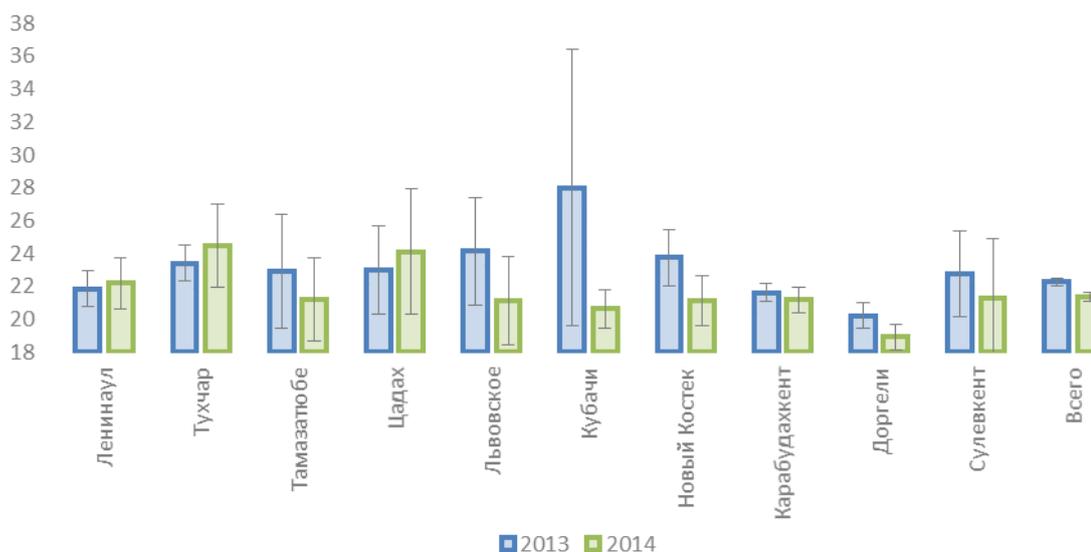

Рисунок 14. Средний возраст матери при рождении первого ребенка в отдельных селах Дагестана в 2013-2014 гг.

Примечание: Доверительные интервалы строятся по нормальному распределению для числа наблюдений (деторождений) более 30 и по распределению Стьюдента для числа наблюдений менее 30.

Стоит отметить, что существует ряд причин более низкого возраста матери в нашей выборке по сравнению с общедагестанской, кроме возможного, как отмечалось выше, статистического переучета женщин в молодых репродуктивных возрастах. Во-первых, наша выборка не взвешена по представительству различных народностей в общем населении Дагестана, а также распределению по равнинам, горам и предгорьям. Во-вторых, при расчете среднего возраста матери мы используем число рожденных в данном году детей, а не возрастные коэффициенты рождаемости (поскольку не по всем селам на данный момент доступны данные о возрастной структуре). В-третьих, нам доступны данные не о возрасте, а о годе рождения матери, и, чтобы избежать возможного завышения при расчете возраста по формуле год наблюдения минус год рождения, мы взвешиваем число рождений не на середину, а на начало возрастного интервала, что также приводит к определенным неточностям.

4. ВОЗМОЖНЫЕ ПРИЧИНЫ ОТСУТСТВИЯ «СТАРЕНИЯ» МАТЕРИНСТВА

В настоящем разделе мы обсуждаем возможные причины отсутствия «старения» материнства в сельском Дагестане.

Одна гипотеза может состоять в том, что омоложение рождаемости связано с исламизацией – процессом, который в постсоветском Дагестане, безусловно, затрагивает и семейную жизнь. Роль ислама как фактора, влияющего на рождаемость, многократно обсуждалась в литературе [Mazrui 1994; Morgan et al. 2002]. Высокая рождаемость в некоторых обществах рассматривается исследователями как следствие большой роли в их жизни ислама. Наоборот, сокращение рождаемости, которое наблюдается в последние десятилетия в большинстве мусульманских стран, многими исследователями связывается с

уменьшением регулирующей роли ислама в социуме [Heaton 1996; Hirschmann, Rindfuss 1980; Eltighani 2009; Barbieri et al. 1996; Shah 2004].

Вместе с тем сопоставление данных большого количества мусульманских стран показывает, что взаимосвязь между исламизацией и высокой рождаемостью может быть не столь сильной, как это нередко считается *a priori*. Э. Кауфманн [Kaufmann 2008] на основе результатов социологического проекта World Values Survey отмечает, что среди стран, где опросы в рамках данного проекта зафиксировали большую роль религиозных ценностей для населения, имеются и страны с достаточно низким (около 2 рождений на женщину) уровнем рождаемости (например, Азербайджан, Индонезия). С другой стороны, по данным того же исследования, имеются страны с преобладанием исламского населения, в которых относительно скромная роль религиозных ценностей соседствует с высокой рождаемостью (например, Танзания, Уганда). В работе Бермана и Степанян [Berman, Stepanyan 2003] исследуется взаимосвязь между рождаемостью в мусульманских семьях ряда стран и уровнем исламизации семьи, определяемым тем, посещают ли дети, имеющиеся в семье, светскую или исламскую школу. Обнаруживается, что превышение рождаемости в семьях, определяемых по этому индикатору как исламские, по сравнению с рождаемостью в других семьях существенно отличается от страны к стране. Однако ни в одной из исследованных авторами стран это превышение не выходит за рамки 30%. Такой результат, по мнению авторов, показывает, что исламизация влияет на рождаемость, но это влияние гораздо скромнее, чем влияние ряда других религий, в частности иудаизма (проявляемое в кратном превышении рождаемости у израильских религиозных ортодоксов над рождаемостью у остальных групп еврейского населения страны).

На данный момент мы можем высказать лишь предварительные суждения о том, в какой мере исламизация «ответственна» за омоложение рождаемости в Дагестане. Между некоторыми селами нашей выборки весьма заметен контраст по роли религии в жизни села. А именно: в селах Новый Костек, Ленинаул, Доргели и Карабудахкент, судя по интервью с местными жителями, проведенным в 2014-2015 гг., религия в организации сельской жизни играет первостепенную роль, что подтверждается такими явлениями, как активное участие сельского имама (имамов) и других религиозных авторитетов в решении различных вопросов жизни села, посещение пятничной молитвы абсолютным большинством взрослых мужчин и др. Несколько других обследованных сел, напротив, в настоящее время примечательны скромной ролью ислама в организации их жизни. Это села Кубачи, Кумух, Сулевкент и Тамазатюбе. По оставшимся селам сделать однозначного вывода о большой или малой роли ислама в жизни села не представляется возможным.

Как видно из рисунка 13, из четырех сел, где роль ислама велика, средний возраст материнства в 2013-2014 гг. был стабильно ниже, чем средний по всем изучаемым селам, только в Доргели и Карабудахкенте. При этом в трех из этих сел (Ленинауле, Карабудахкенте и Доргели) в 2013-2014 гг. средний возраст матери при рождении первого ребенка был ниже 23 лет (при среднем для сельского Дагестана - 23,68 года в 2013 г.). Еще в одном (Новом Костеке) возраст старта материнства был выше среднедагестанского в 2013 г., но в 2014 г. также опустился ниже 23 лет.

Однако низкие значения возраста материнства наблюдаются и для некоторых сел с малой ролью ислама в сельской самоорганизации, например Тазантюбе и Сулевкенте. Поэтому говорить о том, что села с низким уровнем исламизации регулярно имеют более высокий возраст материнства, нельзя.

Таким образом, на ограниченном пространстве рассматриваемых сел тезис о роли ислама в «нестарении» материнства в целом находит некоторое подтверждение, но требует дальнейшего изучения.

Обратимся к другому, отличному от «исламизации», варианту объяснения отсутствия «старения» рождаемости – объяснению через сохранность традиционных механизмов организации семьи, проявляемую прежде всего в следовании возрастным и гендерным иерархиям. Не рассматривая здесь общее определение концепта «традиционности», отметим, что применительно к возрасту материнства это понятие предполагает повторение в молодых поколениях тайминга основных демографических событий, включая рождения детей. Связь между «традиционностью» организации семьи и ранним стартом материнства продемонстрирована для ряда стран с преобладанием мусульманского населения, включая, например, Узбекистан [Barbieri et al. 1996].

Применительно к Дагестану объяснение замедления старения материнства сохранением традиционных характеристик семейной жизни проблематично прежде всего тем, что возраст материнства в Дагестане не был стабильным в постсоветское время, а также в последние советские десятилетия (рисунки 6, 7). При изменчивости возрастных характеристик рождаемости в последние несколько десятилетий признавать их нынешнее состояние как отражающее некую «традицию» можно только на базе достаточно произвольных допущений.

Таблица 3. Средний возраст матери разных национальностей в селе Тухчар в 2013-2014 гг. без учета порядка рождения

Национальность	2013	2014
Лачки	27,3 (24)	28 (11)
Чеченки	25,62 (16)	27,21 (14)
Аварки	27,16 (38)	26,97 (34)

Примечание: В скобках – количество наблюдений.

Вместе с тем нельзя не заметить, что в определенных аспектах нынешний возраст материнства действительно отражает тенденции, присутствующие длительное время. Но это касается не общедагестанской картины, а, скорее, случаев, с ней не гармонирующих. Так, например, возраст материнства (в том числе и при рождении первого ребенка) выше средних показателей в тех обследованных селах, где проживают лачцы (см. рисунки 13, 14 и таблицу 1). Эта тенденция, видимо, не носит случайного характера. В разделе 1 мы видели (рисунок 3), что у лакцев сокращение рождаемости имело место в более ранних когортах, чем у других коренных народов Дагестана. Поздний возраст материнства у лакцев в изученных нами селах гармонирует с общим низким уровнем рождаемости у этого народа,

ранее других народов Дагестана прошедшего через массовую урбанизацию¹⁰. Возможность влияния семейных норм, закрепившихся у отдельного этноса, на возраст материнства подкрепляется данным по селу Тухчар, где лакцы проживают совместно с двумя другими народами. Как видно из таблицы 3, у лакцев значение среднего возраста матери в 2013-2014 гг. было выше, чем у соседей по селу.

Такие наблюдения позволяют предположить, что воспроизведение фертильного поведения от поколения к поколению внутри отдельных этносов может иметь место. Однако лакцы – по-видимому, единственный крупный народ, который по динамике параметров рождаемости заметно отличался в последние десятилетия от других народов Дагестана. Аргументом за то, что нынешние тенденции изменения возраста материнства связаны с сохранением каких-то традиционных норм, были бы контрасты по возрасту матери, наблюдаемые между большим количеством этносов.

5. Выводы

В настоящей статье были предложены различные свидетельства того, что в данное время в Республике Дагестан динамика возраста материнства отличается от общероссийской. Это выражается в происходящем в Дагестане снижении среднего возраста матери как без учета порядка рождения, так и при рождениях первого и второго порядка. На эту тенденцию указывают как различные официальные данные, так и предварительные данные нашего исследования по выборке дагестанских сел. В свете изложенного в статье нет оснований считать, что замеченные тенденции являются «артефактом», вызванным ненадежностью данных.

Поиски объяснения этого феномена, естественно, ведут к вопросу, с какими социальными причинами он может быть связан. Как мы видели, в исследованиях рождаемости в зарубежных странах среди прочих отмечаются два фактора, способных «тормозить» старение материнства, ожидаемое при снижении общего уровня фертильности. Это, во-первых, большая роль ислама в изучаемом социуме, и во-вторых, высокая степень сохранности традиционного уклада семейной жизни. Мы видели, что для Дагестана предварительно имеется больше оснований предполагать действенность первого, а не второго фактора.

Гипотеза, что именно ислам «поддерживает» сегодня относительно молодой возраст материнства в Дагестане, имеет перспективы детальной проверки потому, что по степени соблюдения исламских норм этот регион неоднороден, различные села существенно различаются в этом отношении. В приведенных нами примерах видно, что именно села, где эти нормы соблюдаются более строго, отличаются более «молодым» материнством, однако

¹⁰ По данным ВВП-2010 процент городского населения среди лакцев составил 71,9% при общedaгестанском уровне в 45,2%. Лакцы – один из самых «городских» народов Дагестана. Можно предположить, что это влияет и на снижение «сельской» рождаемости у этого народа, потому что между городом и селом в Дагестане имеются достаточно интенсивные связи на уровне родственников, а материнство в городе, как предполагается, стандартно «старше» сельского. Исходя из этого, можно ожидать, что у этноса с наиболее высокой долей городского населения в результате «диффузного» влияния городских родственников на сельских материнство на селе тоже будет «стареть».

связь между возрастом матери при рождении первого ребенка и соблюдением исламских норм не так очевидна. Вместе с тем можно предположить, что уровень соблюдения норм ислама – в большей степени индивидуальный параметр, а не характеристика, относящаяся к целым селам. Соответственно гипотеза о роли ислама как причины «молодого» материнства должна быть проверена в рамках индивидуального выборочного анкетирования матерей разных возрастных групп, которое проводится нами в Дагестане в настоящее время.

Список сокращений

ВПН-2002 - Всероссийская перепись населения 2002 г.

ВПН-2010 - Всероссийская перепись населения 2010 г.

РосБРИС - Российская база данных по рождаемости и смертности Центра демографических исследований Российской Экономической Школы (ЦДИ РЭШ)

СКР - суммарный коэффициент рождаемости

СОР - средняя очередность рождений

ФСС - Фонд социального страхования

ЛИТЕРАТУРА

Андреев Е.М. (2012). О точности результатов российских переписей населения и степени доверия к разным источникам информации // Вопросы статистики. 11: 21-35.

Богоявленский Д.Д. (2008). Все ли российские народы верно посчитали? // Демоскоп Weekly: 319 – 320. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2008/0319/tema01.php> (дата обращения: 27.05.2016).

Богоявленский Д.Д. (2012). Перепись 2010: этнический срез // Демоскоп Weekly: 531 - 532. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0531/tema01.php> (дата обращения: 27.05.2016).

Всероссийская перепись населения 2010 (2010). Том 10. Рождаемость. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 27.05.2016).

Демографический ежегодник России 2015 (2015). Статистический сборник. М.: Росстат. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2015/demo15.pdf (дата обращения: 27.05.2016).

Приложение Демоскоп Weekly (2016). Коэффициент суммарной рождаемости по субъектам Российской Федерации, 1990-2014.

URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_reg_tfr_gor.php; Возрастные коэффициенты рождаемости по субъектам Российской Федерации, 1990-2015 URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_reg_asfr.php (дата обращения: 27.05.2016).

РосБРИС (2016). Российская база данных по рождаемости и смертности. Центр демографических исследований Российской экономической школы (ЦДИ РЭШ). URL: <http://demogr.nes.ru/> (дата обращения: 27.05.2016).

Barbieri M., A. Blum, E. Dolgikh, A. Ergashev (1996). Nuptiality, fertility, use of contraception, and fertility policies in Uzbekistan // Population studies. 50(1): 69-88.

- Berman A., A. Stepanyan (2003). Fertility and education in radical islamic sects: evidence from Asia and Africa // NBER working paper.
- Bongaarts J. (2006). The causes of stalling fertility transitions // Studies in family planning. 1(1): 1-16.
- Bongaarts J. (2008). Fertility transitions in developing countries: progress or stagnation? // Studies in family planning. 39 (1): 105-110.
- Cetorelli V., T. Leone (2012). Is fertility stalling in Jordan? // Demographic research. 26(13): 293-318.
- Eltighani E. (2009). Toward replacement studies in Egypt and Tunisia // Studies in family planning. 40(3): 215-226.
- Ezeh A.C., B.U. Mberu, J.O. Emina (2009). Stall in fertility decline in Eastern African countries: regional analysis of patterns, determinants and implications // Philosophical transactions of the royal society. 364: 2991-3007.
- Heaton T. (1996). Socioeconomic and Familial status of women associated with age at first marriage in three islamic societies // Journal of comparative family studies. 27(1): 41-58.
- Hirschmann C., R. Rindfuss (1980). Social, cultural, and economic determinants of age at birth of first child in Peninsular Malaysia // Population studies. 34 (3): 507-518.
- Kaufmann E. (2008). Islamism, religiosity and fertility in the Muslim World. Paper presented at the 2008 EPC conference. Barcelona, Spain, 8 -11 July.
- Mazrui Ali A. (1994). Islamic doctrine and the politics of induced fertility change: an African perspective // Population and development review; supplement volume: the new politics of population: conflict and consensus in family planning: 121-134.
- Morgan P.S., S. Stash, H.L. Smith, K.O. Mason (2002). Muslim and non-muslim differences in female autonomy and fertility: evidence from four Asian countries // Population and development review. 28(3): 515-537.
- Shah N. (2004). Women's socioeconomic characteristics and marital patterns in a rapidly developing muslim society // Journal of comparative family studies. 35(2): 163-183.
- Zakharov S., E. Ivanova (1996). Fertility decline and recent changes in Russia: on the threshold of the second demographic transition // Russia's demographic crisis. Rand corporation: 36-83.

REJUVENATION OF THE MOTHERHOOD IN DAGESTAN: A TENDENCY OR AN ARTEFACT? (THE PRELIMINARY RESULTS OF THE RURAL POPULATION SURVEY)

KONSTANTIN KAZENIN, VLADIMIR KOZLOV

This article is devoted to the dynamics of the mean age of child-bearing in Dagestan, an indicator which has differed significantly from the overall Russian trend within the last decade. The paper is based both on data from official sources and preliminary results from field research conducted by the authors in the rural areas of Dagestan. The data from both sources strongly supports the idea of a decrease in the childbearing age in the republic both for the mean age of childbearing (MAB) without parities and for the mean age of childbearing at first and second births.

The existing literature highlights, among others, two main factors inhibiting the increase of the MAB usually expected with a decrease of the total fertility rate. These are, first of all, the important role of religion (mainly Islam) in the society, and secondly, the "patriarchal" [I'm not sure that in Dagestan 'traditional' necessarily means 'patriarchal'; my own experience with Dagestanis makes me wonder if it isn't more matriarchal!] structure of the family. Our preliminary results lead us to the conclusion that the first factor is more important.

Key words: demographic transition, mean age of childbearing, Dagestan.

KONSTANTIN I. KAZENIN (kz@ranepa.ru), THE RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC ADMINISTRATION, RUSSIA.

VLADIMIR A. KOZLOV, NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, RUSSIA.

DATE RECEIVED: JUNE 2016.

REFERENCES

- Andreev E.M. (2012). O tochnosti rezul'tatov rossiyskikh perezisey naseleniya i stepeni doveriya k raznym istochnikam informatsii [About the accuracy of the Russian census data and the assurance of different demographic sources] // *Voprosy statistiki* [Problems in statistics]. 11: 21-35.
- Barbieri M., A. Blum, E. Dolgikh, A. Ergashev (1996). Nuptiality, fertility, use of contraception, and fertility policies in Uzbekistan // *Population studies*. 50(1): 69-88.
- Berman A., A. Stepanyan (2003). Fertility and education in radical islamic sects: evidence from Asia and Africa // NBER working paper.
- Bogoyavlenskiy D.D. (2008). Vse li rossiyskie narody verno poschitali? [Were all the Russian nations calculated properly?] // *Demoscope Weekly*: 319-320. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2008/0319/tema01.php> (accessed: 27.05.2016).
- Bogoyavlenskiy D.D. (2012). Perepis' 2010: etnicheskiiy srez [Census 2010 from the ethnic point of view] // *Demoscope Weekly*: 531 - 532. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0531/tema01.php> (accessed: 27.05.2016).
- Bongaarts J. (2006). The causes of stalling fertility transitions // *Studies in family planning*. 1(1): 1-16.
- Bongaarts J. (2008). Fertility transitions in developing countries: progress or stagnation? // *Studies in family planning*. 39(1): 105-110.

- Cetorelli V., T. Leone (2012). Is fertility stalling in Jordan? // *Demographic research*. 26(13): 293-318.
- Demograficheskiy ezhegodnik Rossii 2015 [Demographic yearbook of Russia, 2015] (2015). Statisticheskiy sbornik [Statistical yearbook]. Moscow: Rosstat. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2015/demo15.pdf (accessed: 27.05.2016).
- Eltighani E. (2009). Toward replacement studies in Egypt and Tunisia // *Studies in family planning*. 40(3): 215-226.
- Ezeh A.C., B.U. Mberu, J.O. Emina (2009). Stall in fertility decline in Eastern African countries: regional analysis of patterns, determinants and implications // *Philosophical transactions of the royal society*. 364: 2991-3007.
- Heaton T. (1996). Socioeconomic and familial status of women associated with age at first marriage in three islamic societies // *Journal of comparative family studies*. 27(1): 41-58.
- Hirschmann C., R. Rindfuss (1980). Social, cultural, and economic determinants of age at birth of first child in Peninsular Malaysia // *Population studies*. 34 (3): 507-518.
- Kaufmann E. (2008). Islamism, religiosity and fertility in the Muslim World. Paper presented at the 2008 EPC conference. Barcelona, Spain, 8 -11 July.
- Mazrui Ali A. (1994). Islamic doctrine and the politics of induced fertility change: an African perspective // *Population and development review; supplement volume: the new politics of population: conflict and consensus in family planning*: 121-134.
- Morgan P.S., S. Stash, H.L. Smith, K.O. Mason (2002). Muslim and non-muslim differences in female autonomy and fertility: evidence from four Asian Countries // *Population and development review*. 28(3): 515-537.
- Prilozheniye Demoskop Weekly [Demoscope Weekly Supplement] (2016). Koeffitsiyent summarnoy rozhdayemosti po sub'yektam Rossiyskoy Federatsii [Total fertility rates by rates by regions of the Russian Federation], 1990-2014. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_reg_tfr_gor.php; Vozrastnyye koeffitsiyenty rozhdayemosti po sub'yektam Rossiyskoy Federatsii [Age-specific fertility rates by regions of the Russian Federation], 1990-2015 URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_reg_asfr.php (accessed: 27.05.2016).
- RosBRiS (2016). Rossiyskaya baza dannykh po rozhdamosti i smertnosti, Tsentr demograficheskikh issledovaniy Rossiyskoy ekonomicheskoy shkoly [Russian fertility and mortality database, Centre for demographic research at the New economic school]. URL: <http://demogr.nes.ru/> (accessed: 27.05.2016).
- Shah N. (2004). Women's socioeconomic characteristics and marital patterns in a rapidly developing muslim society // *Journal of comparative family studies*. 35(2): 163-183, 2004.
- Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2010 [All-Russian population census 2010] (2010). Tom 10. Rozhdaemost' [Volume 10. Fertility]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (accessed: 27.05.2016).
- Zakharov S., E. Ivanova (1996). Fertility decline and recent changes in Russia: on the threshold of the second demographic transition // *Russia's demographic crisis*. Rand corporation: 36-83.

ТАТАРЫ РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ В XX ВЕКЕ: РАССЕЛЕНИЕ, ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ, НАПРАВЛЕНИЯ МИГРАЦИЙ

РЕНАТ ТЕМИРГАЛЕЕВ

В статье рассматриваются различные демографические и миграционные процессы в среде татар Рязанской области, состоящей из двух этнотерриториальных групп – касимовских татар и татар-мишарей. На основе анализа статистических данных, нарративных источников, а также данных, полученных в ходе работы с обобщенным банком данных (ОБД) «Мемориал», выявлена особая, главенствующая роль регионов Средней Азии, в особенности Узбекистана, в миграционных связях татар Рязанской области. Установлено, что как в отношении динамики (роста/убыли) численности населения в ареалах проживания, так и в отношении направленности миграционных потоков две основные этнотерриториальные группы татар Рязанской области – касимовские татары и татары-мишари – имеют четкие особенности, явно отличающие их друг от друга. Разработана оригинальная методика выявления направленности миграционных потоков на основе анализа ОБД «Мемориал», содержащей документы о безвозвратных потерях РККА в Великой Отечественной войне по критерию «место рождения – место призыва».

***Ключевые слова:** демография, касимовские татары, «Мемориал», миграции, Рязанская область, Средняя Азия, татары, татары-мишари.*

АКТУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Центральный федеральный округ – самый моноэтничный в России. Согласно данным переписи 2010 г., доля русского населения в нем составляет 89,1%. В отдельных его регионах, в частности в Белгородской, Воронежской, Ивановской, Костромской, Курской, Липецкой, Орловской, Смоленской и Ярославской областях, доля русских превышает 90%, а в Брянской, Тамбовской и Тульской приближается к 95%. Еще более явно моноэтничность Центральной России проявляется при рассмотрении сельского населения: 92,5% жителей сельской местности Центрального федерального округа являются русскими, в Брянской, Ивановской, Липецкой и Ярославской областях этот показатель превышает 94%, в Курской и Тамбовской – 95%, в Костромской области – приближается к 96%.

РЕНАТ ФАРИТОВИЧ ТЕМИРГАЛЕЕВ (renattemirgaleev@yandex.ru), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Россия.

Статья поступила в редакцию в июне 2016 г.

Вместе с тем, относительно малоизученными с социально-демографической точки зрения остаются исторически сложившиеся на территории Центральной России этнические анклавы. В первую очередь к таковым следует отнести тверских карел и татар Рязанской области (касимовских и татар-мишарей). При этом если тверские карелы (потомки переселенцев с Карельского перешейка XVI-XVII вв.) в действительности образуют анклав, удаленный от основной территории проживания карел (400-500 км) в русскоязычном окружении, то поселения татар на территории современной Рязанской области с этнографической точки зрения являются продолжением обширного ареала волго-уральских татар, в частности татарско-мишарского ареала, занимающего целый ряд смежных регионов правобережья Волги (Республика Мордовия, Пензенская, Нижегородская, Ульяновская области и др.).

Несмотря на то, что доля татар в общей численности населения Рязанской области крайне мала (0,43% в 2010 г.) и даже ниже, чем в ряде других регионов Центрального экономического района (г. Москва – 1,3%, Московская область – 0,79%, Ивановская область – 0,63%, Владимирская, Тульская области – по 0,5%, Тверская область – 0,43%), существенным отличием татарского населения региона является повышенная доля сельского населения, что является косвенным свидетельством того, что данная территория относится к ареалу их исторического расселения. В отличие от соседних областей, ядро татарского населения которых составляют потомки относительно недавних приезжих (отходников, рабочих различных индустриальных предприятий), в Рязанской области почти половина татар (45,2%) проживает в сельской местности. Еще в 1970 г. доля сельских жителей среди татар региона составляла 59%, а в 1939 г. – 86,2%, что выделяет область на фоне других субъектов Центральной России¹ (таблица 1).

Таблица 1. Доля сельского населения среди татар по субъектам Центрального экономического района, 2010, %

Субъект РФ	Доля	Субъект РФ	Доля
Белгородская обл.	35,74	г. Москва	0
Брянская обл.	35,50	Орловская обл.	46,17
Владимирская обл.	16,88	Рязанская обл.	45,23
Воронежская обл.	41,44	Смоленская обл.	29,16
Ивановская обл.	12,46	Тамбовская обл.	54,89
Калужская обл.	26,46	Тверская обл.	24,70
Костромская обл.	17,09	Тульская обл.	20,78
Курская обл.	32,29	Ярославская обл.	13,07
Липецкая обл.	40,87	Всего по ЦФО/без учета Москвы	9,94/22,62
Московская обл.	18,37	Всего по России	32,28

Источник: [Переписи населения... 2016].

Таким образом, сельское татарское население Рязанской области представляет собой в определенной степени уникальный феномен традиционного этнического анклава в моноэтнической Центральной России. В этой связи особенно важным представляется

¹ За исключением Тамбовской и Орловской областей. В Тамбовской области, также входящей в исторический ареал расселения татар-мишарей, существуют два крупных татарских села – Татарщино и Энгуразово – с суммарным населением 856 чел. (2010 г.). Татарское население Орловской области составляет всего 1239 человек (0,16%) и изучено недостаточно хорошо, но скорее всего, в значительной степени оно сформировалось в последние десятилетия XX в.

изучение татарского населения Рязанской области с социально-демографической точки зрения.

ПОСТАНОВКА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ЗАДАЧИ

Цель настоящего исследования – выявить закономерности в изменении общей численности татарского населения Рязанской области, доли татар в общей численности населения региона, доли городского и сельского населения в общей численности татар области, выявить направления миграционных потоков, по возможности определить причины миграционных волн и их хронологические рамки, а также составить целостный демографический портрет современного татарского населения Рязанской области, очертить основные тенденции и закономерности.

Объект настоящего исследования – татарское население Рязанской области, в этнографическом отношении состоящее из представителей двух субэтносов с четкой географической локализацией: касимовских татар и татар-мишарей.

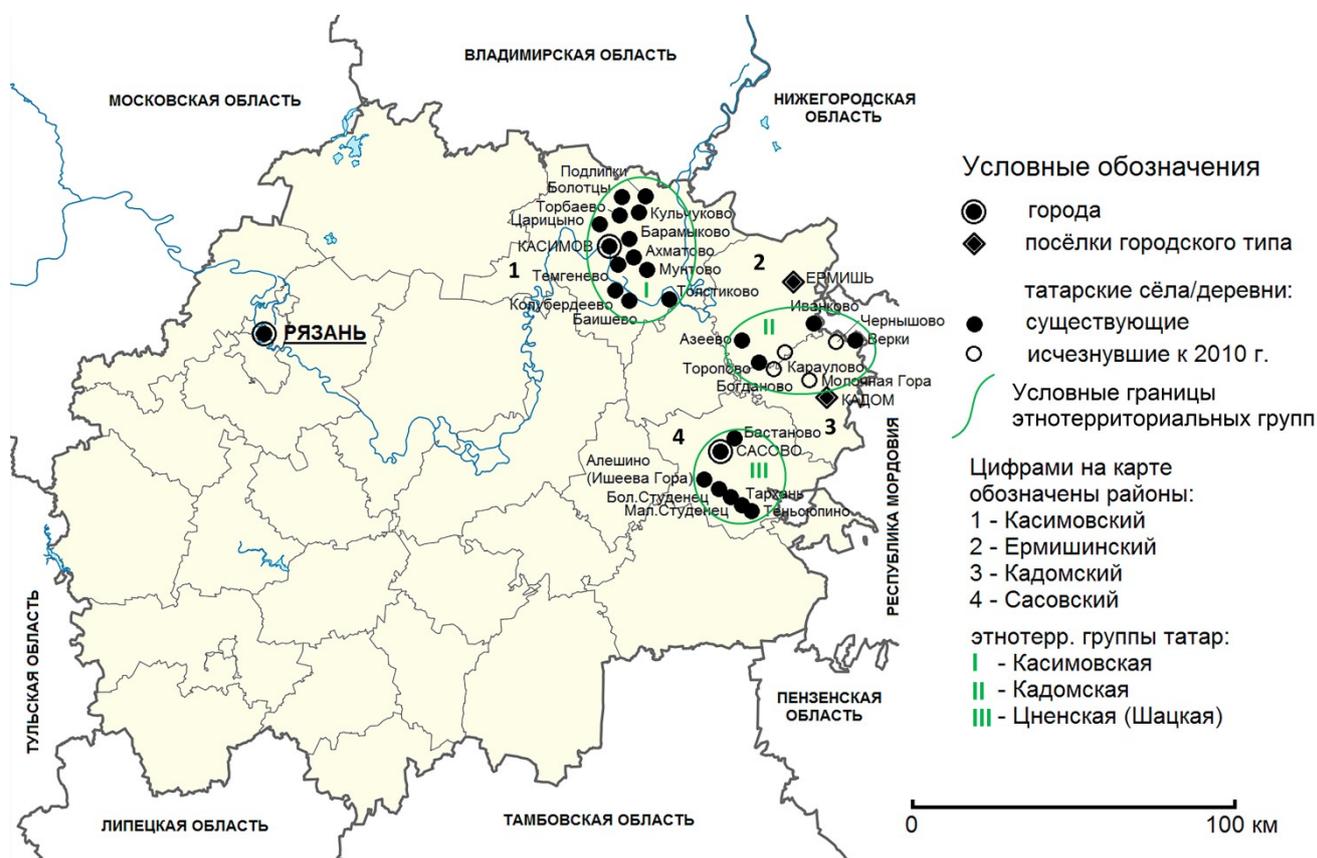

Рисунок 1. Татарские села Рязанской области

Источник: Составлено автором по [Этнотерриториальные группы... 2002: 100; Ислам... 2009: 293; Шарифуллина 2004: 122].

Примечание: Указаны села с полностью или частично татарским населением. Полностью исчезнувшие или утратившие татарское население к 2010 г. села Касимовского района не обозначены в силу многочисленности. Границы этнотерриториальных групп показаны условно.

Касимовские татары проживают на территории города Касимов и в Касимовском районе области, ранние этапы их этнической истории связаны с Касимовским ханством, существовавшим в западной части Мещеры в середине XV – конце XVII вв.

Татары-мишари на территории Рязанской области проживают в основном в сельских населенных пунктах Сасовского, Ермишинского и Кадомского районов². В отличие от компактной группы касимовских татар их поселения являются составной частью обширного ареала расселения татар-мишарей, сложившегося в общих чертах к концу XVIII в. и включающего территории современных Нижегородской, Пензенской, Ульяновской областей, Республики Мордовия, ряда районов смежных областей, а также Самарскую, Оренбургскую области, республики Татарстан и Башкортостан, где татары-мишари живут бок о бок с представителями субэтнуса казанских татар. На крайнем западе ареал современного сельского расселения татар-мишарей доходит до Тамбовской области, где сохранилось 2 татарских села: Татарщино (тат. Күршә) в Рассказовском районе и Энгуразово (тат. Яңгураз) в Уваровском районе. Междуречье Цны и Мокши на стыке Рязанской области и Республики Мордовия – ядро первоначальной территории расселения предков татар-мишарей, откуда началось их расселение в XVI-XIX вв. по регионам правого и левого бережья Волги, Приуралья и Зауралья, связанное на первых этапах преимущественно со строительством засечных черт на вновь присоединенных к русскому государству лесостепных и степных территориях, а позднее – с вольной колонизацией новых земель в связи с малоземельем в местах первоначального проживания и другими экономическими причинами [Мухамедова 1972: 18-27].

С точки зрения локализации татарское сельское население Рязанской области можно разбить на три относительно крупных «куста»: Касимовский, Цненский (Шацкий) и Кадомский (рисунк 1). Непосредственными соседями рязанских татар являются татары Мордовии, в частности темниковские татары-мишари, проживающие в сельских населенных пунктах Темниковского, Теньгушевского и ряда смежных районов республики. Следует отметить, что ранее населенные пункты темниковских татар, наряду с кадомскими и цненскими татарами, входили в состав Тамбовской губернии и сегодня отдельные села Теньгушевского района (напр., Атенино) фактически являются продолжением кадомского «куста», будучи отделенными от него лишь административной границей.

ИЗУЧЕННОСТЬ ТЕМЫ

Татарское население Рязанской области неоднократно становилось объектом научных исследований. Ряд работ так или иначе касался и демографии. Ф.Л. Шарифуллина еще в начале 1990-х годов издала монографию о касимовских татарах, переизданную с дополнениями в 2004 г. [Шарифуллина 2004]. Являясь преимущественно этнографическим исследованием, работа в значительной степени затрагивает и демографические аспекты.

² Д.М. Исхаков относит татарское население территорий, прилегающих к Касимовскому уезду, также к касимовским татарам, отмечая, однако, их переходное положение между двумя субэтнотами (татар-мишарей и касимовских татар) и условность их отнесения ко второму из них [Этнотерриториальные группы... 2002: 102-110].

Так, автор приводит данные о численности татарского населения прилегающих к г. Касимов территорий, дает объяснение причинам его депопуляции, обозначает основные направления и причины миграций касимовских татар и, что, пожалуй, самое важное, приводит полный перечень населенных пунктов касимовских татар в конце XIX – начале XX вв. В монографии Р.Г. Мухамедовой [1972] в рамках изучения этнологии, истории и географии расселения татар-мишарей правобережья Волги и бассейна Оки дается подробный вариант выделения подразделений татар-мишарей по этнографическому и территориальному признаку. Вместе с тем рязанским мишарям в ней не уделяется много внимания. Д.М. Исхаков [1993] в рамках исследований этнотерриториальных групп татар, легших впоследствии в основу второго раздела комплексной монографии [Этнотерриториальные группы... 2002], уделяет большое внимание татарам Рязанской области, описывая их положение в структуре этноса волго-уральских татар и внутреннюю структуру. Фактически в монографии им уделен целый параграф. Однако, опять же в силу этнографической направленности работы, вопросам миграций, особенно XX в., в работе уделяется мало внимания. Следует выделить статьи М.А. Сафарова по истории и этнографии татар Рязанской области, в частности, вошедшие в энциклопедический словарь [Ислам... 2009], в которых подробно описывается история практически всех татарских населенных пунктов региона. М.А. Сафаров составил перечень татарско-мишарских сел области, а также на основе преимущественно нарративного материала обозначил тенденции миграционных связей татар региона со Средней Азией, Москвой и рядом других промышленных центров и регионов. Нельзя не упомянуть очень подробные исследования мусульманских общин Центральной России, произведенные Д.В. Макаровым и обобщенные им в монографии [Макаров 2012] и в уже упоминавшемся энциклопедическом словаре [Ислам... 2009]. Из наиболее значительных краеведческих работ следует отметить вышедшее в 2015 г. комплексное историко-краеведческое исследование «Очерки по истории и культуре села Бастаново» [Девликамов, Шарифуллина 2015].

Следует отметить, что безусловно хорошо проработанными, с научной точки зрения, в рамках обозначенной темы являются общие направления расселения и миграции татар-мишарей в XVI-XIX вв. В общих чертах обозначены и направления их миграций в XX в., однако базируются они в основном на отдельных сообщениях информаторов и нарративном материале. Вместе с тем до сих пор не было проведено комплексного научного исследования демографической истории, а также особенностей миграционных потоков татар Рязанской области, их направлений, временных рамок, причин и последствий с сугубо статистической точки зрения с опорой на количественные данные.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В СРЕДЕ РЯЗАНСКИХ ТАТАР В СЕРЕДИНЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX В.

До 1923-1924 гг. значительная часть территории современной Рязанской области, в том числе районы компактного проживания татар, входила в состав Тамбовской губернии. В административном отношении они входили в состав Елатомского и Шацкого уездов. Оставшаяся часть татар нынешней Рязанской губернии по дореволюционному административно-территориальному делению проживала в Касимовском уезде Рязанской

губернии. Сохранились данные по численности татарского населения различных уездов указанных губерний за разные годы с 1762 по 1857 г., приуроченные к III, IV, V, VIII и X ревизиям податного населения Российской империи (таблица 2).

Таблица 2. Численность татарского населения по уездам Тамбовской и Рязанской губерний с 1762 по 1897 г., человек

Губерния/уезд	1762 г.	1782 г.	1795 г.	1833 г.	1857 г.	1897 г.
Тамбовская	5616	6393	7484	10740	13152	16976
Темниковский	3930	4612	3278	4394	5753	5901
Елатомский	351	404	2557	4034	4157	5919
Спасский	816	858	875	1053	1355	2201
Тамбовский	260	234	395	681	806	1176
Шацкий	259	285	379	578	867	1026
Прочие	-	-	-	-	214	753
Рязанская	4265	4807	5999	5591	5656	5033
Касимовский	4265	4807	5999	5591	5647	4764
Прочие	-	-	-	-	12	146

Источник: [Татары 2001: 156].

За столетие с 1762 по 1857 г. татарское население всей Тамбовской губернии выросло почти в 2,5 раза (с 5,6 до 13,2 тыс. человек). Темпы роста численности татар соседней Рязанской губернии, представленных почти исключительно касимовской группой, в этот же период были на порядок меньше: она выросла лишь в 1,2 раза (с 4,3 до 5 тыс. человек). На наш взгляд, это в значительной мере объясняется более активными ассимиляционными процессами в среде касимовских татар, деятельностью православных миссионеров, в целом более низкими темпами естественного прироста в традиционно связанных с городской средой, торговлей, отхожими промыслами и городским образом жизни семьями касимовских татар. Своего пика численности (6,0 тыс. человек) татарское население Касимовского уезда достигло в 1795 г., после чего к 1833 г. снизилось до 5,6 тыс. Незначительный рост с 1833 по 1857 г. не оказывает влияния на общую тенденцию: к 1897 г. численность татар Касимовского уезда снизилось до 4,7 тыс. человек. При этом суммарно татарское население Елатомского и Шацкого уездов (ныне татарские села данных уездов входят в состав Рязанской области) с 1762 по 1857 г. выросло в 8,2 раза (!) с 0,6 до 5,0 тыс. человек. Столь серьезные диспропорции темпов роста, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что в среде сельского татарского населения на территории современной Рязанской области еще в XVIII-XIX вв. существовали серьезные различия, оно было в значительной степени неоднородным, дифференцированным в территориальном и этнотерриториальном плане.

Депопуляция касимовских татар подтверждается научными исследованиями в смежных дисциплинах. Так, Ф.Л. Шарифуллина в своей монографии «Касимовские татары» [Шарифуллина 2004], углубляясь в этнодемографические процессы вплоть до упразднения Касимовского ханства в 1681 г., пишет: «С упразднением царства, которое являлось для татар своего рода этносоциальным организмом, были ликвидированы все те условия, на которых зиждилось сословие служилых татар. Прекратился приток извне тюркоязычного населения. Более того, среди касимовцев, как, впрочем, и у других групп поволжских татар, наблюдалось усиление миграционных процессов, что отразилось и на динамике их численности. Так, между 1719 и 1745 гг. происходит убыль татарского

населения Касимовского уезда на 18%. ... К концу XIX – началу XX вв. стало заметным снижение численности татар в Касимовском районе. Они устремлялись в поисках средств существования в различные области страны. Часть их (около 15%) оседала на постоянное жительство в различных городах. Например, в начале XX в. зафиксирован приток касимовцев в Петербург. Встречались факты переселения небольших групп населения (возможно, ремесленников и торговцев) и в сельские районы Среднего Поволжья и Приуралья...». Она же, составив список сельских поселений касимовских татар, отмечает, что некоторые из 38 перечисленных в нем сел уже в конце XIX – начале XX в. не имели татарского населения.

Исследователь мусульманских общин Центральной России Д.В. Макаров пишет: «Во 2-й половине XIX в. в регионе развернулась активная деятельность по крещению касимовских татар, центрами которой были Миссионерское общество в Касимове и православные учреждения в татарской деревне Карамышево. Есть основания полагать, что отдельные группы касимовских татар, проживавших в Касимове и на селе, в тот период приняли крещение и впоследствии обрусели» [Макаров 2012].

Из прочих явлений и тенденций в численности населения татар Тамбовской и Рязанской губерний с 1762 по 1857 г. можно выделить бурный рост численности татар Елатомского уезда. Если татарское население соседнего Темниковского уезда (ныне по большей части – в составе Республики Мордовия), изначально превосходившее татарское население Елатомского уезда в 11 раз, выросло за 100 лет всего в 1,5 раза (с 3,9 до 5,6 тыс. человек), то татары Елатомского уезда увеличили свою численность в 11,8 раз (!) с 0,35 до 4,2 тыс. человек. В состав Елатомского уезда входили 4 татарско-мишарских села: Азеево, Бастаново, Торопово и Богданово (первые два относятся к числу крупнейших в регионе), – а также несколько сел касимовских татар вблизи границы с Касимовским уездом (Толстиково, Шилино, Высоково, возможно, ряд других, более малочисленных). Согласно «спискам населенных мест» Тамбовской губернии за 1862 г. в трех последних указанных селах (с хуторами) проживало суммарно 690 человек. В 1857 г. общее татарское население Елатомского уезда составляло 4157 человек, соответственно, большая часть роста численности пришлась именно на татарско-мишарские села уезда. Если в 1762 г. Темниковский уезд явно выделялся на фоне соседей большой численностью татар, то к концу XIX в. Елатомский уезд при изначально совсем небольшой численности татар сначала сравнился, а затем и обошел его по данному показателю.

Исходя из представленных в таблице 2 данных, можно приблизительно рассчитать численность татарского населения в пределах современной Рязанской области. Для этого автор прибег к простому сложению численности татар Елатомского, Шацкого уездов Тамбовской губернии и Касимовского уезда Рязанской губернии. Частично (по расчетам автора – порядка 10% от численности) к нынешней Рязанской области относились и некоторые татарские села Темниковского уезда. Принимая во внимание этот факт, можно приблизительно оценить численность рязанских татар в 1762 г. в 4,8-5,2 тыс. человек, а в 1857 г. – в 10,6-11,2 тыс. человек. Применяя эту же методику к цифрам первой всероссийской переписи населения 1897 г., численность татар в пределах современной Рязанской области можно оценить в 11,7-12,3 тыс. человек.

Подводя промежуточный итог, можно сделать вывод, что к рубежу XIX-XX вв. при общем устойчивом росте численности татарского населения современной Рязанской области наблюдались территориальные диспропорции: стабильная депопуляция касимовских татар, бурный рост численности татарского населения Шацкого и особенно Елатомского уездов. Подавляющая часть роста пришлась на татарско-мишарские населенные пункты региона.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В СРЕДЕ РЯЗАНСКИХ ТАТАР ПОСЛЕ 1917 Г.

Согласно первой всеобщей переписи населения СССР 1926 г. татар на территории Рязанской губернии (не совпадавшей границами с территорией современной Рязанской области, но включившей в свой состав все ныне находящиеся на ее территории татарские поселения) насчитывалось около 10,7 тыс. человек, что составляло 0,44% от общей численности населения губернии.

Собственно Рязанская область была образована 26.09.1937, до 1954 г. она включала в свой состав ряд районов нынешней Липецкой области, доля татар в населении которых стремится к нулю. Первая перепись населения в этих границах прошла в 1939 г. По ней на территории региона проживало 8,6 тыс. татар или 0,38% от общей численности населения (0,44% без учета районов, отошедших в 1954 г. к Липецкой области³). Вне зависимости от достоверности этих данных и корректности их сравнения с данными по Рязанской губернии 1926 г. следует признать факт убыли татарского населения области впервые за историю наблюдений. Именно в период с середины 1920-х до конца 1930-х годов произошло множество социальных потрясений, до основания перевернувших традиционный сельский уклад жизни. Наиболее серьезными из них следует признать «чрезвычайные меры» в деревне конца 1920-х годов, коллективизацию 1929-1933 гг., голод, эпидемии, а также продолжающиеся преследования по религиозному признаку в условиях, когда религия в иноэтничном окружении является важнейшим консолидирующим фактором, препятствующим ассимиляции. Все эти факторы, на наш взгляд, привели к тому, что в указанный период татарское население Рязанской области начало резко убывать (таблица 3), при этом наиболее важными факторами здесь явились ассимиляция и выезд на постоянное место жительства в другие регионы страны. О направлениях миграционных потоков рязанских татар подробнее будет сказано далее.

С 1939 по 1959 г. татарское население Рязанской области сократилось в 2 раза (с 8,6 до 4,3 тыс. человек). Несмотря на то, что значительная доля демографических потерь в данные годы вызваны Великой Отечественной войной, стоит отметить, что темпы убыли татар в этот период значительно превышали темпы убыли населения региона в целом (сокращение на 25% – с 1,93⁴ до 1,44 млн человек), что, на взгляд автора, убедительно

³ Воскресенский, Данковский, Добровский, Лебединский, Лев-Толстовский, Октябрьский (Березовский), Троекуровский, Трубетчинский, Раненбургский районы с общей численностью населения 342792 чел. в 1939 г. [Переписи населения... 2016].

⁴ Без учета районов, отошедших в 1954 г. к Липецкой области.

свидетельствует о продолжении ассимиляционных и миграционных процессов в среде татар области.

Таблица 3. Численность татар Рязанской области и их доля в общем населении региона, 1926-2010

Год	Все население, тыс. чел.	Татары, тыс. чел.	Татары, %
1926 г.	2428,9	10,7	0,44
1939 г.	1925,1	8,6	0,44
1959 г.	1444,8	4,3	0,30
1970 г.	1411,6	4,1	0,29
1979 г.	1365,8	4,3	0,32
1989 г.	1347,8	4,9	0,37
2002 г.	1227,9	5,6	0,45
2010 г.	1154,1	4,9	0,43

Источник: [Переписи населения... 2016].

Примечание: 1926 г. – данные по губернии, 1939 г. – без районов, отошедших в 1954 г. к Липецкой области.

Период с 1959 по 1970 г. характеризуется некоторой стабилизацией численности как всего населения региона, так и татарской его части. Вместе с тем и в этот относительно стабильный период численность татар падала быстрее: убыль в 6,4% против 2,3% по общей численности населения Рязанской области. Примечательно, что 1970 г. ознаменован историческим минимумом доли татар в общей численности населения региона (0,29%).

С этого же года начинается следующий этап демографической истории татар Рязанской области: с 1970 по 2002 г. татарское население региона демонстрирует устойчивый рост (37,3% за указанный период) при падении общей численности населения области в эти же года на 13%. При этом за три десятилетия татарское население региона росло неравномерно. С 1970 по 1979 г. оно выросло на 6,6%, с 1979 по 1989 г. – на 13,8%, а с 1989 по 2002 г. – на 13,1%. В этой связи можно сказать, что демографические тенденции в среде татар Рязанской области, наконец, сблизилась с общей канвой роста татарского населения РСФСР/РФ. В указанный период 1970-2002 гг. татарское население России в целом выросло на 16,8%. Татарское население России росло во все периоды с 1926 по 2002 г., рост численности рязанских татар начался лишь с 1970 г. и ускорился в 1979-2002 гг. Например, в целом по России с 1989 по 2002 г. татарское население выросло на 0,6%, в то время как татарское население Рязанской области – на 13,1% (рисунок 2). Таким образом, причины относительно быстрого роста численности татар рассматриваемого региона, по мнению автора, лишь в незначительной степени связаны с естественным приростом. Главной же причиной в данном случае является некий внешний приток, напрямую связанный с реиммиграционными процессами, в частности возвращением в родные села значительной части татар, выехавших в 1920-е – 1930-е годы в регионы Средней Азии, спасаясь от раскулачивания и голода. Начавшись в 1970-е годы, реиммиграция набрала силу к рубежу 1980-х – 1990-х годов в связи с дезинтеграционными процессами и нестабильностью в регионах Средней Азии. О подтверждении гипотезы о преобладании именно этого региона в миграционных потоках рязанских татар будет сказано далее.

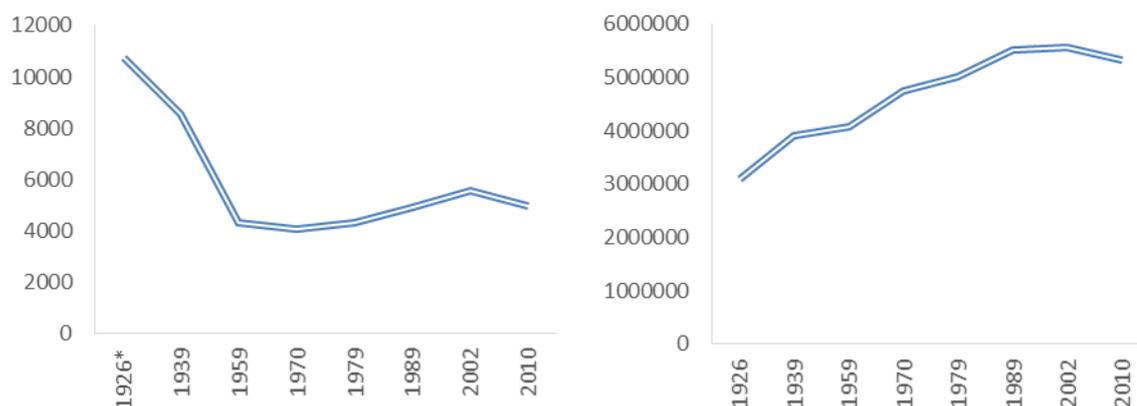

Рисунок 2. Численность татар Рязанской области (слева) и РСФСР/РФ (справа)

Источник: Расчеты автора по [Переписи населения... 2016].

*Примечание: * - Данные по губернии.*

В 2002-2010 гг. вновь наблюдается убыль численности татар Рязанской области с 5,6 до 4,9 тыс. человек (-11,3%). При этом убыль рязанских татар в этот период явно выделяется как на фоне убыли численности населения региона в целом (-6,0%), так и на фоне убыли татарского населения во всей Российской Федерации (-4,4%). Судя по всему, в этот период произошло исчерпание реиммиграционного потока, подпитывавшего татарские села региона в предыдущие десятилетия и в силу вновь вступили факторы естественной убыли.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТАТАР РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ В СРАВНЕНИИ С ТАТАРСКИМ НАСЕЛЕНИЕМ СОСЕДНИХ РЕГИОНОВ И РОССИИ В ЦЕЛОМ

Характерной отличительной чертой татар Рязанской области является низкий уровень урбанизации (таблица 4). Согласно переписи населения 2010 г. в городах проживало лишь 54,8% татарского населения региона, что значительно ниже показателя как в целом по области (70,9%), так и в целом по татарскому населению России (67,7%). Порог 50% рязанские татары впервые преодолели лишь в 1979 г. с отставанием от показателя в целом по региону почти на 10 лет. Вместе с тем при оценке урбанизированности татар Рязанской области следует иметь в виду, что значительная часть уроженцев татарских сел региона уезжали на заработки или на постоянное место жительства не в города соответствующего субъекта, а в Москву, Ленинград, Казань и прочие крупные города других регионов.

Интересные результаты показывает сравнение динамики роста/убыли татарского населения Рязанской области с некоторыми соседними регионами (таблица 5).

Татары Нижегородской области (образующие особую компактную этнотерриториальную группу на юго-востоке региона в Сергачском, Пильнинском, Краснооктябрьском районах) в период с 1939 по 1959 г. снизили численность на 24,08% (в целом по региону -7,21%), с 1959 по 1970 г. наблюдался рост численности татар региона на 7,16% (в целом по региону +0,79%). Далее в период 1970-2002 гг. наблюдалось неуклонное

снижение численности татар области на 29,5%. В 2002-2010 гг. данная тенденция убыли продолжилась. Стабильное снижение численности и доли (с 2,28% в 1939 г. до 1,33% в 2010 г.) татар Нижегородской области связано преимущественно с массовым исходом населения в города, в частности в Москву, с которой у татар данного региона существуют устойчивые миграционные связи. Реиммиграционного потока, обусловившего некоторый рост численности и доли татар в 1970-2002 гг., как в случае татар Рязанской области, в Нижегородской области не было. Что касается показателя урбанизированности, имеются значительные сходства: в 2010 г. лишь 56,1% татар Нижегородской области проживали в городах, что значительно ниже как показателей в целом по региону, так и в среднем по татарам РФ.

Таблица 4. Доля горожан среди татар Рязанской области и в общей численности населения региона, 1926-2010, %

Год	Доля горожан среди татар	Доля горожан в общем по области
1926	6,57	8,00
1939	13,71	9,72
1959	30,18	29,94
1970	40,86	47,09
1979	50,69	57,47
1989	54,39	65,00
2010	54,77	70,91

Источник: [Переписи населения... 2016].

Примечание: 1926 г. – данные по губернии.

Таблица 5. Численность татар ряда соседних с Рязанской областью субъектов и РСФСР/РФ в целом и их доля в общем населении регионов, 1926-2010

Год	Все население, тыс. чел.	В том числе татар, тыс. чел.	Татары, %	Горожан среди татар, %	Все население, тыс. чел.	В том числе татар, тыс. чел.	Татары, %	Горожан среди татар, %
Нижегородская область					Республика Мордовия			
1926	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.
1939	3869,9	88,2	2,28	14,52	1188,0	47,4	3,99	2,65
1959	3590,8	67,0	1,87	34,61	1000,2	38,6	3,86	15,05
1970	3682,5	71,8	1,95	39,44	1029,6	45,0	4,37	24,64
1979	3711,6	68,6	1,85	44,74	989,5	45,8	4,63	32,57
1989	3719,6	58,6	1,58	52,30	963,5	47,3	4,91	44,42
2002	3524,0	50,7	1,44	н.д.	888,8	46,3	5,21	н.д.
2010	3310,6	44,1	1,33	56,09	834,8	43,4	5,20	46,42
Пензенская область					РСФСР/РФ			
1926	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	100 891,2	3089,3	3,06	12,90
1939	1710,5	64,7	3,78	4,87	108 377,0	3683,0	3,40	22,00
1959	1509,6	62,2	4,12	10,79	117 534,3	4074,3	3,47	42,15
1970	1536,0	74,8	4,87	15,58	130 079,2	4755,1	3,66	49,68
1979	1510,3	78,2	5,18	21,22	137 409,9	5005,8	3,64	58,28
1989	1504,6	81,3	5,40	29,13	147 021,9	5522,1	3,76	65,79
2002	1452,9	86,8	5,97	н.д.	145 166,7	5554,6	3,83	н.д.
2010	1386,2	86,4	6,24	36,99	142 856,5	5310,6	3,72	67,72

Источник: [Переписи населения... 2016].

Татарское население соседней с Рязанской областью Мордовии в интересующий нас период с 1970 по 2002 г. оставалось практически неизменным (рост 2,9%). Следует отметить в целом очень высокую стабильность численности татар Мордовии (47,3 тыс. в 1939 г., 43,4 тыс. в 2010 г.), что на фоне падения численности республики в целом

оборачивается неуклонным ростом удельного веса. Что касается уровня урбанизации, то татарское население Мордовии в этом отношении схоже с татарским населением Рязанской области и даже превосходит в его в доле селян: лишь 46,4% татар региона живут в городах, что выделяется даже на фоне слабо урбанизированной Республики Мордовия в целом (60,4% горожан).

В Пензенской области татарское население, хотя и росло в период с 1970 по 2002 г., темпы роста (16,0%) были даже ниже показателей за одно предыдущее десятилетие 1959-1970 гг. (20,3%). С 2002 по 2010 г. татарское население региона практически не росло и не убывало (-0,4%), что отличает местные тенденции от таковых в Рязанской области.

МИГРАЦИИ ТАТАР РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ: НАПРАВЛЕННОСТЬ, ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ РАМКИ

В данной части исследования автор постарается дать по возможности детальную картину миграций татар с территории современной Рязанской области, указать основные направления, выявить причины миграций, их масштаб и последствия.

Из ряда научных публикаций известно, что некоторые этнотерриториальные группы татар имеют устойчивые связи «село» или «группа сел» – крупный город. Из наиболее характерных примеров таких связей можно привести связь татар Нижегородской области с Москвой и связь татар северо-запада Мордовии (темниковская группа) с Ленинградом/Санкт-Петербургом. Так, по данным Н.С. Гончаровой, в 1989 г. в Москве из числа татар, родившихся вне пределов города, 47% (32,7 тыс. человек) родилось в Горьковской (Нижегородской) области [Гончарова 2003: 146]. По данным Г.В. Старовойтовой, 38,2% мигрантов из числа татар прибыло в Ленинград из сел Мордовской АССР и Пензенской области. Г.В. Старовойтова объясняет это «устойчивостью раз сложившихся корреспонденций», т.е. «лучшей информированностью потенциальных мигрантов о том, что может дать им переселение, с другой – более легкого устройства на новом месте, возможности воспользоваться помощью земляков или родственников» [Старовойтова 1987: 57-58]. Логично предположить, что подобного рода связи могли сложиться и для татар Рязанской области.

Анализ нарративных источников

Согласно данным, представленным в ряде научных публикаций, а также публицистических статей о татарских селах Рязанской области, к основным направлениям миграции татар с территории региона в начале-середине XX в. можно отнести крупные города (Москва, Санкт-Петербург/Ленинград, Казань), крупнейшие промышленные районы (Донбасс, Баку) и, в наибольшей степени, регионы Средней Азии. Весьма интересным является также факт основания татарами-выходцами с территории современной Рязанской области села Куликовы Копани в Ставропольском крае, подтверждаемый рядом документов и нарративных источников. Вместе с тем местом притяжения наибольшего числа мигрантов из татарских сел Рязанской области стали именно регионы Средней Азии, в частности Узбекская ССР.

Связи татар Рязанской области со Средней Азией стали налаживаться еще до революции, и были, судя по всему, основаны на торгово-коммерческом взаимодействии. В одной из татарских газет 1914 г. приводится следующий отрывок о крупнейшем татарско-мишарском селе региона Азеево (ныне Ермишинского района): «Мусульмане Азеево богаты. Среди них даже есть несколько миллионеров. Основная торговля – с Бухарой. Поэтому их называют «бухарцы». Они прибрали к рукам все выгодные дела в Бухаре. Каракуль, кожа, пахта – всем этим занимаются азеевцы. Известные торговцы каракулем в Москве – тоже из Азеева»⁵. В энциклопедическом словаре «Ислам в центрально-европейской части России» про это же село говорится: «Подобно касимовским татарам, значительная часть жителей Азеево занималась обработкой и продажей меха (особенно каракуля), шелка из Средней Азии. Многие выходцы из Азеево уезжали в Андижан, Наманган, Бухару, Ташкент, Коканд, Самарканд, Хиву, а также в Москву, Санкт-Петербург, Оренбург, Петропавловск, Одессу. Они служили приемщиками хлопка, приказчиками. Со временем многие открывали собственное дело и торговали каракулем, хлопком, шелком, сухофруктами. С кон. 1920-х до конца 1940-х гг. продолжалась массовая миграция жителей Азеево в различные города Ср. Азии, а также в Москву» [Ислам... 2009: 11-13]. В этом же издании приводятся следующие сведения о селе Бастаново Сасовского района и ряде близлежащих татарских сел и деревень по реке Цна: «В начале 2000-х гг., по данным автора статьи (М.А. Сафаров, Д.З. Хайретдинов), относительно большим татарским селом остается только Бастаново, где увеличение населения произошло не только за счет естественного прироста, но и благодаря прибывшим на родину татарам из Средней Азии» [Ислам... 2009: 296]. «Сегодня вернувшиеся из Узбекистана бастановцы принимают наиболее активное участие в возрождении религиозной жизни в селе...» [Ислам... 2009: 38]. «Помимо возрождения религиозной жизни, был решен и ряд др. актуальных проблем. Среди них – в целом успешная адаптация татар, чьи предки или они сами выехали в Среднюю Азию и ныне вернулись на родину. Большинство этих людей имеют высшее образование, обладают высокой квалификацией, большую часть жизни прожили в городах, однако им удалось найти достойную работу в провинции. Характерно, что выходцы из Средней Азии принимали активное участие в возрождении мусульманских общин (например, в селе Бастаново)» [Ислам... 2009: 296].

В различных историко-краеведческих и генеалогических изданиях встречаются и сведения нарративного характера о выселении жителей татарских сел Рязанской области в Среднюю Азию в период коллективизации. Так, в монографии [Девликамов, Шарифуллина 2015] приводится следующий отрывок: «Житель г. Ташкента Акрем Ибрагимович Клеблеев написал нам, что его родители Клеблеев Ибрагим Азизович (годы жизни 1908-2003) и Клеблеева Магира Арифовна (годы жизни 1908-1988) родом из села Бастаново, откуда они уехали при «раскулачивании», бросив дом и солидное хозяйство, в Узбекистан, в г. Карши. У отца были братья Ислам и Фатех, сестры Кашифа и Фатиха, их дети сейчас живут в г. Ташкенте. ... По сообщению этого нашего информатора, очень много Клеблеевых и Клевлеевых, уроженцев села Бастаново, похоронены в г. Ташкенте на кладбище «Минор».

⁵ <http://www.idmedina.ru/medina/?6723>

Судя по некоторым публикациям, некоторую миграционную связь с регионами Средней Азии имели и касимовские татары, для которых, как уже говорилось, в отличие от татар-мишарей, была характерна более высокая мобильность, более активная вовлеченность в торговлю, промышленность, городской образ жизни и, как следствие, более широкий спектр возможных направлений миграций. «В советский период татарские села Касимовского района пришли в упадок: большинство населения выехало в Ленинград, Москву, города Средней Азии. В наше время постоянно проживающее здесь татарское население немногочисленно. Некоторые села стали полудачными, так как в них на летний период приезжают татары из Москвы и особенно из Санкт-Петербурга» [Ислам... 2009: 293].

Следует отметить, что миграция татарского населения в регионы Средней Азии, в частности в Узбекистан, в 1930-е-1950-е годы была общесоюзной тенденцией, включавшей в себя татар из самых разных регионов Центральной России, Поволжья и Урала. «Шестикратное увеличение численности татар в Казахстане и Средней Азии к концу 1950-х гг. по сравнению с 1930-ми объяснялось несколькими причинами. Во-первых, в 1944 г. в Среднюю Азию (главным образом, в Узбекистан) были насильственно депортированы крымские татары ... Во-вторых, крупная группа татар переселилась в Казахстан в годы освоения целинных земель. Кроме того, происходил в целом отток татарского населения из ряда районов Европейской части страны в Среднюю Азию. В итоге этих процессов в 1970-1980-е годы в Казахстане и Средней Азии численность татар достигла более чем 1 млн (самая крупная часть татарской диаспоры). Однако между 1979 и 1989 г. численность татар в этом регионе выросла крайне незначительно (с 1154,1 до 1179,5 тыс. человек). Это связано с начавшимся возвращением крымских татар на историческую родину, а также с миграцией других групп татар за пределы Средней Азии» [Татары 2001: 155-158]. Последнее указанное в цитате обстоятельство, на наш взгляд, весьма хорошо коррелирует с выявленным трендом несколько неожиданного роста численности татар Рязанской области в 1970-2002 гг., особенно усилившимся в период с 1979 по 1989 г. В данном явлении почти наверняка присутствует фактор реэмиграции татар Рязанской области из регионов Средней Азии.

Упомянутая ранее основная причина миграций татар Рязанской области в Узбекистан и прочие республики региона – раскулачивание – также в целом вписывается в общую канву социально-политических процессов в РСФСР, в значительной степени затронувших и татарское население. «В то же время с началом массовой коллективизации крестьянских хозяйств активизировалась миграция татарского населения в Среднюю Азию и Закавказье, особенно из Среднего Поволжья. Побросав свои хозяйства и земельные наделы, многие крестьяне ушли на различные стройки, нефтяные промыслы и шахты. Так, например, из сопредельных мест с Пензенской, Саратовской и Симбирской областями татары с семьями переселились на нефтяные промыслы Баку, из Татарстана – в республики Средней Азии (где они осели и образовали многочисленную татарскую диаспору). В результате активизации миграции среди сельского населения в 1930-1931 гг. начался массовый отток колхозного крестьянства из коллективных хозяйств. Так, вследствие массового выхода сельских жителей из колхозов количество обобщественных крестьянских хозяйств в Пензенской области сократилось до 25,2%. Процесс миграции

татарского населения в какой-то мере приостановил введение паспортной системы в сельской местности, которое жестко прикрепило бы их к колхозно-совхозной системе. В документах встречаются также данные о саботаже, поджогах и уничтожении колхозного имущества, убийстве активистов коллективной жизни и т.п. Таким образом, процесс коллективизации в татарских деревнях происходил крайне сложно. Процент кооперированного татарского крестьянства во многих местах компактного проживания татар Среднего Поволжья и Приуралья в середине 1930-х гг. был намного ниже аналогичных показателей по русским селам» [История татар... 2013: 300]. «Формирование национального состава [Узбекской ССР] в этот период (1926-1939) происходило под воздействием сложной экономической и социально-политической ситуации в бывшем Союзе. В социально-политическом плане это сопровождалось гражданской войной, повсеместными массовыми репрессиями. Репрессиям подвергались относительно зажиточные слои сельского населения – «кулаки», научная и творческая интеллигенция, целые народы. В экономическом плане этот период характеризуется рядом экономических проблем, которые катастрофически сказались на многих регионах бывшего Союза. Все это и ряд других катаклизмов в советском обществе стали причиной миграции населения из многих республик Советского Союза в Узбекистан и другие республики Центральной Азии. Миграция в этот регион осуществлялась в самых различных формах, но в основном преобладала принудительная, вынужденная и добровольно-стихийная миграция. ... Вынуждено было мигрировать из России, главным образом из ее мусульманских республик, и население, находившееся под угрозой раскулачивания и политических гонений» [Ата-Мирзаев и др. 2011: 96-97].

Методика работы с ОБД «Мемориал»

В условиях скудной статистической базы по местам выезда и въезда мигрантов, в особенности в период 1930-х гг., когда, предположительно, территорию Рязанской области покинула самая значительная волна мигрантов (учитывая причины переселений, следует также понимать, что почти наверняка многие покидали родные места неофициально), автор счел возможным обратиться к косвенным источниковым базам. Самым репрезентативным и надежным документальным источником по вопросу о направлениях миграций татар Рязанской области является Обобщенный банк данных (ОБД) «Мемориал» [ОБД... 2016], созданный по инициативе Минобороны РФ в 2007 г. и содержащий почти 17 млн цифровых копий документов о безвозвратных потерях и 20 млн именных записей о потерях Красной Армии в Великой Отечественной войне.

В указанных целях работа с ОБД «Мемориал» производится следующим образом. В разделе «Расширенный поиск» в строке «место рождения» необходимо ввести название того или иного населенного пункта (из списка М.А. Сафарова [Ислам... 2009: 293], Д.М. Исхакова [Этнотерриториальные группы... 2002: 98, 100, 105-106] и Ф.Л. Шарифуллиной [2004: 122]). В некоторых случаях, для более точного поиска и исключения из списка одноименных населенных пунктов из других регионов, нужно вводить уточняющие слова (например, «Бастаново» или «Бастаново Сасовский»). В ряде случаев, когда один и тот же населенный пункт может записываться по-разному, нужно ввести последовательно оба варианта (например, «Чернышево» и «Чернышово»), суммировав данные. В выдаваемых системой списках при нажатии на каждую запись можно увидеть сведения о месте призыва

- по городским (ГВК) или районным (РВК) военным комиссариатам. Кроме того, в прилагающейся отсканированной версии официального документа в ряде случаев можно почерпнуть некоторые дополнительные сведения – место проживания ближайших родственников и др.

Результаты анализа ОБД «Мемориал»

Ниже приводится краткий перечень результатов по каждому населенному пункту.

Из 24 уроженцев села Бастаново Сасовского района были выбраны 23 человека с татарскими ФИО, из них 14 призваны Сасовским РВК, 5 – различными РВК/ГВК Узбекской ССР, 1 – Благодарненским РВК (Ставропольский край). Из 17 уроженцев села Тархань Каверинского (ныне Сасовского) района – 14 человек с татарскими ФИО, из них 7 призваны Каверинским РВК, 6 – различными РВК/ГВК Узбекской ССР, 1 – неизвестным РВК г. Владивосток, 3 – неизвестным ВК. Из 111 уроженцев села Алешино Сасовского района – 8 человек с татарскими ФИО, из них 3 призваны Сасовским РВК, 2 – РВК/ГВК Узбекской ССР, по 1 – РВК/ГВК Казахской ССР и Мурманской области, 1 – неизвестным ВК. Из 153 уроженцев сел Малый и Большой Студенец Каверинского (ныне Сасовского) района – 9 человек с татарскими ФИО, из них 4 призваны Каверинским РВК, по 1 – в г. Москва и Сталинградской области, 3 – неизвестными ВК. Из 136 уроженцев села Азеево Ермишинского района – 117 человек с татарскими ФИО, из них 49 призваны различными РВК Рязанской области, 34 – РВК/ГВК Узбекской ССР, 7 – РВК/ГВК Киргизской ССР, по 2 – РВК/ГВК Туркменской и Таджикской ССР, Татарской АССР, 22 – прочими или неизвестными ВК. Из 17 уроженцев села Верки Кадомского района – 10 человек с татарскими ФИО, из них различными ВК Рязанской области призвано 6 человек, ВК Узбекской ССР – 3, РВК г. Москвы – 1. Из 11 уроженцев села Чернышево (Чернышово) Кадомского района – 11 человек с татарскими ФИО, из них различными ВК Рязанской области призваны 4 человека, Киргизской ССР – 2, Узбекской, Украинской ССР и г. Ленинграда – по 1, неизвестными ВК – 2. Из 24 уроженцев села Иванково Ермишинского района – 15 человек с татарскими ФИО, из них различными ВК Рязанской области призваны 7, ВК г. Москвы – 3, Узбекской ССР – 2, Горьковской области – 1, неизвестными ВК – 2. Из 5 уроженцев села Молочная Гора Кадомского района – 1 человек с татарской ФИО, призван в Узбекской ССР.

Татарские села Касимовского района. В селе Толстиково выбраны 9 человек из 14 с татарскими ФИО, из них 8 призваны Касимовским РВК, 1 – Тюменским (?) РВК. В селе Мунтово – 9 из 10 человек с татарскими ФИО, из них 8 призваны Касимовским РВК, 1 – РВК г. Ленинграда. В селе Четаево – 0 из 22 человек с татарскими ФИО. В селе Барамыково (Баромыково) – 1 из 15 человек с татарскими ФИО, призван РВК Ленинградской области. В селе Собакино – 3 человека из 3с татарскими ФИО, все призваны Касимовским РВК. В селе Шилино – 12 человек из 13 с татарскими ФИО, из них 8 призваны Касимовским РВК, 1 – РВК г. Ташкент Узбекской ССР, 1 – Московской области, 2 – неизвестными РВК. В селе Коверское – 0 из 12 человек с татарскими ФИО. В селе Поддипки – 18 из 20 человек с татарскими ФИО, из них 12 призваны Касимовским РВК, 2 – ВК г. Ленинграда и Ленинградской области, 4 – прочими РВК/ГВК. В селе Болотце (Болотцы) выбраны 7 из 10 человек с татарскими ФИО, из них 3 призваны Касимовским РВК, 1 – ГВК г. Рязань, 2 – ВК

г. Ленинграда и Ленинградской области, 1 – в г. Москве. В селе Торбаево (Тарбаево) – 17 из 23 человек с татарскими ФИО, из них 8 призваны Касимовским РВК, 4 – ВК г. Ленинграда и Ленинградской области, 5 – прочими или неизвестными ВК. В селе Царицыно (Царицыно) – 9 из 12 человек с татарскими ФИО, из них 5 призваны Касимовским РВК, 1 – РВК Архангельской области, 3 – прочими или неизвестными ВК.

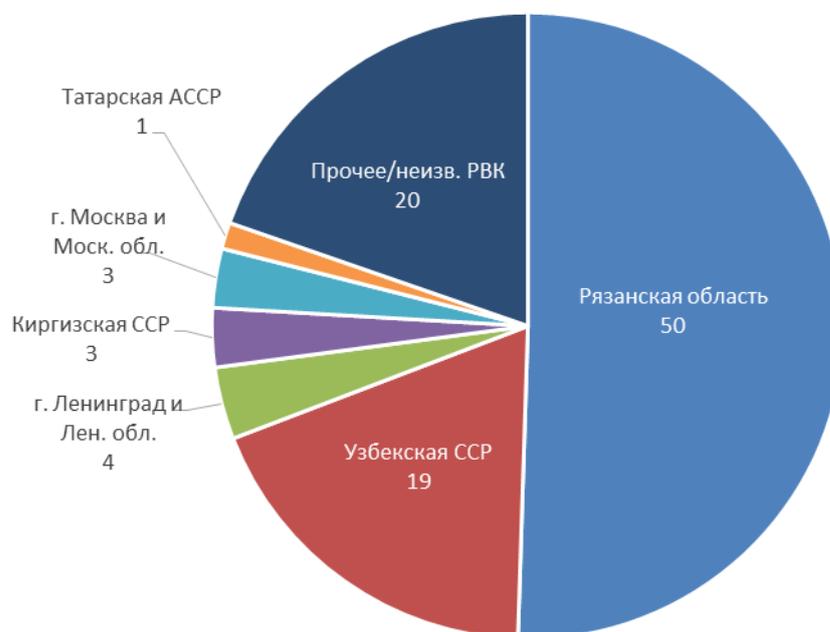

Рисунок 3. Регионы призыва в РККА уроженцев татарских сел Рязанской области, % от общего числа призванных

При рассмотрении ситуации в целом по татарским селам Рязанской области (рисунок 3) вырисовывается следующая картина: около половины (50,5%) их уроженцев, погибших в Великой Отечественной войне, было призвано в РККА в регионе рождения – в самой Рязанской области, в подавляющем большинстве – своими районными военными комиссариатами. Иными словами, эта половина представляет собой не уехавших, оставшихся в родных селах. На втором месте с явным отрывом идет Узбекская ССР: отсюда в годы Великой Отечественной войны было призвано 18,7% уроженцев татарских сел Рязанской области. Всего же на республики Средней Азии приходится 23%. 3,7% приходится на Ленинград и Ленинградскую область, 3% – на Москву и Подмоскowie. Учитывая тот факт, что почти половина покинувших Рязанскую область уроженцев татарских сел призваны в Узбекской ССР и прочих республиках Средней Азии, можно считать как минимум доказанной важнейшую роль данного региона в миграционной структуре и связях татар Рязанской области, и прежде четко прослеживавшуюся по нарративным материалам и в ряде публицистических источников.

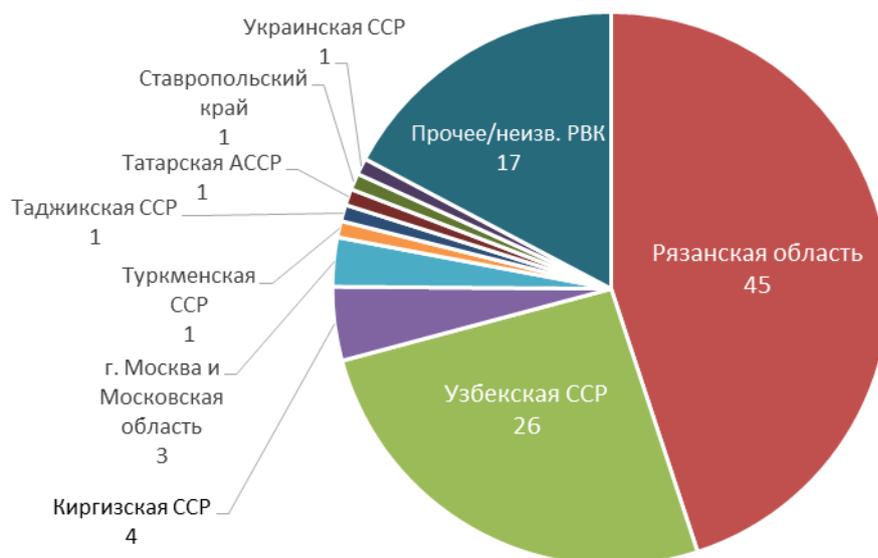

Рисунок 4. Регионы призыва в РККА уроженцев татарско-мишарских сел Рязанской области, % от общего числа призванных

При рассмотрении отдельно татарско-мишарских сел области (Ермишинский, Кадомский, Сасовский районы; рисунок 4) доля Узбекской ССР, равно как и доля всех республик Средней Азии, увеличивается еще более, достигая 25,8 и 32% соответственно. Параллельно резко, почти до нуля, уменьшается доля Ленинграда и Ленинградской области, доля Москвы и Подмоскovieя остается почти неизменной. Важно отметить, что при отдельном рассмотрении татарско-мишарских сел уменьшается доля самой Рязанской области – до 45%, что говорит о более активных миграционных процессах в их среде в целом.

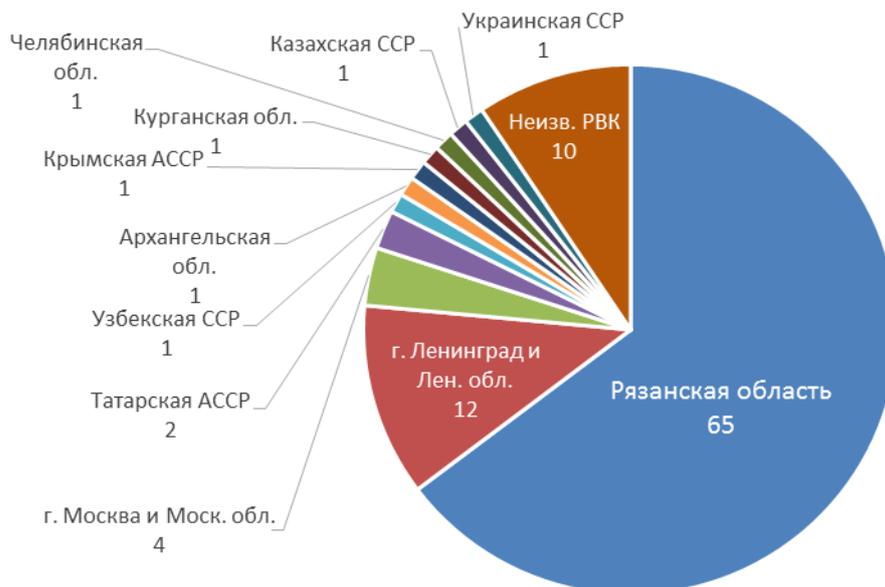

Рисунок 5. Регионы призыва в РККА уроженцев касимовско-татарских сел Рязанской области, % от общего числа призванных

При отдельном рассмотрении касимовских татар (Касимовский район; рисунок 5) бросается в глаза резкое увеличение доли самой Рязанской области (до 64,8%), что говорит о пониженной миграционной активности на фоне татарско-мишарских сел региона. Резко падает роль республик Средней Азии при одновременном (до 11,8%) росте доли Ленинграда и Ленинградской области, которые выходят на второе место, на третьем (3,5%) – Москва и Подмосковье.

О том, что связи татар Рязанской области со Средней Азией не носят случайного характера, свидетельствует и тот факт, что во многих случаях в оригиналах документов, представленных в ОБД «Мемориал», присутствуют данные о родственниках, проживающих в различных городах Узбекской, Киргизской, Туркменской ССР и др., иными словами, призванные в РККА из этих республик уроженцы татарских сел проживали в них не одни, а вместе с семьями. По этим же данным можно судить, что татары – выходцы из Рязанской области селились преимущественно в городах (Ташкент, Самарканд, Бухара, Наманган, Фергана, Андижан, Ургенч и др.), а не в сельской местности Средней Азии.

Учитывая, что годы рождения большинства призывников – уроженцев татарских сел Рязанской области находятся в диапазоне с 1900 по 1925 г., можно предположить, что пик миграции пришелся на 1920-е – 1930-е годы, что подтверждает данные нарративных источников.

Выводы

Основные выводы, сделанные по итогам настоящего исследования.

1. Начиная с 1920-х годов наблюдается сначала падение численности татарского населения Рязанской области до 1970 г., рост в 1970-2002 гг. и последующее повторное падение с 2002 г. При этом указанная динамика падения не коррелирует с таковой в соседних регионах с татарским населением и в России в целом, обладая собственными характерными чертами, в частности периодом роста с 1970 по 2002 г.
2. Средняя Азия (и особенно Узбекистан) играет большую роль в миграционных потоках татарских сел Рязанской области. Данный регион является устойчивым ядром рязанско-татарской диаспоры, наподобие того, какую роль играет Москва для нижегородских татар и Ленинград/Санкт-Петербург для татар северо-запада Мордовии. При этом данный вывод в большей степени характерен для татарско-мишарских сел области, расположенных в Ермишинском, Кадомском и Сасовском районах.
3. Причинами миграций, учитывая выводы, полученные при анализе статистических материалов и сопоставлении их с имеющимися научными исследованиями, стали в первую очередь «чрезвычайные меры» в советской деревне конца 1920-х годов, коллективизация 1929-1933 гг., голод начала 1930-х годов, а также в определенной мере и репрессии по религиозному признаку.
4. Фактор роста татарского населения Рязанской области в 1970-2002 гг., особенно заметный на рубеже 1980-х – 1990-х годов, с большой долей вероятности может быть объяснен реиммиграционными потоками из республик Средней Азии в связи с общим ухудшением социально-экономической обстановки в этом регионе и

дезинтеграционными процессами. Повторное падение численности татар Рязанской области, наблюдаемое с 2002 г., может быть объяснено иссяканием указанного реиммиграционного потока с последующим возвращением к общей тенденции естественной убыли населения

5. Как в отношении динамики роста/убыли численности населения в ареалах проживания, так и в отношении направленности миграционных потоков две основные этнотерриториальные группы татар Рязанской области (касимовские татары и татары-мишари) имеют четкие особенности, отличающие их друг от друга. Для касимовских татар характерна прослеживаемая еще с XIX в. естественная убыль, меньшая тенденция к выезду на жительство за пределы региона (соответственно, сокращение численности за счет более активных ассимиляционных процессов). Среди выезжавших в другие регионы в начале – середине XX в. значительная доля приходилась на крупные центры: Москву и особенно Ленинград и пригороды. Для татар-мишарей Рязанской области более характерен стремительный рост численности в начале XX в., большая тенденция к выезду на жительство в другие регионы, среди которых особое место занимает Средняя Азия и особенно Узбекистан. Данные регионы были освоены отдельными представителями торгового сословия рязанских татар еще на рубеже XIX-XX вв., и впоследствии массовая миграция в данный регион легла на подготовленную почву.

На взгляд автора, имеются широкие перспективы дальнейшего изучения татар Рязанской области и других областей Центральной России сразу по нескольким направлениям, в частности в исследованиях процессов ассимиляции, смены/сохранения национальной и религиозной идентичности, а также демографического перехода и обуславливающих его факторов

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор выражает признательность С.Г. Сафронову и М.С. Савоскул за ценные рекомендации при сборе материала и написании статьи.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ОБД - Обобщенная база данных

ГВК - Городской военный комиссариат

РВК - Районный военный комиссариат

ВК - Военный комиссариат

ЛИТЕРАТУРА

- Ата-Мирзаев О.Б., В.Л. Гентшке, Р.Х. Муртазаева (2011). Узбекистан многонациональный: историко-демографический аспект. Ташкент: Янги аср авлоди. 251 с.
- Гончарова Н.С. (2003). Татары в Москве: Опыт историко-статистического исследования: дис. ... канд. ист. наук. М: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.
- Девликамов А.А., Ф.Л. Шарифуллина (2015). Очерки по истории и культуре села Бастаново. Шацк: Шацкая типография. 359 с.
- Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств (2016) // Демоскоп Weekly. №695-696. URL: <http://demoscope.ru/weekly/pril.php> (дата обращения: 10.07.2016).
- Ислам в центрально-европейской части России (2009). Энциклопедический словарь / Под ред. Д.З. Хайретдинова. М.: Медина. 403 с.
- История татар с древнейших времен (2013). Т.7. Татары и Татарстан в XX – начале XXI в. / Под ред. Р.С. Хакимова, Р.Р. Салихова. Казань: Институт истории Академии наук Республики Татарстан. 1003 с.
- Исхаков Д.М. (1993). Этнографические группы татар Волго-Уральского региона: Принципы выделения, формирование, расселение и демография. Казань: ИЯЛИ. 172 с.
- Макаров Д.В. (2012). Дорогами ислама Центральной России. М.: Марджани. 205 с.
- Мухамедова Р.Г. (1972). Татары-мишари: Историко-этнографическое исследование. М.: Наука. 248 с.
- ОБД «Мемориал» (2016). Обобщенный банк данных «Мемориал» о потерях Красной Армии в Великой Отечественной войне. Москва: Министерство обороны РФ. URL: <https://www.obd-memorial.ru/html/advanced-search.htm> (дата обращения: 10.07.2016).
- Старовойтова Г.В. (1987). Этническая группа в современном советском городе. Л.: Наука. 174 с.
- Татары (2001). Серия «Народы и культуры» / Под ред. Р.К. Уразмановой, С.В. Чешко. М.: Наука. 582 с.
- Шарифуллина Ф.Л. (2004). Касимовские татары: историко-этнографическое исследование традиционной народной культуры середины XIX – начала XX в. // Рязанский этнографический вестник. №33: 2-127.
- Этнотерриториальные группы татар Поволжья и Урала и вопросы их формирования. Историко-этнографический атлас татарского народа (2002) / Под ред. Р.К. Уразмановой, Н.А. Халикова. Казань: Дом печати. 247 с.

TATARS OF THE RYAZAN REGION IN THE XX CENTURY: GEOGRAPHY OF SETTLEMENT, POPULATION DYNAMICS, MIGRATION TRENDS

RENAT TEMIRGALEEV

The article discusses various demographic and migration processes among the Tatars of the Ryazan region, consisting of two ethno-territorial groups – Kasimov Tatars and Mishar Tatars. The analysis of statistical data, narrative sources, and data from the "Memorial" database of the dead and missing in the Great Patriotic war, revealed a special and leading role of Central Asia (especially Uzbekistan) in migration patterns of the Tatars of the Ryazan region. It was found that the two main groups of Tatars in the Ryazan region – Kasimov Tatars and Mishar Tatars – have distinct features, clearly distinguishing them from each other both in terms of the dynamics of growth/decline of population in their habitats of residence, and in the direction of their migration flows. An original method of identifying directions of migration flows was also developed based on the "Memorial" database, which contains documents on the irretrievable losses of the Red Army in World War II by the criterion of "place of birth – place of recruiting".

Key words: Central Asia, Demographics, Kasimov Tatars, "Memorial", migration, Mishar Tatars, Ryazan region, Tatars.

RENAT F. TEMIRGALEEV (renattemirgaleev@yandex.ru), LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY, RUSSIA.

DATE RECEIVED: JUNE 2016.

REFERENCES

- Ata-Mirzayev O.B., V.L. Gentshke, R.H. Murtazayeva (2011). Uzbekistan mnogonatsional'nyy: istoriko-demograficheskiy aspekt [Uzbekistan multinational: Historical and demographic aspect]. Tashkent: Yangi asr avlodi . 261 p.
- Devlikamov A.A., F. L. Sharifullina (2015). Ocherki po istorii i kul'ture sela Bastanovo [Essays on the history and culture of the Bastanovo village]. Shatsk: Shatskaya tipografiya. 359 p.
- Etnoterritorial'nye gruppy tatar Povolzh'ya i Urala i voprosy ikh formirovaniya. Istoriko-etnograficheskiy atlas tatarskogo naroda [Ethno-territorial groups of Tatars of the Volga region and the Urals and the issues of their formation. Historical-ethnographic atlas of the Tatar people] (2002) / R.K. Urazmanova, N.A. Khalikov, eds. Kazan: Dom pechati. 247 p.
- Goncharova N.S. (2003). Tatary v Moskve: Opyt istoriko-statisticheskogo issledovaniya: dis. ... kand. ist. nauk [Tatars in Moscow: Experience of the historical-statistical research: PhD Thesis]. Moscow: Institut etnologii i antropologii im. N.N. Miklukho-Maklaya RAN.
- Iskhakov D.M. (1993). Etnograficheskie gruppy tatar Volgo-Ural'skogo regiona: Printsipy vydeleniya, formirovanie, rasselenie i demografiya [Ethnic groups of Tatars of the Volga-Ural region: Principles of selection, formation, settlement, and demography]. Kazan: IYaLI. 172 p.
- Islam v tsentral'no-evropeyskoy chasti Rossii [Islam in the Central European part of Russia] (2009) Entsiklopedicheskiy slovar' [Encyclopedic Dictionary] / D.Z. Khairetdinov, ed. Moscow: Medina. 403 p.
- Istoriya tatar s drevneyshikh vremen [History of Tatars since antiquity] (2013). T.7. Tatary i Tatarstan v XX – nachale XXI v. [Vol.7. Tatars and Tatarstan in the XX – beginning of XXI

- century] / R.S Khakimov, R.R.Salikhov, eds. Kazan: Institut istorii Akademii nauk Respubliki Tatarstan. 1003 p.
- Makarov D.V. (2012). Dorogami islama Tsentral'noy Rossii [Roads of Islam in Central Russia]. Moscow: Mardzhani. 205 p.
- Mukhamedova R.G. (1972). Tatory-mishari: Istoriko-etnograficheskoe issledovanie [Mishar Tatars: Historical and ethnographic research]. Moscow: Nauka. 248 p.
- OBD «Memorial» [«Memorial» database] (2016). Obobshchennyi bank dannykh «Memorial» o poteryakh Krasnoy Armii v Velikoy Otechestvennoy voyne [Generalized data bank about the losses of the Red Army in World War II «Memorial»]. Moscow: Ministerstvo oborony RF. URL: <https://www.obd-memorial.ru/html/advanced-search.htm> (accessed: 10.07.2016).
- Perepisi naseleniya Rossiyskoy Imperii, SSSR, 15 novykh nezavisimykh gosudarstv [Censuses of the Russian Empire, the Soviet Union, 15 new independent states] (2016) // Demoscope Weekly. №695-696. URL: <http://demoscope.ru/weekly/pril.php> (accessed: 10.07.2016).
- Sharifullina F.L. (2004). Kasimovskie tatory: istoriko-etnograficheskoe issledovanie traditsionnoy narodnoy kul'tury serediny XIX – nachala XX v. [Kasimov Tatars: Historical and ethnographic research of traditional folk culture of the mid XIX – early XX century] // Ryazanskiy etnograficheskiy vestnik. 33: 2-127.
- Starovoytova G.V. (1987). Etnicheskaya gruppa v sovremennom sovetskom gorode [Ethnic group in the modern Soviet city]. Leningrad: Nauka. 174 p.
- Tatory [Tatars] (2001). Seriya “Narody i kul'tury” [“Peoples and Cultures” series] / R.K. Urazmanova, S.V. Cheshko, eds]. Moscow: Nauka. 582 p.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕГИСТРОВ НАСЕЛЕНИЯ ДЛЯ УЧЕТА И АНАЛИЗА НЕЗАРЕГИСТРИРОВАННЫХ БРАКОВ

ЕКАТЕРИНА ТРЕТЬЯКОВА, АЛЛА МАКАРЕНЦЕВА

Рассматриваются возможности и ограничения использования регистров населения для изучения тенденций брачности, в фокусе внимания авторов находятся вопросы учета разных типов незарегистрированных браков. Описана европейская практика их оформления (зарегистрированные партнерства, соглашения о сожительстве). Статья носит обзорный характер, в ней раскрываются особенности функционирования современных регистров населения в развитых странах, которые имеют богатые возможности для исследования демографического поведения населения. К их преимуществам относятся покрытие всего населения региона, низкие издержки извлечения данных, актуальность данных и возможность проведения лонгитюдного анализа семейных отношений. Показаны основные методологические сложности использования регистров для учета незарегистрированных браков и пути их преодоления: использование информации об адресе проживания граждан, совместных детях. Выявлены различия между методологией регистров в разных странах, в том числе по учету иностранных граждан.

В статье представлен обзор зарубежных исследований, использующих данные регистров для изучения института брака: для оценок распространенности незарегистрированных брачных союзов, их длительности, факторов формирования и прекращения, а также влияния пребывания в том или ином типе партнерства на репродуктивное поведение и продолжительность жизни.

Ключевые слова: *источники данных, регистры населения, брачность, незарегистрированные браки, сожительства.*

ВВЕДЕНИЕ

Современные регистры населения – один из важнейших источников демографических данных. Они используются для комплексного анализа естественного и миграционного движения населения, широко применяются в исследовании связей социально-экономического и демографического развития, являются ключевым источником эмпирических данных для анализа наступлений событий жизни и верификации теории жизненного пути. В настоящей работе рассматриваются возможности и ограничения использования регистров населения для изучения тенденций брачности, а в фокусе внимания находятся незарегистрированные браки.

ЕКАТЕРИНА АЛЕКСЕЕВНА ТРЕТЬЯКОВА (treyakova-ea@ranepa.ru), Институт социального анализа и прогнозирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия.

АЛЛА ОЛЕГОВНА МАКАРЕНЦЕВА, Институт социального анализа и прогнозирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия.

Статья поступила в редакцию в июне 2016 г.

Развитие института семьи находится в тесной связи с воспроизводством населения, рождаемостью условных и реальных поколений женщин. Без изучения тенденций формирования брачных союзов (зарегистрированных и незарегистрированных, первых и повторных, детных и бездетных) невозможно получить корректное представление о трансформации репродуктивного поведения современных мужчин и женщин. Между тем в ряду демографических процессов изучение брачности сталкивается едва ли не с самыми большими сложностями в получении эмпирической информации. По мере усложнения индивидуальных матримониальных биографий нехватка подходящих баз (содержащих не только текущие, но и ретроспективные данные обо всех типах союзов) ощущается особенно остро.

Переписи населения содержат слишком скудный перечень вопросов, не всегда позволяющий оценить даже распространенность незарегистрированных браков (как в России, например¹). Специализированные выборочные обследования населения являются одним из наиболее популярных источников информации о брачности, так как позволяют собирать достаточно детальные сведения, однако к их недостаткам относятся небольшие размеры выборок (они редко превышают 10-15 тыс. респондентов), смещения характеристик выборочной совокупности относительно всего населения и невысокая достоверность ответов на чувствительные биографические вопросы. Традиционные данные органов, регистрирующих брак, могут представлять большую ценность для изучения процессов заключения и распада официальных браков, особенно, если перечень сопутствующих характеристик супругов достаточно обширен, а сами данные представлены в индивидуальном виде. Регистры населения представляют собой источник административных данных, особенностью которого является полнота учета населения, высокая достоверность ретроспективных данных, наличие информации не только о демографических событиях жизни конкретного индивида и членов его (ее) домохозяйства, но и об их социально-экономических характеристиках. Использование регистров для исследовательских целей возможно в тех странах, где они не просто существуют, но и налажена передача данных из них для нужд статистического учета и исследовательских запросов. Особенностью международного подхода к работе с регистрами является организация доступа к анонимизированным массивам индивидуальных данных, как правило, в формате реляционных баз. Кроме того, общей практикой является предоставление возможности объединения информации из регистров с переписями населения и другими источниками данных.

Настоящая работа носит обзорный характер, раскрывая особенности функционирования современных регистров населения. В России такого доступного для исследователей источника данных нет, поэтому он редко становится предметом научного интереса. Если обратиться к отечественной литературе, посвященной изучению незарегистрированных браков с помощью регистров населения, то данное поле оказывается практически неосвоенным. Немногие существующие работы посвящены в основном

¹ В российских переписях вопрос о регистрации брака фактически является подвопросом к факту состояния в браке, что приводит к отрицательным ответам респондентов, не идентифицирующих совместное проживание с партнером как «брак». Кроме того, отсутствуют дополнительные критерии (длительность союза). При такой методологии оценки распространенности явления оказываются некорректными.

возможностям проведения анализа брачности и разводимости на основе данных российских ЗАГСов. В частности, Е.И. Иванова [Иванова 2012] провела анализ изменения учета населения, в том числе брачности и разводимости, в актах учета гражданского состояния с 1997 г. В результате исследования автором был предложен ряд мер по повышению эффективности современной системы текущего учета населения, среди которых следует выделить внесение в регистры сведений о месте постоянного жительства и продолжительности проживания в нем для лиц, вступающих в брак, а также регистрирующих рождение ребенка.

Ряд русскоязычных работ посвящен использованию данных регистров в переписях населения, в них отмечаются относительно более низкие издержки и высокая актуальность данных, предоставляемых регистрами населения [Клупт, Никифоров 2010; Пьянкова 2014]. В статье Л.В. Андриченко и М.А. Мещерякова проводится анализ использования данных регистров населения в переписях населения на примере Финляндии, Швейцарии и Белоруссии [Андриченко, Мещеряков 2012], рассматриваются возможности для создания централизованного регистра населения в России.

Г.Ш. Бахметова и А.А. Исупов рассматривали зарубежный опыт использования регистров населения для демографического анализа [Бахметова, Исупов 1999]. В их работе также есть обзор функционирования регистров по состоянию на конец XX века, способов получения и обработки информации из них, однако вопросы изучения незарегистрированных браков в ней не затрагиваются.

В целом можно отметить, что если вопросы изучения брачности и разводимости на основе регистров населения присутствуют в работах российских авторов, то проблематика учета и анализа незарегистрированных браков остается неизученной.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ И СПЕЦИФИКА РЕГИСТРОВ НАСЕЛЕНИЯ

Начало использования регистров населения было положено в северных странах: еще в 1953 г. Исландия ввела первый единый централизованный государственный регистр населения. В период с 1964 по 1969 г. центральные регистры населения были учреждены во всех скандинавских странах: в 1964 г. в Норвегии, в 1967 г. в Швеции, в 1968 г. в Дании, в 1969 г. в Финляндии. В настоящее время централизованные регистры населения используются уже в большинстве европейских стран, однако наиболее полная информация предоставляется регистрами скандинавских стран (рисунок 1).

Стоит отдельно выделить систему учета населения Нидерландов, в которой отсутствует общий центральный регистр населения: локальные регистры находятся под ответственностью местных администраций, которые обмениваются данными в рамках единой онлайн-системы [Poulain, Herm 2013: 189]. При этом ведение локальных регистров населения началось в Нидерландах еще в 1850 г. Во многих странах, например в Германии, Греции, Италии, на Кипре и Мальте, региональные регистры населения функционируют автономно и не связаны в единую сеть. В Великобритании и Франции также существуют регистры населения, но в них не указывается место жительства, что делает невозможным учет сожительствующих пар по факту общего адреса их проживания.

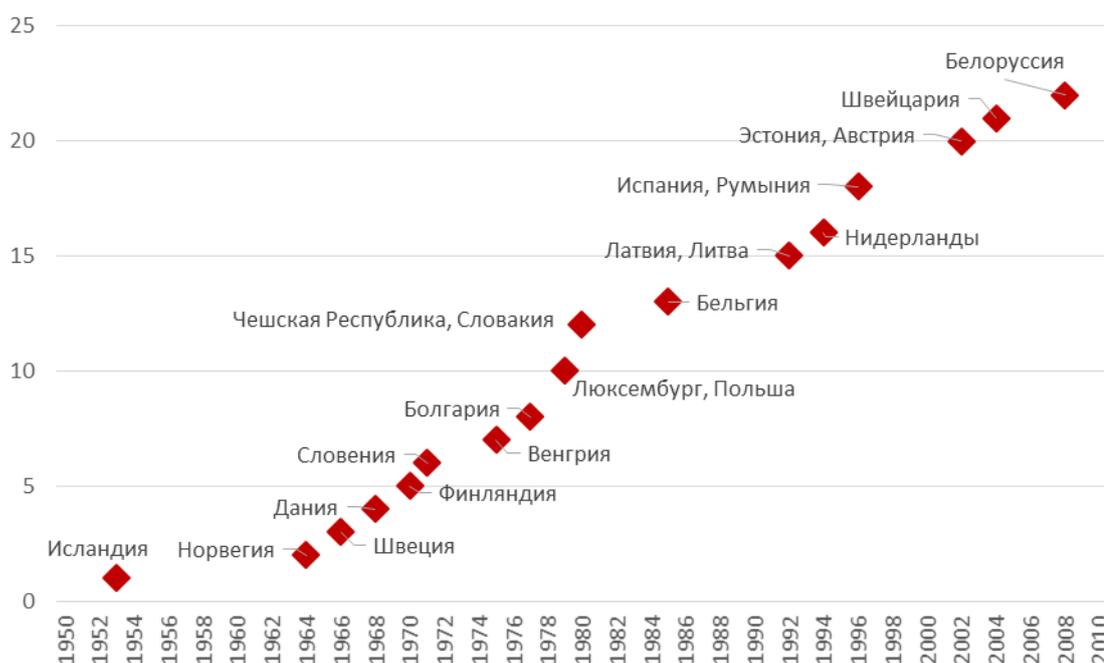

Рисунок 1. Перечень стран, использующих централизованные регистры населения

Источник: [Poulain, Herm 2013: 190].

Интересен также опыт Швейцарии, где статистический учет населения и домохозяйств строится на основе административных данных, данных унифицированных регистров населения общин и кантонов, данных автоматизированного регистра актов гражданского состояния Конфедерации, данных центральной миграционной информационной системы, а также данных информационной системы Федерального департамента иностранных дел. Сбор и унификация информации происходит с помощью платформы электронного обмена данными (SEDEX) благодаря персональным идентификационным номерам, присваиваемым гражданам.

Одним из базовых условий создания статистической системы, основанной на регистрах населения, является то, что каждому жителю страны присваивается уникальный идентификационный номер, который делает возможным построение связей между детьми и родителями, супругами и партнерами. Адрес проживания граждан можно проследить на протяжении многих лет, что делает возможным лонгитюдный анализ, в том числе брачно-партнерских отношений.

Еще с 1960-х годов ведется дискуссия о замене традиционной переписи населения переписями, основанными на данных регистров населения. Переписи на основе регистров охватывают все население, требуют значительно меньших как временных, так и денежных затрат и предоставляют наиболее актуальные данные. В переписях 2010-2011 гг. к данному способу учета уже обратились скандинавские страны, а также Австрия.

При использовании данных регистров населения в международных сравнениях следует помнить, что получаемые из них сведения нередко оказываются неполными либо несопоставимыми между странами. Главным источником расхождений являются различия в подходах к определению термина «сожительство» и способам учета сожительствующих

пар. Это касается даже стран с наиболее продолжительной историей ведения регистров: например, в Норвегии пара может быть отнесена к проживающим совместно (*cohabitating*) только в случае наличия у нее общего ребенка, в то время как в Швеции и Финляндии для получения данного статуса достаточно факта постоянного совместного проживания и ведения общего хозяйства. Более того, в норвежский и голландский регистры населения включаются иностранные граждане (в Нидерландах с января 2014 г.), а в датском и шведском регистрах учитываются только резиденты этих стран.

В 1992 г. было проведено исследование достоверности данных регистров населения «3Bbis», в рамках которого гражданам задавались те же вопросы, которые входят в регистры населения. В результате исследования выяснилось, что данные регистров не учитывают 4% мигрантов, 20% детей, покинувших родной дом, 22% домохозяйств, состоящих из пары, проживающей без регистрации брака [Poulain, Herm 2013: 196]. Допущение подобных неточностей происходит благодаря временному лагу, с которым административные офисы получают информацию о смене места жительства граждан.

А.И. Пьянкова отмечает, что данные регистров несколько завышают численность населения по сравнению с данными сплошного учета, так как часть населения после отъезда из страны не снимается с учета [Пьянкова 2014]. С данной проблемой столкнулись страны Балтии, когда в последнем раунде переписей провели сплошной опрос параллельно с получением данных из регистров. В результате сравнения выяснилось, что численность населения в Эстонии по данным регистров превышает численность населения по опросу на 4%, в Литве – на 6%, значительные расхождения были обнаружены и в Латвии.

При ретроспективном анализе необходимо учитывать, что до 1998 г. в Норвегии и до 1990 г. в Швеции молодые люди, которые временно жили вне родительского дома в связи с учебой или службой в армии, регистрировались по адресу проживания их родителей. И сегодня определение «совместного проживания» или «домохозяйства» является размытым, так как в регистры домохозяйств включаются лица, постоянно проживающие по определенному адресу даже в случае, если временно они проживают в другом месте. Согласно оценке Н. Кайлмана и Х. Брунборга [Keilman, Brunborg 1995], в результате доля пар, проживающих совместно без регистрации брака, занижается на 22%. Кроме того, до 1998 г. в Швеции изменение места жительства граждан фиксировалось по дате получения заявления, а не по фактической дате, сообщаемой гражданами, что создавало временной лаг и могло приводить к расхождению данных с результатами опросов.

Также до недавнего времени в шведском и в норвежском регистрах указывался лишь номер дома, а не апартаментов, поэтому выделить совместно проживающие пары можно было лишь в случае наличия общих детей, связи с которыми фиксировались в регистре населения.

Еще одним существенным недостатком использования адреса постоянного проживания лиц для учета партнерских отношений является ограничение контингента лицами, официально зарегистрированными по месту их жительства. Отнюдь не все пары регистрируют новое место жительства непосредственно в момент переезда, один или оба партнера могут оставаться «прописанными» по другому адресу. Таким образом, оценка

распространенности сожительств лишь на основе адреса проживания может оказаться значительно заниженной. Проведенное сравнение на базе шведского и норвежского регистров выявило около 30% пар, проживающих совместно без регистрации брака, которые не были прописаны по одному адресу [Thomson, Eriksson 2013]. Данная проблема может решаться с помощью стимулирования населения к официальной регистрации факта совместного проживания, что применяется в Норвегии и о чем более подробно будет рассказано далее.

Важную роль в достоверности данных регистров оказывает и человеческий фактор: многим матерям-одиночкам более выгодно избегать регистрации своего партнера по общему адресу проживания, так как тем самым она может лишиться социальных льгот [Carlson et al. 2004; Perelli-Harris, Sánchez Gassen 2012].

Таблица 1. Оценка доли детей, рожденных вне зарегистрированного брака в Швеции: данные регистров против данных опросов, %

	Рождений по видам союзов		
	вне союза (одинокое)	в сожительстве	в зарегистрированном браке
<i>1974-1979 гг.</i>			
Опрос «Уровень жизни» ²	3	39	58
Регистр населения	6	29	66
<i>1980-1989 гг.</i>			
Опрос «Уровень жизни»	3	50	47
Регистр населения	6	40	54
<i>1987-1992 гг.</i>			
Опрос «Рождаемость и семья» (<i>Fertility and Family Survey</i>)	5	45	51
Регистр населения	7	42	50
<i>1990-1999 гг.</i>			
Опрос «Уровень жизни»	3	54	43
Регистр населения	8	45	48

Источник: [Thomson, Eriksson 2013: 1170].

Еще одно исследование, посвященное достоверности данных регистров, вышло в 2013 г. [Thomson, Eriksson 2013]. Оно основано на регистре поколений Швеции³, общем регистре населения, а также результатах переписей 1960-1990 гг. Согласно результатам работы, данные о месте регистрации жителей, полученные на основе регистров, соответствуют результатам переписей населения, а также подтверждают результаты опроса «Рождаемость и семья в Швеции» (*Swedish Fertility and Family Survey*), проведенного в 1992 г. (таблица 1). Авторы приходят к выводу, что информация, полученная на основе регистров, достаточно достоверна для того, чтобы применяться в анализе места проживания родителей при рождении ребенка. Разница в оценках может объясняться самим подходом к определению сожительства, а также изменением выборки⁴.

² Level of Living Survey.

³ Multi-Generation Register.

⁴ В 1987-1992 гг. велся учет только по женщинам – как рожденным на территории Швеции, так и мигрантам (при условии того, что рождение ребенка произошло на территории Швеции), а в 1990-1999 гг. учет велся только по коренным жителям – как по женщинам, так и по мужчинам.

Таким образом, регистры населения представляют собой источник актуальной информации о брачном статусе жителей, однако достоверность получаемых данных следует дополнительно проверять с помощью выборочных исследований. Еще более сложным является проведение межстрановых сравнений распространенности сожительства на основе данных регистров населения, так как различия в определении самого термина «сожительство» и факт включения или не включения в выборку мигрантов и временно проживающих лиц может существенно влиять на результаты исследований.

УЧЕТ ПАРТНЕРСКИХ СОЮЗОВ В РЕГИСТРАХ НАСЕЛЕНИЯ

Методы учета лиц, проживающих в незарегистрированном браке, варьируются от страны к стране, различается и сам подход к определению незарегистрированного брака. Это связано с тем, что у него зачастую нет четкой даты начала, как нет и четкой даты окончания, партнеры могут съезжаться и разъезжаться, между ними не всегда существует согласие относительно текущего статуса их отношений [Исупова 2013]. Наиболее широкий список разновидностей незарегистрированных браков представлен на сайте правительства Нидерландов⁵. Выделяются следующие типы незарегистрированных браков в зависимости от возможностей их учета:

- сожительство без регистрации брака (*cohabitation*);
- зарегистрированное партнерство (*registered partnership*);
- соглашение о сожительстве (*cohabitation agreement*).

Для начала рассмотрим те альтернативы традиционному браку, которые регистрируются самими гражданами и тем самым позволяют вести учет истории этих отношений. К ним относятся зарегистрированное партнерство и соглашение о сожительстве, в последние годы приобретающие популярность⁶. Регистрация сожительства является взаимовыгодной сделкой для государства и его граждан: первое получает актуальные данные для статистических служб непосредственно от самих жителей, вторые получают практически те же права, что и лица, состоящие в зарегистрированном браке. Немаловажное значение при этом играют налоговые льготы, более выгодные условия для страхования жизни и здоровья, а также пенсионные выплаты, стимулирующие граждан предоставлять своевременную информацию о своих партнерских отношениях в административные органы⁷. Зарегистрированное партнерство (*registered partnership*) между партнерами разного пола является легитимным в Норвегии, Нидерландах, Бельгии, Франции, Люксембурге, Эстонии и Исландии.

⁵ См.: <https://www.government.nl/topics/family-law/contents/marriage-registered-partnership-and-cohabitation-agreements>.

⁶ Вопрос, почему многие современные пары предпочитают регистрировать совместное проживание, но не вступать в официальный брак, является предметом отдельного изучения и не затрагивается в настоящей статье.

⁷ К сожалению, тема влияния введения мотивирующих механизмов для регистрации партнерства в научной литературе пока не рассматривалась, поэтому мы не можем судить, в какой степени правовые аспекты являются предпосылкой регистрации сожительства.

Норвегия узаконила зарегистрированное партнерство в 1993 г., предоставив парам, вступившим в него, те же права, что и парам, официально заключившим брак.

В Нидерландах впервые начали регистрировать партнерства в 1998 г., и сегодня они практически приравниваются к зарегистрированному браку: партнеры имеют почти одинаковые права, отличия в основном касаются детей. Если в случае зарегистрированного брака мужчина автоматически становится законным отцом ребенка, то в случае зарегистрированных партнерств мужчина, чтобы приобрести статус отца, должен официально признать ребенка. Партнерства регистрируются в гражданском регистре рождений, смерти, браков и зарегистрированных партнерств, а также в муниципальной базе персональных данных. Перед регистрацией партнерства пара должна зарегистрировать свое намерение путем подачи «уведомления о намерениях» в местный муниципалитет по месту проживания одного из партнеров.

Институт зарегистрированных партнерств также распространен и в Бельгии, где он носит название «официального сожительства» (*legal cohabitation*). Согласно закону от 23 ноября 1998 г., официальное сожительство приравнивается к заключению зарегистрированного брака и фиксируется в регистрах населения. Факты регистрации сожительства первоначально собираются на уровне местных муниципальных регистров населения и далее интегрируются в национальном регистре населения.

Во Франции права лиц, состоящих в зарегистрированном партнерстве, практически уравниваются с правами лиц, состоящих в зарегистрированном браке. Зарегистрированное партнерство (*Civilian pact of solidarity, фр. Pacte civil de solidarité = PACS*) было официально признано во Франции в 1999 г. и с тех пор приобрело большую популярность. Например, в 2005 г. наряду с 271 тыс. официальных браков было зарегистрировано практически 60 тыс. партнерств [Sobotka, Toulemon 2008:103].

В Люксембурге партнерское сожительство (PACS), легитимированное в 2004 г., регистрируется в гражданском регистре в муниципалитете по месту жительства партнеров. Здесь также создан гражданский индекс (*civil index*) – уникальный всеобщий регистр, в котором регистрируются как национальные, как и иностранные партнерства, признаваемые на территории Люксембурга.

В Исландии также существует регистрация сожительства (*registered cohabitation*), однако она является лишь правовым статусом лиц, проживающих совместно, но не семейным положением. Поэтому в регистре населения Исландии лица, состоящие в зарегистрированном сожительстве, учитываются как «не состоящие в браке», «вдовы/вдовцы», «разведенные», но не как «состоящие в браке». Лица, состоящие в зарегистрированном партнерстве, не несут ответственности за финансовое состояние партнера и не имеют прав наследования, если то не указано в завещании. Привилегии пары, зарегистрировавшие партнерство, получают лишь в отношении налоговых сборов, прав на рынке труда, а также в отношении гражданских услуг, предоставляемых местными муниципалитетами.

В Эстонии зарегистрированные партнерства устанавливают правила, по которым члены партнерства обязаны поддерживать друг друга, и принимают обязанности,

связанные с сожительством. В Испании партнерское соžitельство регистрируется лишь в региональных регистрационных офисах, центрального регистра не существует.

Одним из главных правовых вопросов соžitельства является право наследования. В Норвегии и Нидерландах лица, зарегистрировавшие партнерство, получают те же права наследования и выплачивают налог на наследование в том же размере, что и законные супруги. Однако это распространяется отнюдь не на все страны: в Бельгии партнер получает лишь вещное право (*law of property*) на недвижимость, в котором он проживал с умершим партнером, а во Франции и Люксембурге партнер может рассчитывать на получение наследства лишь в случае наличия завещания.

Правовые различия между заключением официального брака и регистрацией партнерства в основном касаются родительских прав, которые получают лишь лица, состоящие в браке. Получить родительские права можно путем регистрации (повторной) рождения ребенка совместно с его матерью, вступив в брак с матерью ребенка, заключив родительское соглашение с матерью и зарегистрировав его через суд, а также став опекуном ребенка в случае смерти его матери. С другой стороны, в большинстве случаев факт регистрации брака не имеет значения для получения ребенком наследства: он получает его как от родителей, состоящих в браке, так и от зарегистрировавших партнерство. Альтернативной формой регистрации партнерства является соглашение о соžitельстве (*cohabitation agreement*) – письменное соглашение, устанавливающее определенный порядок совместного проживания партнеров, в большинстве случаев это нотариально заверенный договор. В Нидерландах он служит основанием для получения пенсий по партнерским схемам, а также дополнительных льгот. В Бельгии данный документ, достаточно широко распространенный в стране, носит название «Контракт о соžitельстве» (*The Cohabitation Contract*), заключать его могут только жители Бельгии. Декларация включает следующие пункты: дата подписания декларации, имена, даты рождения, места рождения, адрес проживания, а также подписи сторон, заключающих соглашение. Лица, заключившие подобный контракт, разделяют ответственность за общие расходы, а также извлекают общую выгоду от любых активов, приобретенных во время соžitельства. Партнерское соžitельство⁸ (*cohabiting partnership*), греческий аналог рассмотренных выше партнерств, заключается через оформление нотариального акта. Факты партнерских соžitельств регистрируются в местных офисах регистрации, которые связаны с центральной информационной системой регистрации в Министерстве внутренних дел.

Введение регистрации партнерств и соžitельств непосредственно самими гражданами упрощает процедуру учета подобных союзов. Несколько сложнее строится учет пар, не регистрирующих партнерство, он обычно проводится с помощью определения места жительства граждан. Проблемным местом при учете никак не зарегистрированных союзов является тот факт, что в большинстве случаев регистрация идет лишь по домам, а не отдельным апартаментам. В результате учесть факт совместного проживания таких пар можно лишь после рождения у них детей, так как это событие фиксируется в регистрах и позволяет построить связь между партнерами.

⁸ Greek law digest. URL: <http://www.greeklawdigest.gr/topics/basic-aspects-of-civil-law/item/25-family-law>

Учет партнерств по детям

Учет сожительствующих и имеющих детей пар несколько проще, чем учет пар без детей, так как при рождении ребенка указываются идентификационные номера их биологических родителей.

Наиболее эффективная система учета незарегистрированных браков на основе данных о рождении детей разработана в Швеции. Швеция является второй страной в мире (после Исландии) по доле детей, рожденных вне зарегистрированного брака [Thomson 2005]. В 2014 г. 44,5% детей в возрасте до одного года проживали в семьях, состоящих из партнеров, проживающих совместно без регистрации брака [Statistics of Sweden 2014]. Учет детей, рожденных вне зарегистрированного брака, строится на использовании трех основных ресурсов данных: регистра поколений, общего регистра населения, а также данных переписей. Регистр поколений содержит данные о родственных связях нескольких поколений, включая связи детей с их биологическими родителями, даже в случае, если они не состояли в браке. Вопросы, включенные в регистр, различаются для лиц женского и мужского пола: регистр для женского населения включает информацию о дате рождения всех детей, их идентификационные номера, номера супругов, а также номера партнеров, от которых были рождены дети до заключения брака. Регистр для мужского населения включает ту же информацию, кроме данных о детях: связь мужчин с их детьми прослеживаются через идентификационные номера женщин. В карточки детей заносится информация о дате их рождения, номера их биологических отца и матери. Эти данные позволяют вычислить, были ли дети рождены после или до заключения брака и был ли заключен брак с их биологическим отцом во втором случае. В общем регистре населения указывается, по какому адресу прописаны граждане на конец каждого календарного года и какой жилищной собственностью они обладают. Наконец, данные переписей позволяют построить связи между жилищными единицами и каждым конкретным гражданином страны на момент проведения переписи, что дает возможность определить, проживает пара совместно или раздельно, а также являются дополнительным инструментом проверки достоверности данных регистров.

Несколько иной подход к учету детей, рожденных вне зарегистрированного брака, в Норвегии, где помимо личных идентификационных номеров граждан введены идентификационные номера семей (по факту регистрации брака), а также сожительствующих пар, имеющих как минимум одного общего ребенка (по факту проживания по общему адресу). Это позволяет вести учет проживающих совместно пар, имеющих детей, но не зарегистрировавших брак или партнерство.

Учет пар, проживающих совместно без какой-либо регистрации

Самая развитая и эффективная система учета сожительствующих пар создана в Финляндии на основе регистра населения Palapeli. Регистр Palapeli включает личные идентификационные номера граждан, через которые также можно проследить занятость граждан на рынке труда, их уровень образования и доходов. Данная система учета была введена в Финляндии в 1987 г. Проведено большое количество исследовательских работ, посвященных институту сожительства, основанных именно на финском регистре

населения.

С 2005 г. введение уникальных адресов для всех помещений в Норвегии также позволило вести учет пар, проживающих совместно и не имеющих общих детей. Еще одной страной, где регистрация населения происходит по конкретным апартаментам, являются Нидерланды: как только два человека начинают жить по одному и тому же адресу, они обязаны заявить об этом в административную службу, после чего они автоматически учитываются в регистре как отдельное домохозяйство. Информация о месте проживания граждан находится в муниципальной базе персональных данных. Дания является одной из стран, где широко распространены нерегистрируемые браки и создана эффективная система их учета. Данные из Центрального регистра населения на ежедневной основе поступают в Статистическую службу, где учет населения проводится в трех измерениях: домохозяйства, семьи, индивидуальных лиц. В семейном регистре семьи подразделяются на две категории: состоящие из одного человека и состоящие из пары с детьми или без детей. В последнем случае осуществляется учет следующих видов пар, проживающих совместно:

- пара, состоящая в зарегистрированном браке;
- зарегистрированное партнерство;
- пара, проживающая совместно: два человека разного пола, проживающие по одному адресу, не имеющие общих детей, разница в возрасте которых составляет не более 15 лет.

Пара получает уникальный идентификационный номер семьи, когда партнеры начинают проживать по общему адресу. При этом номер семьи не изменяется при изменении типа семьи: например, при заключении партнерами официального брака или при разводе, если бывшие супруги продолжают проживать совместно.

В целом можно сказать, что развитие института регистрации сожительства или партнерства, которое только начинается в европейских странах, является эффективным комплементарным инструментом ведения статистического учета населения. Самостоятельная регистрация партнерства повышает актуальность данных и позволяет существенно снижать издержки на ведение учета брачного состояния населения.

ИССЛЕДОВАНИЯ ПАРТНЕРСКИХ СОЮЗОВ НА ОСНОВЕ ДАННЫХ РЕГИСТРОВ НАСЕЛЕНИЯ

Большинство научных работ на основе регистров населения используют данные скандинавских стран. Многие исследования выполнены и на основе данных регистров Нидерландов, но в большинстве своем они посвящены пространственным факторам, влияющим на распространенность сожительства, а также на вероятность вступления в подобный союз. На основе данных датского регистра населения было сделано лишь несколько работ – как отмечалось ранее, он обладает специфической категоризацией, затрудняющей международные сравнения. В целом все исследования можно подразделить на несколько тематических блоков:

- факторы, влияющие на длительность взаимоотношений;
- факторы, влияющие на вероятность вступления в незарегистрированный союз;
- влияние распространенности незарегистрированных браков на рождаемость;
- влияние брачного статуса на продолжительность жизни;
- факторы перехода от сожительства к зарегистрированному браку;
- достоверность данных и прогнозы.

В каждой работе так или иначе даются общие оценки распространенности незарегистрированных браков и тенденций трансформации института семьи с учетом региональной специфики, но можно отметить работы, посвященные исключительно этой теме. На основе данных финского регистра в 2007 г. было проведено обследование сожителям пар [Pitkänen, Jalovaara 2007], по результатам которого было выявлено, что доля лиц, состоящих в незарегистрированном браке в период с 1970 по 2005 г. увеличилась с 2,5% практически до 25%.

В 2013 г. было проведено международное исследование домохозяйств на основе данных жилищных регистров Дании и Финляндии с 1980 г. [Christiansen, Keilman 2013]. На базе информации о месте проживания граждан, их семейного положения и наличия детей авторы статьи строят прогноз того, как будут выглядеть домохозяйства через 30 лет, и предсказывают увеличение одиночных домохозяйств, снижение доли домохозяйств, состоящих из пар в зарегистрированном браке, и постоянство доли домохозяйств, состоящих из пар в незарегистрированном браке.

Исследования факторов вступления в незарегистрированный союз

Исследования, посвященные факторам, влияющим на вероятность вступления в незарегистрированный союз, можно разделить на две категории: анализ социально-экономических параметров, а также влияние места проживания партнеров на вероятность их вступления в партнерские отношения.

В первой категории следует отметить работу, выполненную на основе данных финского регистра населения [Jalovaara 2012], согласно результатам которой такие факторы, как высокий уровень образования, занятость и высокий уровень дохода лиц, вступающих в союз, способствуют формированию незарегистрированных союзов, при этом не выявлены какие-либо существенные гендерные различия.

Ко второй категории относятся работы голландских исследователей, в первую очередь К. Хаандрикмана, С.Хармсена и Л. ван Винсена, которые исследовали влияние расстояния между местом жительства партнеров в LAT-союзе⁹ на вероятность начала их совместного проживания [Haandrikman et al. 2008]. Авторы статьи приходят к выводу, что голландцы склонны выбирать партнеров, проживающих недалеко от их места жительства (половина находит себе партнера в пределах 6 км от своего места жительства), при этом данная тенденция лишь усиливается с увеличением возраста партнеров. С другой стороны,

⁹ LAT (*Living apart together*) – союзы, члены которого находятся в близких романтических отношениях, но проживают раздельно (в русском языке они описываются словом «встречаются», в научной литературе можно встретить термин «гостевое партнерство»).

лица, проживающие с родителями, а также те, кто сам является родителем-одиночкой, живут значительно ближе к своим будущим партнерам, нежели остальные.

В следующей работе тех же авторов проводится анализ влияния близости места проживания индивидов друг от друга на вероятность вступления в официальный или неофициальный союз [Naandrikman et al. 2011]. В ней показано, что с увеличением уровня образования и дохода увеличивается среднее расстояние между местом проживания партнеров до переезда по общему адресу, и делается вывод о том, что чем выше уровень развития общества, тем в меньшей степени расстояние влияет на выбор партнера.

К редким работам, основанным на данных бельгийского регистра населения, относится исследование социологов С. Ванасше, М. Кориджина и К. Матиуса [Vanassche, Corijn, Matthijs 2015], в котором анализируется, как скоро лица, пережившие развод, вновь начинают проживать вместе с новыми партнерами и через какой срок они регистрируют новые браки. Выбрав из бельгийского регистра населения лиц, переживших развод менее 7 лет назад, авторы брали интервью по возможности у обоих бывших супругов. Учет новых партнерских отношений проводился лишь в том случае, если они длились по меньшей мере 3 месяца. Согласно результатам исследования, треть лиц, переживших развод, в течение первых 7 лет после него остаются одиночками, при этом среди вступивших в новые отношения преобладают проживающие в незарегистрированных браках (хотя с увеличением времени, прошедшего с момента развода, доля вступивших в новый зарегистрированный брак растет).

Д. Холланд [Holland 2013] на основе данных административных регистров Швеции приходит к выводу, что до сих пор в Швеции самыми распространенными являются браки, заключаемые до зачатия ребенка, а доля браков, заключаемых после зачатия или спустя 12 месяцев после первого рождения, снижается. Это говорит о том, что брак как мера «легитимизации» рождений детей теряет свое былое значение. Растет доля тех, кто заключает браки уже после рождения двух и более детей.

Исследования длительности партнерских отношений

Факторы, влияющие на длительность партнерских отношений и вероятность распада союза, находятся в центре внимания исследователей, работающих с регистрами населения.

Одним из первых обратился к теме незарегистрированных браков норвежский социолог О. Кравдал, который, используя данные регистра населения Норвегии, пришел к выводу, что женщины, родившие до заключения брака, имеют более высокую вероятность распада их первого союза, даже если с отцом этих детей брак был впоследствии заключен [Kravdal 1988]. В дальнейшем в статье Т.Х. Лингстада данные регистра населения Норвегии были проанализированы совместно с результатами переписи 1980 г. [Lyngstad 2004]. Результаты исследования позволили сделать вывод о том, что вероятность развода пары, чей ребенок был рожден до регистрации брака, снизилась по сравнению с 1988 г., когда было опубликовано работа О. Кравдала.

В статье шведского социолога Г. Лиу [Liu 2002] также доказывается, что в семьях, в которых есть дети, рожденные до заключения официального брака, вероятность развода выше, чем в семьях, где таких детей нет. Более того, если у женщины есть дети от другого

партнера, такие семьи подвержены еще большему риску развода. При этом наличие детей у мужчины от предыдущей партнерши влияет на прочность брака в гораздо меньшей степени.

В статье М. Сварера на основе данных датского регистра рынка труда делается вывод о том, что пары, которые проживают совместно до заключения официального брака, имеют меньший риск развода, чем пары, которые не проживали вместе [Svarer 2004]. При этом чем дольше период, в течение которого пара живет без регистрации брака, тем меньше вероятность развода после его заключения. Данные выводы противоречат большей части исследований на эту тему, проводившихся в других странах: Blanc (1985 г.) – Норвегия; Bennett, Blanc, Bloom (1988 г.), Trussell, Trussell (1992 г.), Ноем (1992 г.) – Швеция. Это, согласно мнению Сварера, свидетельствует о специфике отношения датского населения к сожителю. В результате анализа влияния урбанизации на склонность к вступлению в незарегистрированный брак был сделан вывод о том, что лица, проживающие вдали от метрополии Копенгагена, чаще проживают совместно с партнером до заключения брака, чем жители Копенгагена.

В 2007 г. на базе регистров населения Нидерландов было выявлено, что вероятность распада незарегистрированного союза уменьшается при увеличении уровня дохода домохозяйства и увеличивается при росте доли заработка женщины в общем доходе домохозяйства [Kalmijn, Loeve, Manting 2007]. Для пар, проживающих совместно без регистрации брака, равенство ролей мужчины и женщины уменьшает вероятность распада союза.

Исследование 2013 г., построенное на данных финского регистра населения, выявило, что низкий уровень образования, безработица (особенно среди мужчин) и низкий уровень дохода повышают вероятность распада как зарегистрированных, так и незарегистрированных браков [Jalovaara 2013]. При этом влияние данных факторов оказывается сильнее для пар, состоящих в зарегистрированном браке. В статье утверждается, что экономическая теория семьи Г. Бекера всё в меньшей степени отражает современную действительность: стабильность браку, и в особенности незарегистрированным союзам, приносит скорее социально-экономическое равенство партнеров, нежели их специализация (мужчина – кормилец, женщина отвечает за ведение хозяйства). Тем не менее, если вклад женщины в общий доход домохозяйства выше половины, это повышает риск распада союзов (как зарегистрированных, так и незарегистрированных). Согласно результатам исследования, пары, начинающие жить совместно без регистрации брака, распадаются в течение 10 лет более чем в 50% случаев, а заключают впоследствии официальный брак менее 40%. В продолжение этой работы в 2014 г. вышло исследование, демонстрирующее, что разница в уровне образования лиц, проживающих совместно без регистрации брака, играет большую роль в вероятности распада союза: он тем прочнее, чем выше уровень образования обоих партнеров [Mäenpää, Jalovaara 2014].

Исследования перехода от сожительства к зарегистрированному браку

В работе А-З. Дювандер база данных шведского регистра населения была дополнена результатами опроса «Семья в Швеции» (*Swedish Family Survey*), в выборку исследования попали женщины, проживающие совместно с партнером без регистрации брака и никогда ранее не состоявшие в браке [Duvander 1999]. У женщин, которые были моложе своего партнера на 5 лет и более, вероятность вступления в брак оказалась вдвое выше, чем у тех, чья разница в возрасте была менее существенной. Также вероятность вступления в брак у женщин, проживающих во втором или третьем незарегистрированном союзе, была выше, чем у женщин, проживающих в подобном союзе впервые. В статье отмечается, что вероятность вступления в брак была выше у женщин, партнер которых имел высшее образование, а также женщин из семей с обоими родителями (родными либо приемными). Интересен факт, что наличие соглашения о сожительстве (*cohabitation agreement*) никак не влияло на вероятность заключения брака.

В работе Е. Маенпя [Mäenpää 2009], основанной на данных выборки из Palapeli (финского регистра населения), также рассматриваются социально-экономические факторы вступления пар, проживающих совместно в неофициальном союзе, в зарегистрированный брак. Автор приходит к выводу, что наибольшая вероятность регистрации брака наблюдается в парах с высшим образованием, а наименьшая – в парах, где мужчина имел низкий уровень образования, а женщина – высокий. Также пары были в меньшей степени склонны регистрировать свой брак, если мужчина оказывался без работы на срок от 6 месяцев, а женщина не имела работы вообще. Автор отмечает, что вероятность заключения брака увеличивается с ростом уровня дохода, за одним исключением – если уровень дохода женщины выше, чем мужчины.

Чуть позже в соавторстве с М. Яловаара Е. Маенпя [Mäenpää, Jalovaara 2013] доказала, что фактор гомогенности социально-экономических характеристик членов союза не является существенным для регистрации парой своих отношений. Исключение составляют лишь жители сельской местности, а также лица, получившие только базовое общее образование: они более склонны регистрировать брак, если социальный статус партнера тот же, что и у них.

Результаты приведенных выше исследований можно свести в единую общую таблицу (таблица 2), из которой видно, что такие социально-экономические факторы, как наличие высшего образования, занятость и уровень дохода, увеличивают вероятность как сожительства, так и последующего вступления в зарегистрированный брак. Напротив, рождение детей до заключения официального брака и время, проведенное в неофициальном союзе, как правило, увеличивают шансы распада союза. Наконец, размер населенного пункта и расстояние между местом проживания потенциальных партнеров снижают вероятность вступления лиц в незарегистрированный брак.

Таблица 2. Факторы влияния на формирование и распад незарегистрированных союзов и переход к зарегистрированному браку

	Вступление в незарегистрированный союз	Переход к зарегистрированному браку	Распад незарегистрированного союза
Наличие высшего образования	Положительное влияние	Положительное влияние	Отрицательное влияние
Занятость	Положительное влияние	Положительное влияние	Отрицательное влияние
Уровень дохода	Положительное влияние	Положительное влияние	Отрицательное влияние
Время, прошедшее со времени развода	Положительное влияние		
Наличие общих детей до заключения брака		Теряет свое бывшее значение	Положительное влияние по сравнению с женщинами, родившими в браке
Гомогенность социально-экономических характеристик		Не является существенным фактором для регистрации парой своих отношений	Отрицательное влияние
Время, прожитое в незарегистрированном союзе			Положительное влияние (кроме Дании)
Размер населенного пункта	Отрицательное влияние		
Расстояние между партнерами	Отрицательное влияние		

Помимо исследований непосредственно партнерских отношений, немало работ посвящено влиянию статуса союза на рождаемость и смертность. Большинство исследователей сходится во мнении, что пары, состоящие в зарегистрированном браке, более склонны иметь детей, чем проживающие совместно без его регистрации [Rønse 2004; Noem, Jalovaara, Mureşan 2013; Dribe, Stanfors 2009]. В ряде работ отмечается, что продолжительность жизни лиц, проживающих совместно без заключения брака, ниже, чем у состоящих в зарегистрированном браке, но несколько выше, чем у проживающих одиноко [Martikainen et al. 2005; Koskinen et al. 2007]. В отечественной литературе тема влияния брачного статуса на смертность была затронута в работе [Школьников, Андреев, Малева 2000], однако незарегистрированные браки в ней, к сожалению, не рассматриваются. Отдельно стоит выделить работу датского исследователя С. Дрефяля [Drefahl 2012], который рассматривает смертность в разрезе брачного статуса и социальных параметров. Автор отмечает гендерные различия в отношении смертности: среди лиц, состоящих в зарегистрированном браке, она находится на самом низком уровне (для обоих полов), а наиболее высокие значения она приобретает для одиноких мужчин и для женщин, состоящих в незарегистрированном браке. Также автор отмечает, что социальный статус является значимым фактором смертности лишь для мужчин, в то время как для женщин он не играет большой роли. Среди мужчин со средним уровнем образования уровень смертности не зависит от статуса союза. При этом среди тех, кто состоит в зарегистрированном браке, смертность наблюдается у лиц с низким уровнем образования, а среди сожительствующих – с высоким. У женщин наблюдается существенно более высокий уровень смертности среди состоящих в незарегистрированном браке и с низким уровнем образования; у женщин с высоким уровнем образования разница в уровне

смертности в зависимости от факта регистрации брака или ее отсутствия практически не наблюдается.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Регистры населения предоставляют богатые возможности для исследования демографического поведения населения, и матримониальное поведение не является исключением. Данные регистров успешно используются для оценок распространенности незарегистрированных брачных союзов, их длительности, факторов формирования и прекращения, а также влияния пребывания в том или ином типе партнерства на репродуктивное поведение и продолжительность жизни. Основными преимуществами использования регистров являются покрытие всего населения региона, низкие издержки на извлечение данных, актуальность данных и возможность проведения лонгитюдного анализа брачно-партнерских отношений.

Вместе с тем регистры населения, как и любой другой реальный источник информации, имеют ряд недостатков и ограничений. Оценка незарегистрированных браков с помощью регистров строится на основе информации об адресе проживания граждан, однако в ряде стран до сих пор идентифицировать сожительствующие пары возможно лишь после рождения у них общего ребенка. Еще одним фактором искажения данных является временной лаг: зачастую пары регистрируют новое место жительства лишь спустя некоторое время после переезда, что несколько занижает реальную оценку распространенности сожительств. Уязвимым местом регистров с точки зрения проведения международных исследований являются межстрановые различия учета населения, например критерии учета иностранных граждан.

В настоящее время страны, чьи статистические системы базируются на регистрах, двигаются дальше по пути создания массивов демографических данных. Ускоряющаяся оцифровка архивных документов вкупе с современными методами сбора и хранения информации в электронном виде позволяют создавать крупные базы связанных данных. Связываются раунды переписей населения (например, к переписи 1880 г. в США были привязаны 6 последующих раундов¹⁰), переписей и регистров (например, проект CeLSIUS¹¹), на основе регистров формируются выборки обследований (например, для исследования жизненного пути близнецов¹²), активно развиваются базы социально-демографических данных, к которым привязываются индивидуальные медицинские сведения¹³. В настоящий момент подобные массивы носят разрозненный характер (в одних только Нидерландах вокруг Исторической выборки населения 1812-1922 гг. рождения

¹⁰ См. описание методики: https://www.nappdata.org/napp/linked_samples.shtml. Сделано три отдельных массива: мужчин, женщин и супругов.

¹¹ См.: <http://celsius.lshmt.ac.uk/modules/events/ev010000.html>. Построена выборка 1% населения Англии и Уэльса, наблюдение за которой ведется с переписи 1971 г.

¹² См.: <http://www.tweelingenregister.org/en/information/>. На регулярной основе в семье близнецов отправляются вопросники по широкому перечню социально-демографических тем.

¹³ Например, проект <http://www.ru.nl/genesandgerms/> сейчас в стадии разработки, внесены данные о вступлениях в брак в период с 1812 по 1922 г., ряд будет продлен до 2015 г.

(HSN) создано несколько подобных проектов¹⁴), однако набирает силу тенденция к объединению данных разных регионов и источников. В дальнейшем подобные базы, в основе которых лежат регистры населения, откроют многообещающие горизонты для комплексных исследований социально-демографического поведения населения, в том числе исследований партнерских и брачных союзов. Успешное применение систем аккумуляции информации из разных унифицированных источников в ряде европейских стран позволяет говорить о ее высоком потенциале, который можно было бы использовать и в России.

ЛИТЕРАТУРА

- Андриченко Л.В., М.А. Мещерякова (2012). Информационные регистры как эффективное средство сбора и мониторинга данных о населении // Журнал российского права. 8: 16-40.
- Бахметова Г.Ш., А.А. Исупов (1999). Регистр населения как система демографического учета // Вопросы статистики. 5: 33-39.
- Иванова Е.И. (2012). Современный текущий статистический учет естественного движения населения: возможности его применения для социально-демографического анализа // Вестник РГГУ. 2: 98-112.
- Исупова О.Г. (2013). Мы просто живем вместе // Демоскоп Weekly. №565-566. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0565/tema01.php> (дата обращения: 22.04.2016).
- Клупт М.А., О.Н. Никифоров (2010). Альтернативные методы проведения переписей населения: применимы ли они в России? // Вопросы статистики. 9: 3-8.
- Неравенство и смертность в России (2000) / Под ред. В. Школьников, Е. Андреева и Т. Малевой. М.: Московский Центр Карнеги. 107 с.
- Пьянкова А.И. (2014). Традиционный и альтернативные методы проведения переписей населения: дис. ... канд. социол. наук. Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва.
- Carlson M., I. Garfinkel, S. McLanahan, R. Mincy, W. Primus (2004). The effects of welfare and child support policies on union formation // Population research and policy review. 23: 513–542.
- Christiansen S.G., N. Keilman (2013). Probabilistic household forecasts based on register data - the case of Denmark and Finland // Demographic research. 28(43): 1263-1302.
- Drefahl S. (2012). Do the married really live longer? The role of cohabitation and socioeconomic status // Journal of marriage and family. 74: 462 – 475.
- Dribe M., M. Stanfors (2009). Does parenthood strengthen a traditional household division of labor? Evidence from Sweden // Journal of marriage and family. 71(1): 33–45.
- Duvander A-Z. E. (1999). The transition from cohabitation to marriage. A longitude study of the propensity to marry in Sweden in the early 1990s // Journal of family issues. 20 (5): 698-717.

¹⁴ См.: <https://socialhistory.org/en/hsn/hsn-projects>.

- Haandrikman K., C. Harmsen, L.J.G. van Wissen, I. Hutter (2008). Geography matters: patterns of spatial homogeneity in the Netherlands // *Population, space and place*. 14: 387–405.
- Haandrikman K., L.J.G. van Wissen, C. Harmsen (2011). Explaining spatial homogeneity. Compositional, spatial and regional cultural determinants of regional patterns of spatial homogeneity in the Netherlands // *Appl. spatial analysis*. 4: 75–93.
- Hoem J.M., M. Jalovaara, C. Mureşan (2013). Recent fertility patterns of Finnish women by union status: a descriptive account // *Demographic research*. 28(14): 409-420.
- Holland J.A. (2013). Love, marriage, then the baby carriage? Marriage timing and childbearing in Sweden // *Demographic research*. 29(11): 275-306.
- Jalovaara M. (2012). Socio-economic resources and first-union formation in Finland, cohorts born 1969–81 // *Population studies*. 66(1): 69–85.
- Jalovaara M. (2013). Socioeconomic resources and the dissolution of cohabitations and marriages // *European journal of population*. 29(2): 167–193.
- Kalmijn M., A. Loeve, D. Manting (2007). Income dynamics in couples and the dissolution of marriage and cohabitation // *Demography*. 44(1): 159-179.
- Keilman N., H. Brunborg (1995). Probabilistic household forecasts based on register data- the case of Denmark and Finland // *Demographic research*. 28(43): 1263-1302.
- Koskinen S., K. Joutsenniemi, T. Martelin, P. Martikainen (2007). Mortality differences according to living arrangements // *International journal of epidemiology*. 36:1255-1264.
- Kravdal Ø. (1988). The impact of first-birth timing on divorce: New evidence from a longitudinal analysis based on the central population register of Norway // *European journal of population*. 4(3): 247-269.
- Liu G. (2002). How premarital children and childbearing in current marriage influence divorce of Swedish women in their first marriages // *Demographic research*. 7(10): 389-406.
- Lyngstad T.H. (2004). The impact of parents' and spouses' education on divorce rates in Norway // *Demographic research*. 10(5): 122-142.
- Mäenpää E. (2009). Cohabiting partners' socioeconomic characteristics and the transition to marriage in Finland // *Finnish yearbook of population research*: 63-77.
- Mäenpää E., M. Jalovaara (2013). The effects of homogeneity in socio-economic background and education on the transition from cohabitation to marriage // *Actasociologica*. 56(3): 247–263.
- Mäenpää E., M. Jalovaara (2014). Homogeneity in socio-economic background and education, and the dissolution of cohabiting unions // *Demographic research*. 30(65): 1769–1792.
- Martikainen P., T. Martelin, E. Nihtilä, K. Majamaa, S. Koskinen (2005). Differences in mortality by marital status in Finland from 1976 to 2000: analyses of changes in marital-status distributions, socio-demographic and household composition, and cause of death // *Population studies*. 59(1): 99-116.
- Perelli-Harris B., N. Sánchez Gassen (2012). How similar are cohabitation and marriage? Legal approaches to cohabitation across Western Europe // *Population and development review*. 38(3): 435–467.
- Pitkänen K., M. Jalovaara (2007). Perheet ja perheenmuodostus [Family formation]. 2nd renewed edition: 115–168.
- Poulain M., A. Herm (2013). Central population registers as a source of demographic statistics in Europe // *Population-E*. 68(2): 183-212.

- Rønsen M. (2004). Fertility and public policies – evidence from Norway and Finland // Demographic research. 10(6): 143-170.
- Sobotka T., L. Toulemon (2008). Overview chapter 4: Changing family and partnership behaviour: common trends and persistent diversity across Europe // Demographic research. 19(6): 85-138.
- Svarer M. (2004). Is your love in vain? Another look at premarital cohabitation and divorce // Journal of human resources. 39(2): 523-535.
- Thomson E. (2005). Partnership and parenthood: Connections between cohabitation, marriage and childbearing // Booth A., Crouter N. The new population problem: why families in developed countries are shrinking and what it means. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associate: 129–149.
- Thomson E., H. Eriksson (2013). Register-based estimates of parents' co-residence in Sweden, 1969-2007 // Demographic research. 29(42): 1153-1186.
- Statistics of Sweden (2014). URL: <http://www.statistikdatabasen.scb.se/> (дата обращения: 23.05.2016).
- Vanassche S., M. Corijn, K. Matthijs (2015). Post-divorce family trajectories of men and women in Flanders // Demographic research. 32(31): 859–872.

THE USE OF POPULATION REGISTERS FOR RECORDING AND ANALYSIS OF COHABITATION

EKATERINA TRETYAKOVA, ALLA MAKARENTSEVA

This paper discusses the possibilities and limitations of using population registers to study the trends of nuptiality, focusing mainly on the registration of different types of cohabitation. The paper describes European practice in recording them (registered partnerships, cohabitation agreements). The article is essentially an overview, revealing the distinctive features of the functioning of modern population registers in developed countries, which are rich in opportunities for researching the demographic behavior of a population. Their advantages include coverage of all the population in the region, up-to-date data and the opportunity for longitudinal analysis of family relations. The authors reveal the main methodological problems of using population registers for the study of cohabitation and the solutions to these problems – information about the addresses of people and data about their children in common. The paper identifies the differences in methodology of registers in different countries, for instance registration of foreign citizens.

The article presents an overview of foreign research which uses register data for studying the institution of the family: estimates of the prevalence of cohabitation, its duration, factors of formation and dissolution and the impact of type of partnership on reproductive behavior and life expectancy.

Key words: data sources, population registers, marriages, cohabitation.

EKATERINA A. TRETYAKOVA (tretyakova-ea@ranepa.ru), INSTITUTE FOR SOCIAL ANALYSIS AND PREDICTION, THE RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC ADMINISTRATION, RUSSIA.

ALLA O. MAKARENTSEVA, INSTITUTE FOR SOCIAL ANALYSIS AND PREDICTION, THE RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC ADMINISTRATION, RUSSIA.

DATE RECEIVED: JUNE 2016.

REFERENCES

- Andrichenko L.V., Meshheryakova M.A. (2012). Informatsionnye registry kak effektivnoe sredstvo sbora i monitoringa dannykh o naselenii [Information registers as an effective tool to collect and control data about population] // Zhurnal rossiyskogo prava [Journal of Russian law]. 8: 16-40.
- Baxmetova G. Sh., Isupov A.A. (1999). Registr naseleniya kak sistema demograficheskogo ucheta [Population register as a system of demographic accounting] // Voprosy statistiki [Problems in statistics]. 5: 33-39.
- Carlson M., I. Garfinkel, S. McLanahan, R. Mincy, W. Primus (2004). The effects of welfare and child support policies on union formation // Population research and policy review. 23: 513–542.
- Christiansen S.G., N. Keilman (2013). Probabilistic household forecasts based on register data - the case of Denmark and Finland // Demographic research. 28(43): 1263-1302.
- Drefahl S. (2012). Do the married really live longer? The role of cohabitation and socioeconomic status // Journal of marriage and family. 74: 462 – 475.
- Dribe M., M. Stanfors (2009). Does parenthood strengthen a traditional household division of labor? Evidence from Sweden // Journal of marriage and family. 71(1): 33–45.

- Duvander A-Z. E. (1999). The transition from cohabitation to marriage. A longitude study of the propensity to marry in Sweden in the early 1990s // *Journal of family issues*. 20 (5): 698-717.
- Haandrikman K., C. Harmsen, L.J.G. van Wissen, I. Hutter (2008). Geography matters: patterns of spatial homogamy in the Netherlands // *Population, space and place*. 14: 387-405.
- Haandrikman K., L.J.G. van Wissen, C. Harmsen (2011). Explaining spatial homogamy. Compositional, spatial and regional cultural determinants of regional patterns of spatial homogamy in the Netherlands // *Appl. spatial analysis*. 4: 75-93.
- Hoem J.M., M. Jalovaara, C. Mureşan (2013). Recent fertility patterns of Finnish women by union status: A descriptive account // *Demographic research*. 28(14): 409-420.
- Holland J.A. (2013). Love, marriage, then the baby carriage? Marriage timing and childbearing in Sweden // *Demographic research*. 29(11): 275-306.
- Isupova O.G. (2013). My prosto zhivem vmeste [We just live together] // *Demoskop Weekly* [Demoscope Weekly]. №565-566. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0565/tema01.php> (accessed: 22.04.2016).
- Ivanova E. I. (2012). Sovremennyy tekushchiy statisticheskiy uchet estestvennogo dvizheniya naseleniya: vozmozhnosti ego primeneniya dlya sotsial'no-demograficheskogo analiza [Modern vital statistics: its application for the socio-demographic analysis] // *Vestnik RGGU* [Bulletin of RGGU]. 2: 98-112.
- Jalovaara M. (2012). Socio-economic resources and first-union formation in Finland, cohorts born 1969-81 // *Population studies*. 66(1): 69-85.
- Jalovaara M. (2013). Socioeconomic resources and the dissolution of cohabitations and marriages // *European journal of population*. 29(2): 167-193.
- Kalmijn M., A. Loeve, D. Manting (2007). Income dynamics in couples and the dissolution of marriage and cohabitation // *Demography*. 44(1): 159-179.
- Keilman N., H. Brunborg (1995). Probabilistic household forecasts based on register data- the case of Denmark and Finland // *Demographic research*. 28(43): 1263-1302.
- Klupt M.A., Nikiforov O.N. (2010). Al'ternativnye metody provedeniya perepisey naseleniya: primenimy li oni v Rossii? [Alternative methods of population census conducting: are they applicable in Russia?] // *Voprosy statistiki* [Problems in statistics]. 9: 3-8.
- Koskinen S., K. Joutsenniemi, T. Martelin, P. Martikainen (2007). Mortality differences according to living arrangements // *International journal of epidemiology*. 36:1255-1264.
- Kravdal Ø. (1988). The impact of first-birth timing on divorce: new evidence from a longitudinal analysis based on the central population register of Norway // *European journal of population*. 4(3): 247-269.
- Liu G. (2002). How premarital children and childbearing in current marriage influence divorce of Swedish women in their first marriages // *Demographic research*. 7(10): 389-406.
- Lyngstad T.H. (2004). The impact of parents' and spouses' education on divorce rates in Norway // *Demographic research*. 10(5): 122-142.
- Mäenpää E. (2009). Cohabiting partners' socioeconomic characteristics and the transition to marriage in Finland // *Finnish yearbook of population research*: 63-77.
- Mäenpää E., M. Jalovaara (2013). The effects of homogamy in socio-economic background and education on the transition from cohabitation to marriage // *Actasociologica*. 56(3): 247-263.

- Mäenpää E., M. Jalovaara (2014). Homogamy in socio-economic background and education, and the dissolution of cohabiting unions // *Demographic research*. 30(65): 1769–1792.
- Martikainen P., T. Martelin, E. Nihtilä, K. Majamaa, S. Koskinen (2005). Differences in mortality by marital status in Finland from 1976 to 2000: analyses of changes in marital-status distributions, socio-demographic and household composition, and cause of death // *Population studies*. 59(1): 99-116.
- Neravenstvo i smertnost' v Rossi [Inequality and mortality in Russia] (2000) / V. Shkolnikov, E. Andreev, T. Maleva, eds. M.: Moskovskiy centr Karnegi [Moscow Carnegie center]. 107 p.
- Pyankova A.I. (2014). Traditsionnyy i al'ternativnye metody provedeniya perepisey naseleniya [Traditional and alternative methods of population census conducting]: dis. ... kand. sotsiol. nauk. Federal'noe gosudarstvennoe avtonomnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego professional'nogo obrazovaniya «Natsional'nyy issledovatel'skiy universitet «Vysshaya shkola ekonomiki» [Dissertation. National research university “High school of economics”]. Moscow.
- Perelli-Harris B., N. Sánchez Gassen (2012). How similar are cohabitation and marriage? Legal approaches to cohabitation across Western Europe // *Population and development review*. 38(3): 435–467.
- Pitkänen K., M. Jalovaara (2007). Perheet ja perheenmuodostus [Family formation]. 2nd renewed edition: 115–168.
- Poulain M., A. Herm (2013). Central population registers as a source of demographic statistics in Europe // *Population-E*. 68(2): 183-212.
- Rønsen M. (2004). Fertility and public policies – evidence from Norway and Finland // *Demographic research*. 10(6): 143-170.
- Sobotka T., L. Toulemon (2008). Overview chapter 4: changing family and partnership behaviour: Common trends and persistent diversity across Europe // *Demographic research*. 19(6): 85-138.
- Statistics of Sweden (2014). URL: <http://www.statistikdatabasen.scb.se/> (дата обращения: 23.05.2016).
- Svarer M. (2004). Is your love in vain? Another look at premarital cohabitation and divorce // *Journal of human resources*. 39(2): 523-535.
- Thomson E. (2005). Partnership and parenthood: connections between cohabitation, marriage and childbearing // Booth A., Crouter N. *The new population problem: why families in developed countries are shrinking and what it means*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associate: 129–149.
- Thomson E., H. Eriksson (2013). Register-based estimates of parents’ co-residence in Sweden, 1969-2007 // *Demographic research*. 29(42): 1153-1186.
- Vanassche S., M. Corijn, K. Matthijs (2015). Post-divorce family trajectories of men and women in Flanders // *Demographic research*. 32(31): 859–872.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ДАЙДЖЕСТ

Илья Кашницкий

- *Murphy M. The Impact of Migration on Long-Term European Population Trends, 1850 to Present*
- *Kelle J., A.O. Haller. Who Benefits from Economic Growth? Work and Pay in Brazil*
- *Victoria C.G., R. Bahl, A.J.D. Barros, G.V.A. França, S. Horton, J. Krasevec, S. Murch, M.J. Sankar, N. Walker, N.C. Rollins. Breastfeeding in the 21st century: epidemiology, mechanisms, and lifelong effect*
- *Stillwell J., M. Thomas. How far do internal migrants really move? Demonstrating a new method for the estimation of intra-zonal distance*
- *Marjavaara R., E. Lundholm. Does Second-Home Ownership Trigger Migration in Later Life?*
- *Bell M., E. Charles-Edwards, P. Ueffing, J. Stillwell, M. Kupiszewski, D. Kupiszewska. Internal Migration and Development: Comparing Migration Intensities Around the World*
- *Goujon A., S. KC, M. Speringer, B. Barakat, M. Potancoková, J. Eder, E. Striessnig, R. Bauer, W. Lutz. A harmonized dataset on global educational attainment between 1970 and 2060 – an analytical window into recent trends and future prospects in human capital development*
- *Cooray A., F. Schneider. Does corruption promote emigration? An empirical examination*
- *Ueffing P., F. Rowe, C.H. Mulder. Differences in Attitudes towards Immigration between Australia and Germany: The Role of Immigration Policy*

THE IMPACT OF MIGRATION ON LONG-TERM EUROPEAN POPULATION TRENDS, 1850 TO PRESENT

[Murphy M. (2016). The Impact of Migration on Long-Term European Population Trends, 1850 to Present // Population and Development Review. 42(2): 225-244. doi.org/10.1111/j.1728-4457.2016.00132.x]

Майкл Мерфи исследовал, насколько значителен фактор международной миграции в долгосрочном формировании населения стран Европы. Автор отмечает, что теме длительного влияния миграции традиционно уделяется недостаточно внимания. Как правило, подобные оценки сводятся к формированию прогнозных сценариев с миграцией и без. При этом миграционные сценарии зачастую не стараются отразить наиболее вероятный исход, а в основном призваны проиллюстрировать предельные варианты развития. Но даже если изошренными методами стараются предсказать будущие интенсивности миграции, предполагается экстраполяция текущих трендов, что, учитывая исторические данные, маловероятно, поскольку миграционные потоки и их интенсивность отличаются крайней изменчивостью. Мерфи предлагает восполнить пробел в демографической литературе и проанализировать миграцию в 11 Европейских странах в очень длинной исторической перспективе (с 1850 г.). При этом к миграционному эффекту он предлагает относить и рождаемость мигрантов.

Илья Савельевич Кашницкий (ikashnitsky@hse.ru), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия; PhD кандидат Университета Гронингена (RUG) и Нидерландского междисциплинарного демографического института (NIDI).

Обзор поступил в редакцию в июле 2016 г.

Используя данные Human Mortality Database, Мерфи сравнивает миграционные изменения в численности и структуре населения стран Европы с естественным движением населения. Несмотря на то, что миграционные потери европейских стран во второй половине XIX и начале XX века принято считать колоссальными, они сильно уступают по масштабам естественному приросту населения. Так, с 1880 по 1913 г. в Великобритании, Франции, Италии и Швеции родилось 106 млн человек, умерло 76,5 млн, что дало 29,5 млн естественного прироста населения. При этом миграционные потери от оттока в Америку и прочие неевропейские территории за это период составил лишь 6,6 млн человек. Оценки средней интенсивности международной миграции для выбранных стран за разные периоды – в таблице 1.

Таблица 1. Средние интенсивности миграции, на 1000 человек

Страна	Начальный год	Конечный год	Средняя интенсивность чистой миграции				
			начальный год минус конечный год	начальный год - 1900	1900-1950	1950-2000	2000-последний год
Дания	1850	2011	0,1	-1,2	0,4	0,6	2,3
Англия и Уэльс	1850	2013	0,2	-0,7	0,3	0,6	4,1
Финляндия	1878	2012	-0,5	-0,4	-1,0	-0,7	1,9
Франция	1850	2013	1,5	-0,4	3,0	1,8	2,0
Исландия	1850	2013	-1,3	-3,3	-0,9	-0,7	2,6
Италия	1874	2012	-0,9	-2,9	-1,7	-0,4	6,0
Нидерланды	1850	2012	0	-1,2	-0,2	1,2	1,1
Норвегия	1850	2014	-1,2	-4,6	-2,0	0,8	4,4
Шотландия	1855	2013	-3,1	-2,8	-5,0	-3,2	3,2
Швеция	1850	2014	-0,3	-3,7	-0,7	1,9	4,4
Швейцария	1876	2011	1,8	-0,6	0,2	3,4	6,8
ВСЕГО	Initial	Final	0	-1,2	-0,2	0,7	3,2

Только в текущем веке нетто-коэффициент миграции стал положительным во всех рассмотренных странах Европы. В целом за весь исследуемый период прирост численности населения стран Европы был бы большим, если бы не было миграции (таблица 2). Во всех изучаемых странах, кроме Швейцарии, Франции и Англии, накопленный с 1850 г. миграционный эффект оказывается отрицательным.

Различия в средних интенсивностях миграционного обмена оказываются ключевым фактором роста численности населения. Так, например, при очень схожих характеристиках естественного движения населения население Шотландии за изучаемый период выросло лишь на 89%, в то время как соседняя Англия, испытывавшая меньшие миграционные потери, добавила 223% к исходной численности населения.

Среди любопытных результатов анализа автор отмечает высокую надежность простых усредненных показателей при длительной экспозиции исследования. Так, усредненный нетто-коэффициент миграции линейно коррелирует с итоговым влиянием миграции на численность населения (рисунок 1А), а усредненный коэффициент естественного прироста населения - с итоговым изменением населения при условии

отсутствия миграции (рисунок 1Б); коэффициенты детерминации регрессионных моделей составляют 0,97 и 0,98 соответственно.

Таблица 2. Результаты анализа

Страна	Численность населения, тыс. человек			Отношение			Нетто-коэффициент воспроизводства
	начальная	конечная	конечная без миграции	конечная к начальной	конечная без миграции к начальной	конечная к конечной без миграции	
Дания	1407	5561	5812	3,95	4,13	0,96	1,22
Англия и Уэльс	17579	56761	53853	3,23	3,06	1,05	1,14
Финляндия	1971	5401	5858	2,74	2,97	0,92	1,17
Франция	35673	63651	49087	1,78	1,38	1,3	1
Исландия	60	322	404	5,4	6,77	0,8	1,37
Италия	27121	59400	75735	2,19	2,79	0,78	1,13
Нидерланды	3056	16730	17042	5,48	5,58	0,98	1,28
Норвегия	1386	5109	7043	3,69	5,08	0,73	1,27
Шотландия	2812	5321	11406	1,89	4,06	0,47	1,21
Швеция	3441	9645	10778	2,8	3,13	0,89	1,14
Швейцария	2748	7870	5443	2,86	1,98	1,45	1,04
ВСЕГО	97254	235771	242460	2,42	2,49	0,97	-
Стандартное отклонение (не взвеш.)	-	-	-	1,2	1,52	0,26	0,1

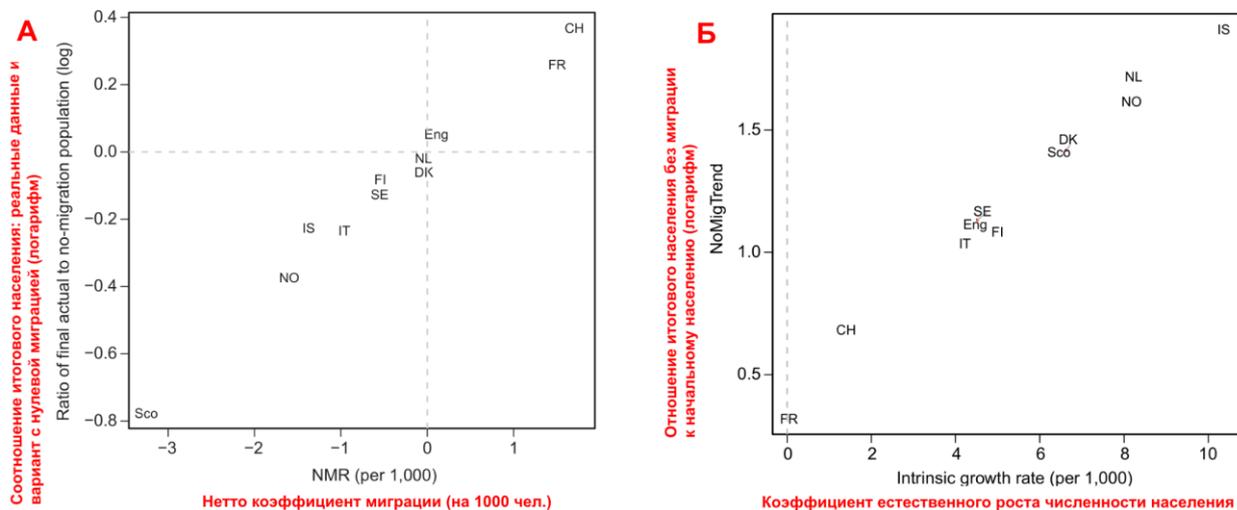

Рисунок 1. Корреляция между усредненными и итоговыми показателями

В заключение Мерфи отмечает, что, несмотря на колоссальные изменения в характере миграционного баланса стран Европы, пока рано утверждать, что именно миграция станет ключевым фактором, определяющим развитие населения континента в текущем столетии. Исторические данные показывают, что даже очень устойчивые миграционные тренды меняются радикально на протяжении относительно долгого периода. Нет оснований с уверенностью утверждать, что значительный миграционный приток в Европу сохранится на протяжении столетия.

WHO BENEFITS FROM ECONOMIC GROWTH? WORK AND PAY IN BRAZIL, 1973-1988

[Kelley J., A.O. Haller (2015). *Who Benefits from Economic Growth? Work and Pay in Brazil, 1973-1988* // *Population Review*. 54(1): 1-26. doi.org/10.1353/prv.2015.0000]

Ощущают ли простые граждане положительный эффект от роста экономики? Этим вопросом задались Джонатан Келли и Арчибальд Халлер. Они проанализировали данные двух крупных выборочных обследований в Бразилии за 1973 и 1988 гг. Авторы предложили методологию, позволяющую разложить рост доходов для каждой группы населения на связанный с общим экономическим ростом и связанный с изменением структурных характеристик населения, таких как урбанизация, образование и прочие (таблица 3).

Таблица 3. Декомпозиция роста доходов, среднегодовой рост, %

Род деятельности респондента	Экономический рост		Прочие причины	
	Экономический рост		Экономический рост	
	оба пола	оба пола	муж.	жен.
Сельское хозяйство				
1. Работники ферм, мелкие фермеры	0,7	1,8	0,7	0,8
2. Крупные фермеры	3,9	3,3	3,8	6,2
Синие воротнички				
3. Низкоквалифицированные работники сферы услуг	1,2	-0,1	0,6	1,8
4. Низкоквалифицированные работники на производстве	0,8	1	0,8	0,4
5. Рабочий средний класс	1,4	1,5	1,4	1,4
6. Полуквалифицированные рабочие	0,9	1,3	0,9	0,9
7. Квалифицированные рабочие	0,3	0,9	0,2	1,9
8. Промышленные предприниматели	2,9	4,4	2,8	5
Белые воротнички				
9. Работники сферы продаж	0,4	1,9	0,5	-0
10. Средний класс	1,8	2,4	1,8	2,2
11. Клерки нижнего звена	-0,5	0,1	-1	-1
12. IT, клерки высшего звена	1,1	2,4	0,7	1,6
13. Предприниматели	1,3	1,8	1,3	0,8
14. Менеджеры и администраторы	1,5	2,3	1,6	0,7
15. Высококвалифицированные сотрудники	2,4	1,1	2,5	1,9
Всего	1,3	2,2	1,3	1,2

В целом экономический рост способствует росту доходов во всех категориях населения. Прирост у наиболее благополучных категорий граждан немного (но статистически незначительно) больше. Примечательно, что общий рост экономики способствует сокращению гендерного разрыва в доходах. Также нельзя не отметить, что в среднем на долю изменения структурных характеристик населения приходится почти две трети всего роста доходов.

При этом важно отметить, что сравнимые темпы относительного прироста доходов выражаются в увеличении разрыва между бедными и богатыми в абсолютном исчислении. Но в целом пример Бразилии показывает, что экономический рост обогащает всех жителей страны.

BREASTFEEDING IN THE 21ST CENTURY: EPIDEMIOLOGY, MECHANISMS, AND LIFELONG EFFECT

[Victora C.G., R. Bahl, A.J.D. Barros, G.V.A. França, S. Horton, J. Krasevec, S. Murch, M.J. Sankar, N. Walker, N.C. Rollins (2016). *Breastfeeding in the 21st century: epidemiology, mechanisms, and lifelong effect* // *The Lancet*. 387(10017): 475-490. doi.org/10.1016/S0140-6736(15)01024-7]

Сезар Виктория и группа соавторов поставили перед собой задачу собрать наиболее полный обзор современных исследований и выяснить, насколько грудное вскармливание распространено в странах мира и насколько оно влияет на последующее развитие ребенка.

Мета-анализ двух десятков недавних обзорных исследований подводит авторов к однозначному выводу: грудное вскармливание чрезвычайно важно для выживания и дальнейшего развития ребенка. Репродуктивный цикл не случайно состоит из двух продолжительных частей: беременности и грудного вскармливания. На протяжении десятилетий медицинская практика наиболее развитых западных стран весьма легкомысленно относилась к грудному вскармливанию, доминировала идея, что его можно легко и безболезненно заменить искусственными смесями. В итоге сложилась довольно удивительная ситуация, когда отстающие в развитии страны мира по показателю распространенности грудного вскармливания оказываются в лучшей ситуации, нежели развитые страны мира (рисунок 2).

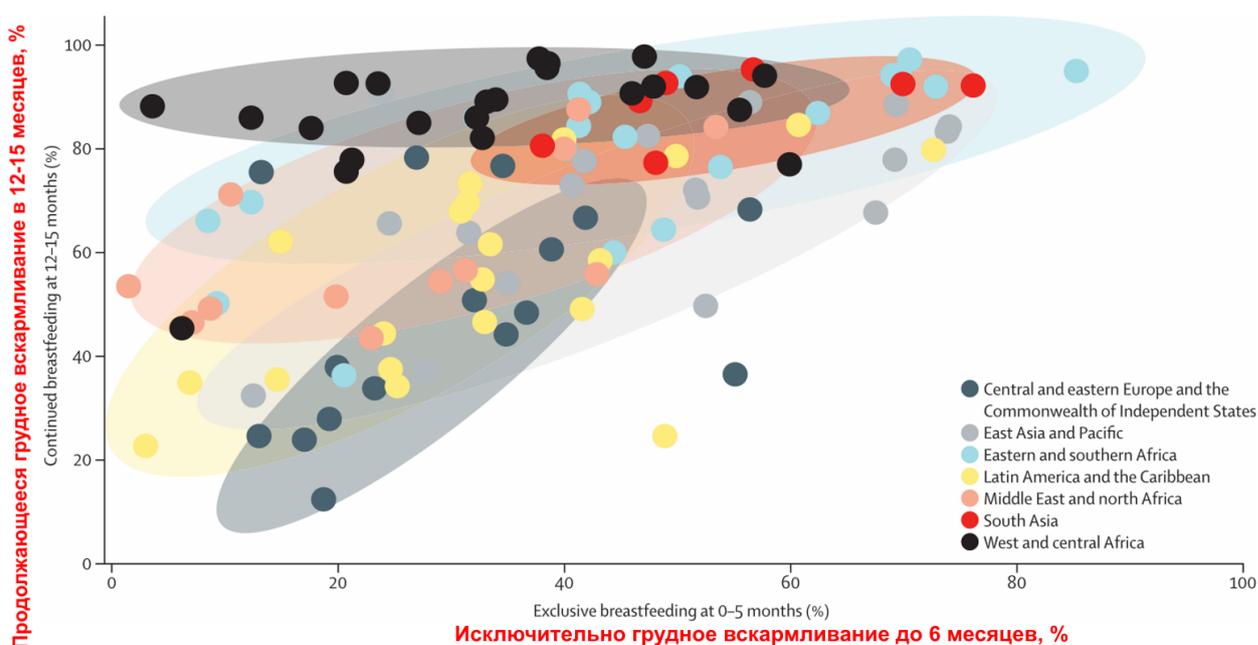

Рисунок 2. Распространенность и продолжительность грудного вскармливания по регионам мира

По расчетам авторов, если бы грудное вскармливание было бы безальтернативной практикой по всему миру, в 2015 г. удалось бы избежать 823 тыс. смертей детей в возрасте до 2 лет, что составило бы 13,8% от общего количества смертей в данном возрасте. Кроме того, повсеместное распространение грудного вскармливания снизило бы смертность женщин от рака груди.

Авторы приводят удивительно подробную таблицу, в которой сводят воедино разнообразные свидетельства влияния грудного вскармливания на здоровье детей и матерей в краткосрочной и долгосрочной перспективах.

HOW FAR DO INTERNAL MIGRANTS REALLY MOVE? DEMONSTRATING A NEW METHOD FOR THE ESTIMATION OF INTRA-ZONAL DISTANCE

[Stillwell J., M. Thomas (2016). How far do internal migrants really move? Demonstrating a new method for the estimation of intra-zonal distance // Regional Studies, Regional Science. 3(1): 28-47. doi.org/10.1080/21681376.2015.1109473]

11% англичан переменили место жительства в течение года, предшествовавшего переписи населения 2011 г. При этом лишь две пятых от числа переселенцев переместились в другой район (здесь имеются в виду районы LAD, которых в Англии 324; см. рисунок 3d). Подобные данные неплохо иллюстрируют знаменитую закономерность убывания интенсивности миграционных потоков с расстоянием. Однако данные переписи едва ли позволяют детально изучить, как далеко перемещается большая часть внутренних мигрантов в пределах административных статистических районов. Джон Стиллвелл и Майкл Томас постарались ответить на этот вопрос, используя данные крупного потребительского обследования Acxiom's Research Opinion Poll, содержащие информацию о переселенцах с привязкой по почтовым адресам. Таким образом, данные о перемещении каждого из более чем 125 тыс. уникальных переселенцев действительно отражают преодоленное им расстояние (в отличие от подавляющего большинства подобных исследований, когда речь идет о расстоянии между центроидами соответствующих административных единиц).

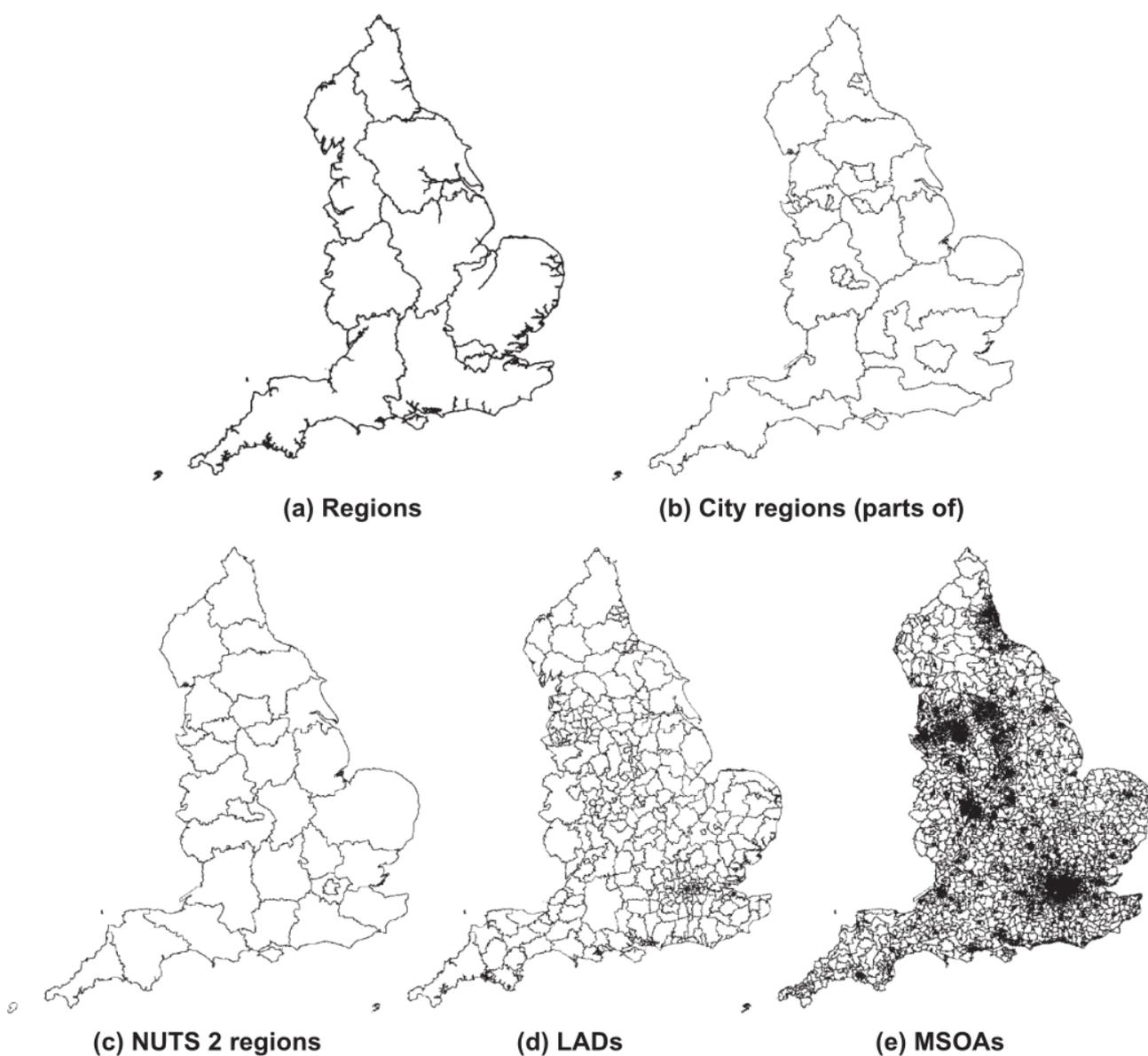

Рисунок 3. Административно-территориальное деление Англии

Результаты своих расчетов на более детальных данных авторы сравнивали с широко применимыми аналогичными расчетами, основанными на пространственной привязке к центроидам административных районов. Сравнение двух методов выявляет значительные отличия, разумеется, не в пользу более грубого метода центроидов (рисунки 4, 5).

Огрубление данных и дальности перемещения, связанные с процедурой расчетов на основе центроидов административных единиц, в итоге существенно завышает средние показатели дальности миграций. Особенно ярко это расхождение заметно на данных высокой степени пространственной агрегации (панели a и b рисунков 4 и 5), а также на внутрирайонных перемещениях (рисунок 5). Реальные перемещения людей оказываются значительно короче, чем мы привыкли считать, опираясь на традиционные оценки.

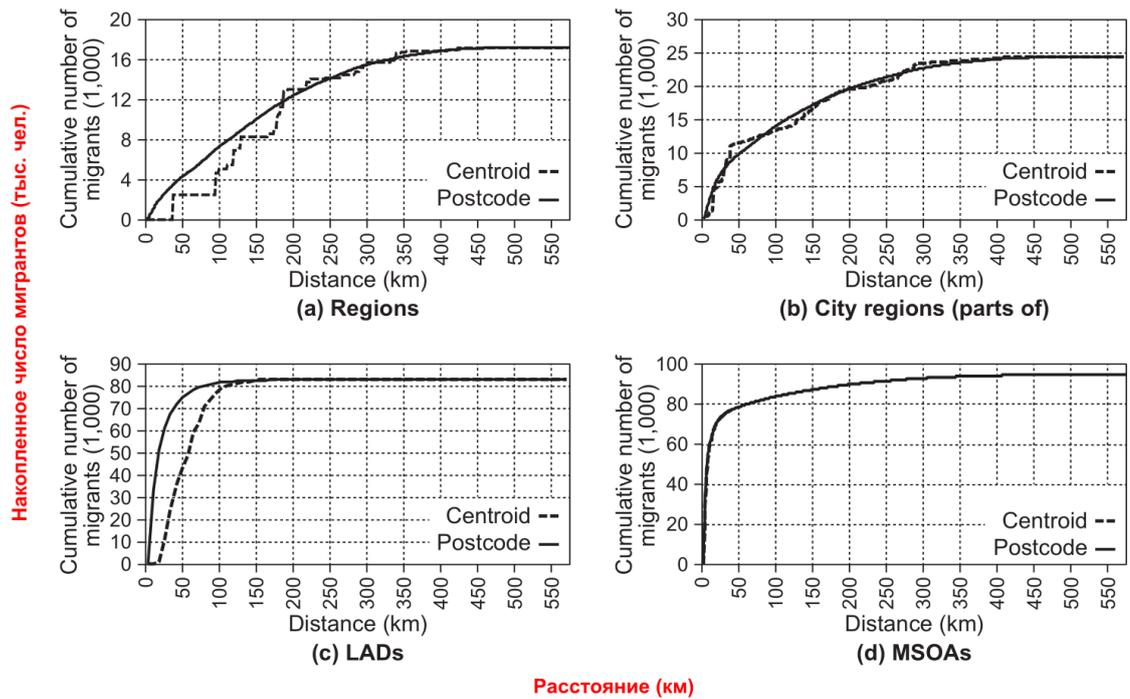

Рисунок 4. Накопленные числа межрайонных мигрантов по уровням АД

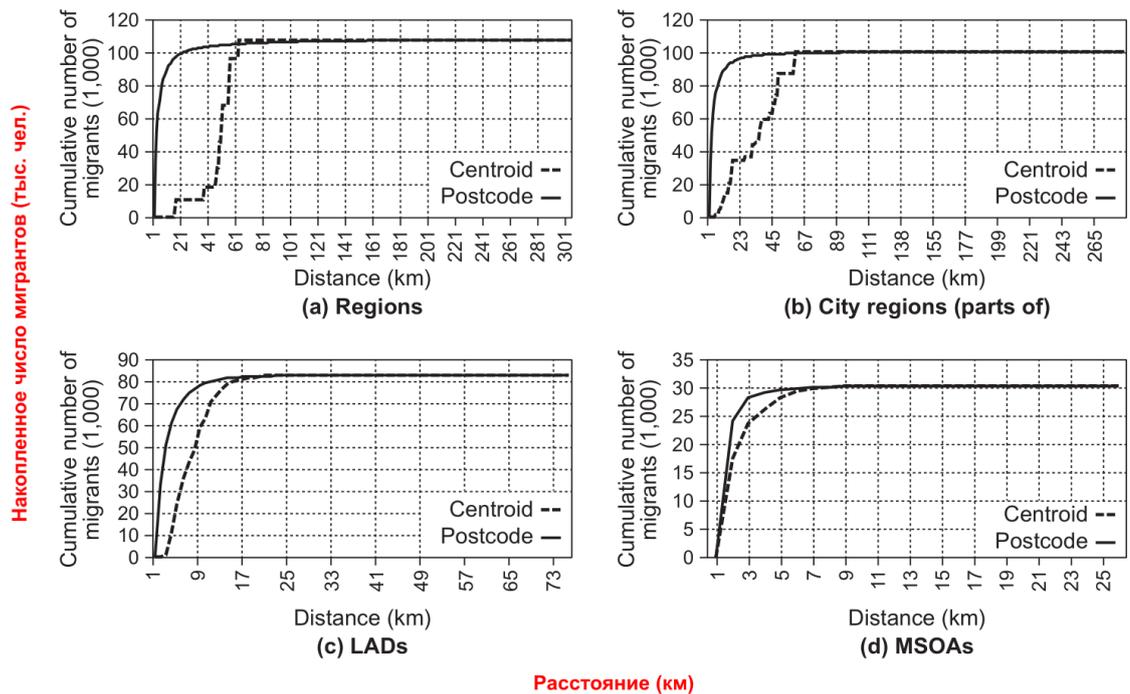

Рисунок 5. Накопленные числа внутрирайонных мигрантов по уровням АД

В заключительной части работы авторы предлагают новый метод регрессионного моделирования дальности перемещения внутренних мигрантов в зависимости от площади административно-территориальных единиц. Метод оказывается значительно более точным, нежели широко применимый традиционный метод расчета, когда радиус окружности, равной по площади изучаемой административной единице, делится на корень из двух.

Традиционный метод предсказывает значительно большие расстояния, чем наблюдаются в действительности. Однако до недавнего времени этот феномен оказывался незамеченным, поскольку не было достаточно детальных данных, чтобы скорректировать наши представления о реальных дальностях переселения внутренних мигрантов. Исследование Стилвелла и Томаса корректирует наши представления о реальных расстояниях, которые проделывают внутренние мигранты.

DOES SECOND-HOME OWNERSHIP TRIGGER MIGRATION IN LATER LIFE?

[Marjavaara R., E. Lundholm (2016). *Does Second-Home Ownership Trigger Migration in Later Life?* // *Population, Space and Place*. 22(3): 228-240. doi.org/10.1002/psp.1880]

Пристальное внимание в последние годы уделяется мобильности пожилого населения. Со стремительным ростом доли пожилого населения в развитых странах мира их переселения становятся все более значимым демографическим фактором. Рождер Марьяваара и Эмма Лундхольм изучили, насколько интенсивность миграции в пожилом возрасте зависит от наличия второго дома. Наличие второго дома у пожилых людей в периферийных сельских районах довольно часто выдвигалось в качестве объяснения феномена положительного миграционного баланса на этих периферийных территориях. Логика примерно такая: стоимость владения "запасным" домом на периферии, как правило, доставшимся по наследству, на протяжении жизни сравнительно невысока, зато туда удобно переселиться на старости лет. Однако это удобное объяснение не подвергали прежде проверке реальными данными. Этим и занялись авторы статьи.

Авторы выдвинули три гипотезы о влиянии второго дома на миграционную активность пожилого населения: 1) владельцы второго дома менее склонны к миграции, но используют второй дом в качестве альтернативы постоянному месту жительства; 2) владельцы второго дома более склонны к постоянным перемещениям между двумя домами; 3) второй дом рассматривается как альтернатива для переезда на постоянное жительство на старости лет. Визуальное отображение гипотез - на рисунке 6.

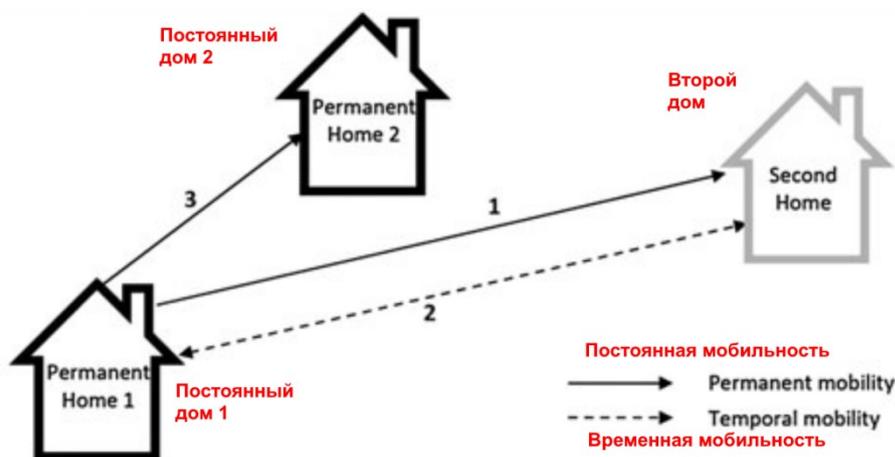

Рисунок 6. Три гипотезы влияния второго дома на миграцию в пожилом возрасте

Для проверки гипотез авторы использовали данные шведского регистра обо всех людях в возрасте 55-70 лет за период с 1999 по 2008 г., всего - чуть более 3 млн человек. В целом владельцы вторых домов склонны к большей мобильности (рисунок 7), однако, если исключить из этой мобильности перемещение между домами, то интенсивность оказывается ниже, чем у не владеющих вторыми домами (рисунок 8).

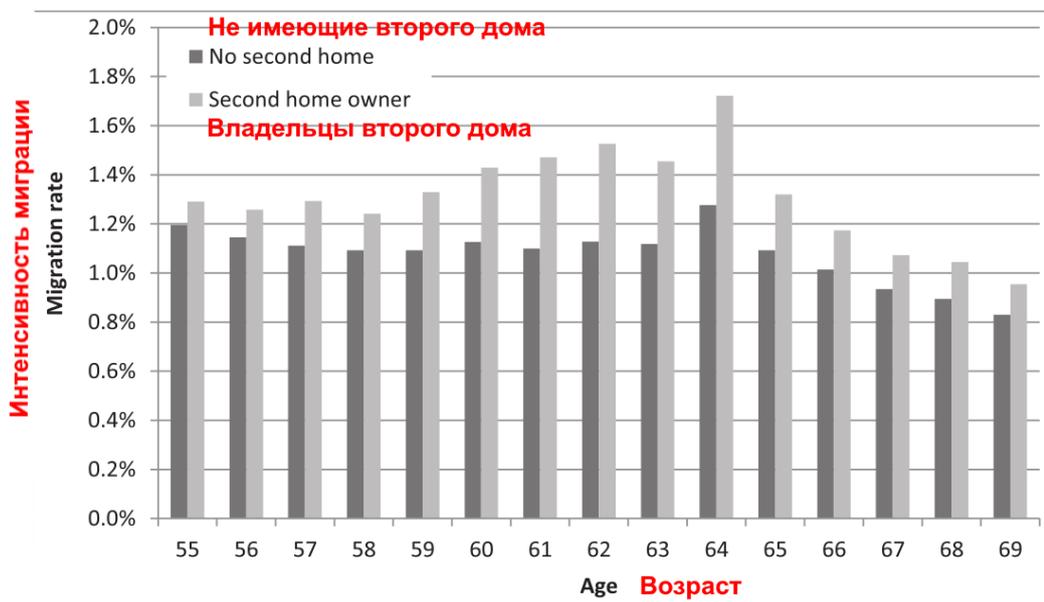

Рисунок 7. Интенсивность миграции на расстояние более 25 км, Швеция, люди в возрасте 55-69 лет, 1999-2008

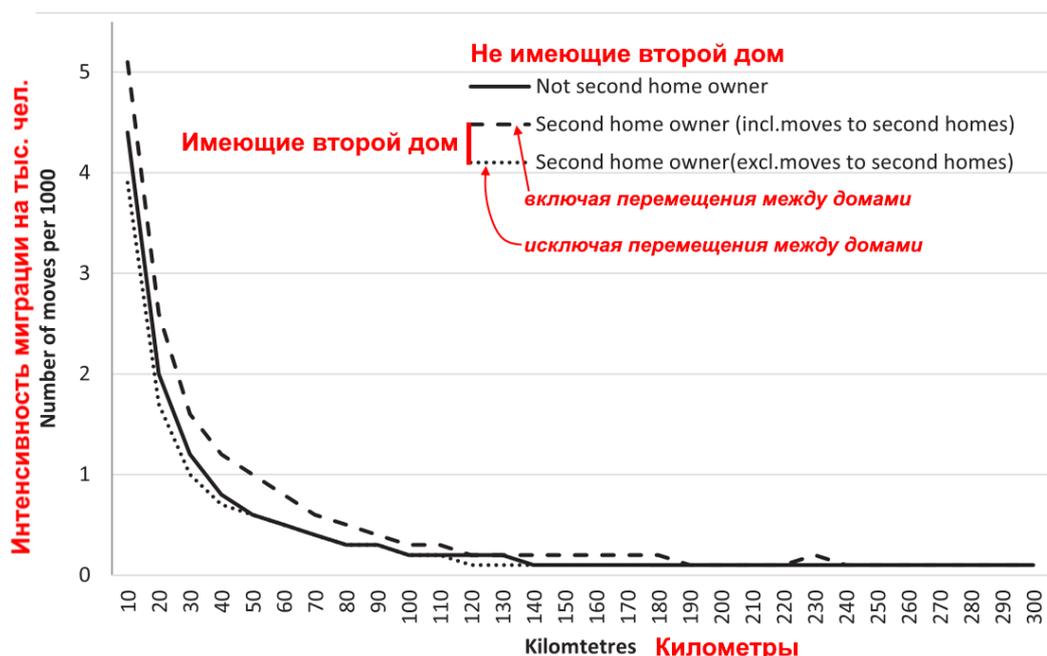

Рисунок 8. Интенсивность миграции в зависимости от дальности и наличия второго жилья, Швеция, люди в возрасте 55-69 лет, 1999-2008

Результаты анализа показывают, что факт наличия второго дома действительно влияет на мобильность пожилого населения. Однако, как правило, речь идет о мобильности

между домами, а не о переселении на старости лет. Таким образом, наибольшее эмпирическое подтверждение получила вторая гипотеза. Дальнейшее исследование темы, по мнению авторов, необходимо для того, чтобы определить роль второго дома в жизни пожилых людей.

INTERNAL MIGRATION AND DEVELOPMENT: COMPARING MIGRATION INTENSITIES AROUND THE WORLD

[Bell M., E. Charles-Edwards, P. Ueffing, J. Stillwell, M. Kupiszewski, D. Kupiszewska (2015). *Internal Migration and Development: Comparing Migration Intensities Around the World* // *Population and Development Review*. 41(1): 33-58. doi.org/10.1111/j.1728-4457.2015.00025.x]

Коллективными усилиями группы исследователей внутренней миграции (Мартин Бэлл, Элин Чарльз-Эдвардс, Филипп Уйфинг, Джон Стиллвелл, Марек Купижевски и Дорота Купижевска) предпринята попытка решения амбициозной задачи сравнения уровней интенсивности внутренней миграции во всех странах мира, для которых имелись более или менее надежные данные (рисунок 9).

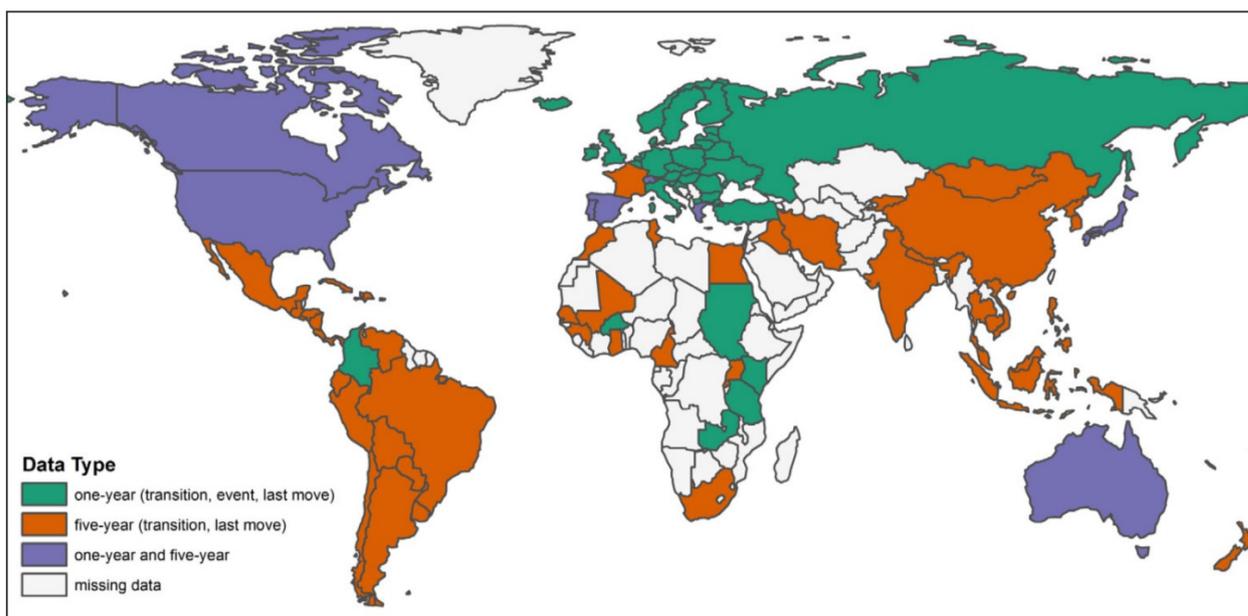

Рисунок 9. Доступность и характер данных о внутренней миграции в странах мира

Помимо неполноты данных, задача осложнялась также и тем, что в разных странах система статистического учета внутренней миграции налажена по-разному и данные доступны либо за однолетние, либо пятилетние периоды (рисунок 9). Для сравнения между группами стран с разным данными использовалась процедура z-стандартизации, когда реальные значения заменяются на стандартные отклонения от среднего по выборке значения при условии нормального распределения данных. Стандартизованные коэффициенты дают общее представление об интенсивности внутренней миграции в разных странах мира (рисунок 10).

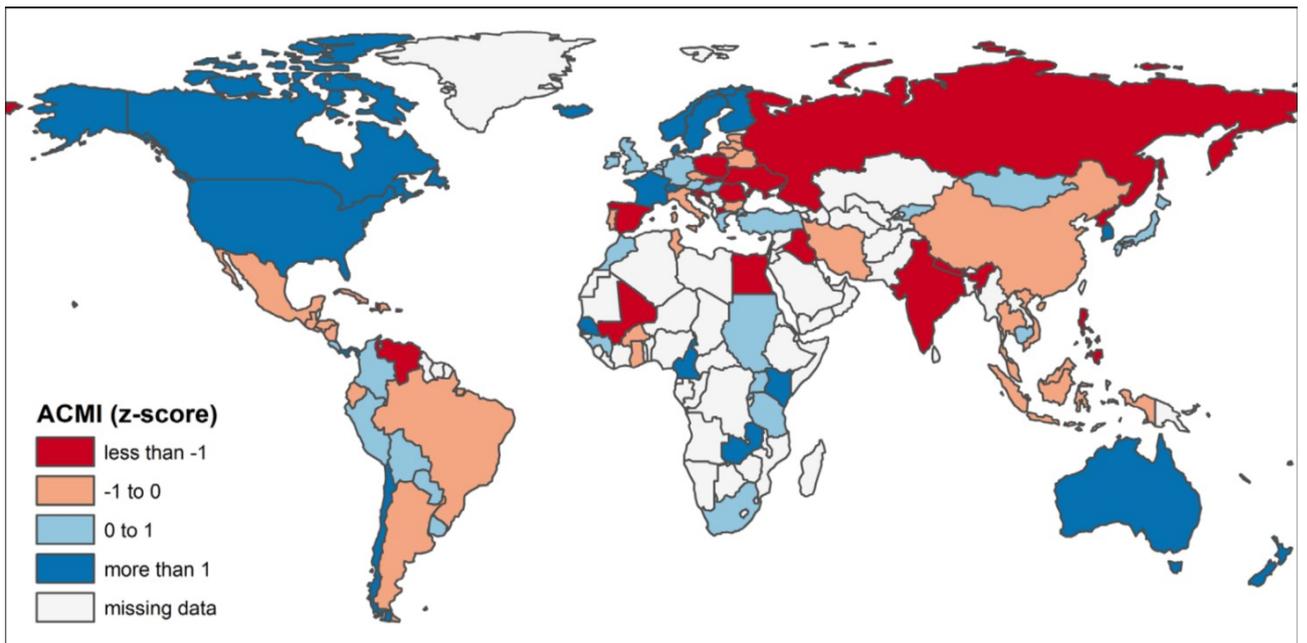

Рисунок 10. Стандартизованные интенсивности внутренней миграции

В целом наиболее подвижным оказывается население в исконно-переселенческих странах: США, Канаде, Австралии и Новой Зеландии. Население стран Азии, как правило, менее мобильно, за исключением наиболее развитых Южной Кореи и Японии. В Европе наблюдается четкая пространственная закономерность: внутренняя миграция максимальна в странах Северной Европы и минимальна в странах бывшего соцлагеря. Качество данных для стран Африки вызывает наибольшие сомнения исследователей, однако существующие данные показывают сравнительно высокие уровни мобильности населения (вероятно, не всегда добровольной).

В завершение работы авторы отмечают, что существующие практики статистического учета позволяют лишь говорить о внутренних переселенцах на постоянное место жительства и не учитывают прочих форм временной мобильности населения.

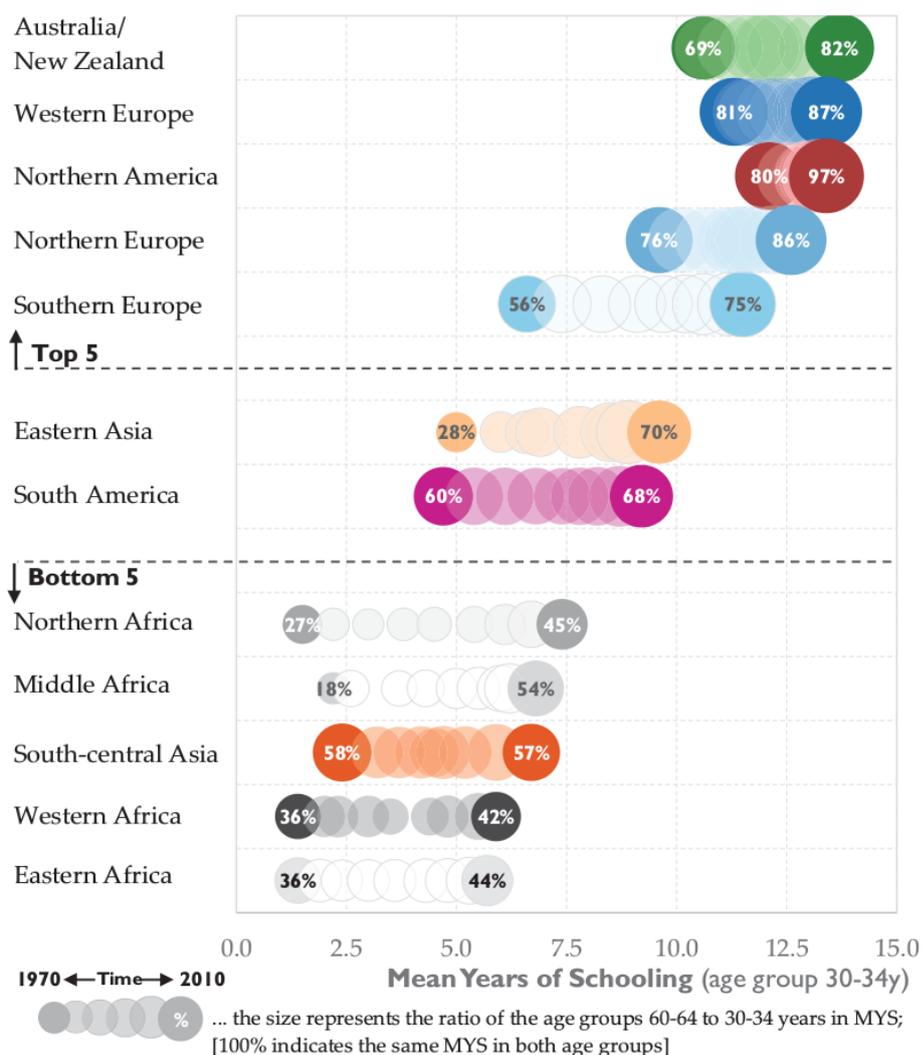
A HARMONIZED DATASET ON GLOBAL EDUCATIONAL ATTAINMENT BETWEEN 1970 AND 2060 – AN ANALYTICAL WINDOW INTO RECENT TRENDS AND FUTURE PROSPECTS IN HUMAN CAPITAL DEVELOPMENT

[Goujon A., S. KC, M. Springer, B. Barakat, M. Potancoková, J. Eder, E. Striessnig, R. Bauer, W. Lutz (2016). A harmonized dataset on global educational attainment between 1970 and 2060 – an analytical window into recent trends and future prospects in human capital development // Journal of Demographic Economics. 82(3): 315–363. doi.org/10.1017/dem.2016.10]

Группа демографов из Центра демографии и человеческого капитала в мире имени Виттгенштейна (Вена, Австрия) опубликовали грандиозный результат многолетнего кропотливого труда десятков исследователей: набор гармонизированных данных об образовательной структуре населения по пятилетним возрастным группам для 171 страны

за период с 1970 по 2010 г., а также прогнозные данные на полвека вперед (до 2060 г.). В примечании к статье венские демографы благодарят за содействие своих коллег из Центра изучения населения Миннесоты (IPUMS), Демографического отдела ООН, Французского института демографии (INED) и Института статистики и экономических исследований (INSEE), а также бесчисленных сотрудников национальных статистических ведомств - одно это дает представление о масштабе проделанной работы по сбору данных.

Помимо ключевых комментариев о методологии гармонизации данных для различных стран мира и принципиальном отличии набора данных от прочих попыток собрать и унифицировать подобную информацию, в статье также приводится подробный анализ динамики образовательной структуры населения по макрорегионам мира.

...размер обозначает отношение средней продолжительности обучения в возрастной группе 60-64 к аналогичному показателю в возрастной группе 30-34.

Рисунок 11. Средняя продолжительность обучения в возрастной группе 30-34 года по регионам мира и соотношение показателя в соседних поколениях

Средняя продолжительность образования на протяжении 1970-2010 гг. росла во всех регионах мира (рисунок 11). Кроме того, видно, что в наиболее развитых странах мира за последние десятилетия продолжительность образования приблизилась к некоторому равновесному уровню, когда образованность старшего (60-64 года) и младшего (30-34 года) поколения мало отличается.

Изучая такое всемирное революционное явление, как экспансия образования, важно понимать, что процесс происходит не одномоментно и есть значительные различия в образованности населения как между регионами мира, так и внутри них между отдельными странами. При этом различия между макрорегионами мира минимальны до и после образовательной революции и максимальны в ее процессе (рисунок 12) - в этом экспансия образования ничем не отличается от прочих процессов глобальной модернизации.

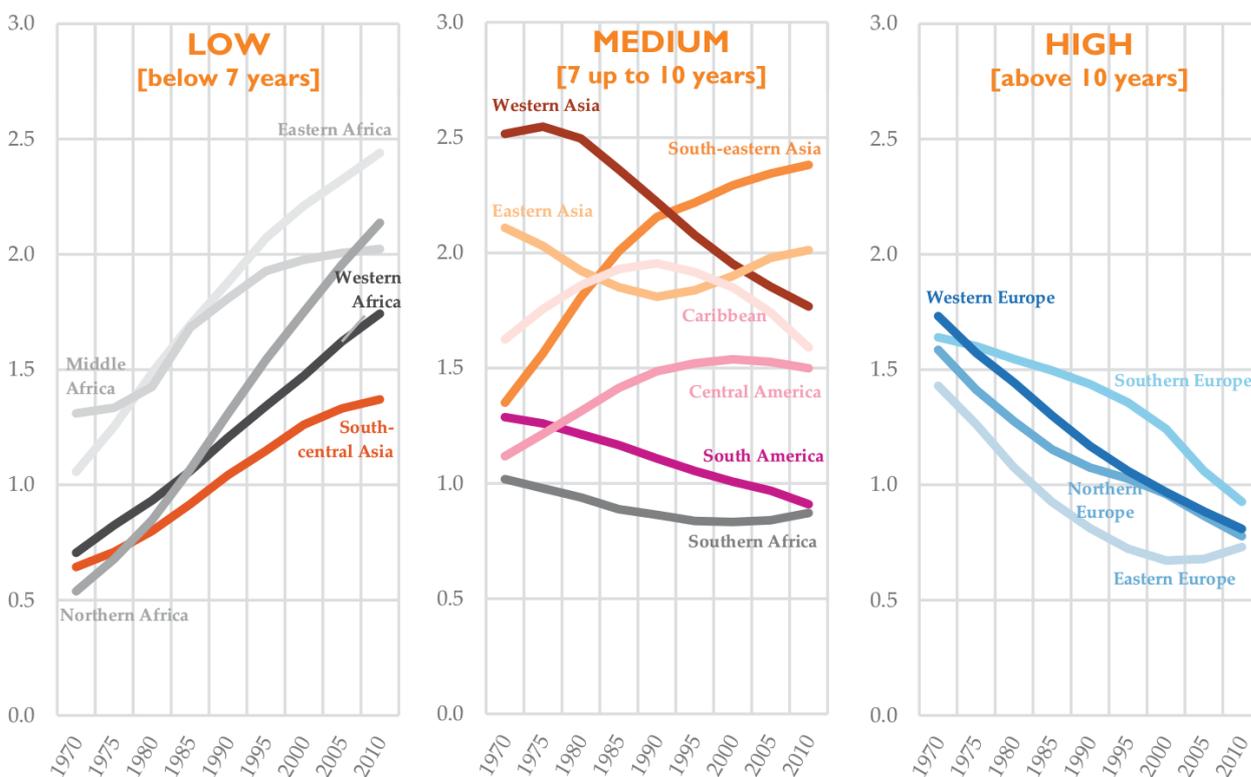

Рисунок 12. Стандартные отклонения макрорегионов мира по средней продолжительности образования среди населения в возрасте 25-59 года (показывает насколько однородны или неоднородны страны, входящие в макрорегион) отдельно для отстающих, средних и лидирующих макрорегионов

В наименее развитых с точки зрения образованности населения регионах мира, где взрослые люди в среднем учились менее 7 лет, различия между странами внутри макрорегионов были ничтожны в начале изучаемого периода и значительно выросли к его концу. В наиболее развитых странах, где в 2010 г. средняя продолжительность образования превышала 10 лет, на протяжении изучаемого периода различия между странами, входящими в макрорегионы, неуклонно сокращались.

DOES CORRUPTION PROMOTE EMIGRATION? AN EMPIRICAL EXAMINATION

[Cooray A., F. Schneider (2015). *Does corruption promote emigration? An empirical examination* // *Journal of Population Economics*. 29(1): 293-310. doi.org/10.1007/s00148-015-0563-y]

Глобализация, стремительные изменения демографической ситуации, политические конфликты, трансформации социальных институтов, изменение климата - все эти факторы приводят к усилению миграции населения как на международном, так и на внутривосточном уровне. Причины, побуждающие людей к смене места жительства, принято делить на две категории: притягивающие (pull) и выталкивающие (push). Многочисленные предыдущие исследования доказывали значимость отдельных факторов как на уровне государства, так и на индивидуальном уровне. Так, например, к притягивающим факторам принимающей территории принято относить высокие доходы населения, лучшие условия жизни, наличие диаспор и социальных сетей. Напротив, из родных стран людей выталкивают безработица, низкие заработки, общая неудовлетворенность жизнью, слабость социальных институтов. Перечень факторов, влияющих на миграцию населения, постоянно пополняется вместе с новыми подтверждающимися исследовательскими гипотезами. Аруша Курэй и Фредерик Шнайдер проверяют значимость очередного из выталкивающих факторов, способного влиять на интенсивность рабочей эмиграции: уровня коррупции в стране исхода.

Согласно исследовательской гипотезе, коррупция способна напрямую влиять на эмиграцию населения. Распространенность коррупции ухудшает рабочие и жизненные условия большей части населения, мотивируя многих к радикальным изменениям этих условий. В частности, авторы предполагают, что наиболее подверженными желанию уехать из насквозь коррумпированной страны слоями населения оказываются наиболее образованные работники. Высокий уровень коррупции разрушает здоровую конкуренцию на всех уровнях развития карьеры, что должно наиболее болезненно отражаться именно на тех работниках, которые бы получили наибольшие дивиденды в условиях честной конкуренции (самых образованных). В целом коррупция обесценивает инвестиции в человеческий капитал, побуждая наиболее недооцененных людей уезжать за заслуженным вознаграждением в другие места. Кроме того, наиболее образованные слои населения, вероятно, более страдающие от распространенной коррупции, имеют большие шансы успешно эмигрировать в наиболее развитые страны, которые предъявляют все более жесткие требования к иммигрантам. Изучение нелинейной зависимости эмиграции от коррупции по уровню образования - наиболее интересная задача данного исследования, ранее в научной литературе не освещавшаяся. Кроме того, среди свежих результатов работы - раздельное моделирование для стран с низким и высоким уровнем неравенства доходов.

Результаты подтверждают базовую гипотезу: с ростом уровня коррупции отток населения усиливается. Подтверждается и гипотеза о том, что наиболее образованные слои населения более подвержены данному воздействию. В целом есть ярко выраженная положительная взаимосвязь между уровнем коррупции и интенсивностью оттока населения. Однако эта сильная взаимосвязь не линейна.

С ростом уровня коррупции наиболее образованные работники демонстрируют неизменно большую склонность покинуть более коррумпированные общества. Напротив, эмиграция населения с низким и средним уровнем образования усиливается только до определенного уровня роста коррупции, а затем снижается. Дополнительный анализ по уровню неравенства доходов показывает, что, вероятно, достаточно высокие уровни коррупции и неравенства одновременно резко сокращают возможности для эмиграции менее образованных граждан. Таким образом, результаты подтверждают многочисленные более ранние свидетельства о наличии так называемой "ловушки бедности", удерживающей наиболее неблагополучные слои общества от закономерного желания эмигрировать. Альтернативное объяснение заключается в том, что ограничения иммиграционной политики наиболее развитых стран отсеивают менее образованных претендентов. Поскольку уровень коррупции сильно связан с общим уровнем развития человеческого потенциала, наименее образованные слои населения сильно коррумпированных стран объективно имеют ничтожные шансы пробиться через иммиграционные фильтры развитых стран.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что развивающимся странам надо уделять пристальное внимание борьбе с коррупцией, если они не желают терять наиболее образованную часть своего населения. Кроме того, многочисленные исследования показывают, что высокообразованные люди в целом более мобильны и склонны к миграции. Поэтому заметное снижение уровня коррупции может не только предотвратить утечку умов, но и мотивировать ранее уехавших соотечественников вернуться.

В завершении статьи авторы призывают не забывать, что все описанные результаты построены на анализе данных о переселении людей совершенно разного происхождения в 20 развитых странах ОЭСР. Таким образом, строго говоря, результаты относятся только к иммиграции в наиболее развитые страны мира. О применимости их к развивающимся странам можно будет с уверенностью говорить, когда советующие данные для аналогичного анализа будут доступны для развивающихся стран.

DIFFERENCES IN ATTITUDES TOWARDS IMMIGRATION BETWEEN AUSTRALIA AND GERMANY: THE ROLE OF IMMIGRATION POLICY

[Ueffing P., F. Rowe, C.H. Mulder (2015). Differences in Attitudes towards Immigration between Australia and Germany: The Role of Immigration Policy // Comparative Population Studies. 40(4): 437–464. doi.org/10.12765/CPoS-2015-18en]

Филипп Уйффинг, Франческо Роув и Клара Мюльдер изучили взаимосвязь между государственной иммиграционной политикой и общественным отношением к иммиграции на основе двух контрастных примеров. В ответ на масштабный приток иммигрантов Германия и Австралия выработали совершенно разные государственные подходы к регулированию процесса. В какой степени официальная государственная политика может влиять на общественное восприятие иммиграции?

Двойное отношение к иммиграции свойственно всем развитым странам, и с ростом масштаба явления полярность двух крайних точек зрения становится все отчетливее. С одной стороны, иммиграция рассматривается как благоприятная возможность пополнить население страны трудоспособной силой, а также увеличить культурное разнообразие. Таким образом, принимая иммигрантов, развитые страны в долгосрочной перспективе решают многочисленные проблемы, связанные с современным уровнем демографического развития, например проблемы низкой рождаемости и ускоренного старения населения. С другой стороны, резкое увеличение доли иммигрантов в обществе вызывает опасения насчет устойчивости систем социального обеспечения, стремительно возрастающей конкуренции за рабочие места и постепенного растворения национальной культуры.

Преыдушие исследования общественного отношения к иммиграции выявляли значимость различных характеристик населения как на индивидуальном, так и на макроуровне. Например, эмпирическим путем было показано, что такие характеристики, как высокий уровень образования, проживание на урбанизированной территории и наличие персональной миграционной истории положительно связаны с отношением к иммиграции. Однако межстрановые сравнения подобных исследований до сих пор довольно редки и не всегда приводят к однозначным выводам.

Авторы работы проверяют гипотезу, согласно которой общественное отношение к иммиграции в той или иной степени отражает позицию официальной государственной иммиграционной политики. Они исследуют общественное отношение к иммиграции применительно к ее влиянию на следующие четыре составляющие общественной жизни: 1) национальную экономику; 2) рынок труда; 3) национальную культуру; 4) уровень иммиграционного притока.

Выбор для сравнения Австралии и Германии не случайный. В Австралии после Второй мировой войны сформировалось четкое понимание необходимости стройной государственной политики в области привлечения и отбора иммигрантов с тем, чтобы увеличить численность населения страны и обеспечить стабильный экономический рост. Иммиграционная политика выстроена таким образом, чтобы привлекать наиболее образованных переселенцев независимо от страны происхождения и помогать им как можно скорее адаптироваться. В Германии же, напротив, несмотря на колоссальный приток иммигрантов, не сложилось единой и непротиворечивой концепции иммиграционной политики. Если опираться на высказывания политиков, можно подумать, что население Германии до сих пор представляет собой культурно монолитное общество, хотя де-факто это уже совсем не так.

Исходя из различий иммиграционной политики двух стран и гипотезы о том, что общественное мнение следует за официальной политикой, авторы предполагают обнаружить в Австралии значительно более лояльное отношение населения к иммиграции, нежели в Германии.

Результаты анализа подтверждают исходные гипотезы и показывают статистически значимые различия в отношении к иммиграции населения Австралии и Германии по всем четырем критериям. При этом наибольшее различие было выявлено по отношению людей к влиянию иммиграции на национальную экономику: более 70% респондентов в Австралии

считали, что иммиграция оказывает положительное воздействие на развитие экономики, в то время как в Германии эта доля составила лишь 26%. По прочим исследованным критериям различие не столь разительное, но тем не менее составляет внушительные 20 процентных пунктов (таблица 4).

Таблица 4. Отношение общества к различным аспектам воздействия иммиграции, доля позитивно настроенных респондентов

	Экономика	Рынок труда	Культура	Рост иммиграции
Австралия	70,5	49,6	74,7	23,4
Германия	26,3	29,2	54,4	4,5
Статистическая значимость различий				
Хи-квадрат статистика	594,26	129,93	144,77	192,86
P-значение	0,000	0,000	0,000	0,000

Любопытны также различия респондентов в отношении к иммиграции применительно к разным сферам жизни. Так, в обеих странах наибольшее одобрение иммиграция вызывает в контексте влияния на культуру. В Австралии аналогично позитивные взгляды на иммиграционное воздействие на экономику, в то время как в Германии доля оптимистично настроенных респондентов в этом отношении существенно ниже. Наиболее скептически в обеих странах респонденты настроены по отношению к дальнейшему увеличению притока иммигрантов.

Дополнительный анализ индивидуальных характеристик респондентов подтверждает известные ранее результаты: все персональные характеристики развития человеческого капитала и уровня жизни положительно связаны с позитивным восприятием иммиграции, равно как и наличием собственного миграционного опыта.

Результаты анализа, по мнению авторов, ярко отражают влияние иммиграционной политики на общественное восприятие иммиграции.

DEMOGRAPHIC DIGEST

ILYA KASHNITSKY

- *Murphy M. The Impact of Migration on Long-Term European Population Trends, 1850 to Present*
- *Kelle J., A.O. Haller. Who Benefits from Economic Growth? Work and Pay in Brazil*
- *Victoria C.G., R. Bahl, A.J.D. Barros, G.V.A. França, S. Horton, J. Krasevec, S. Murch, M.J. Sankar, N. Walker, N.C Rollins. Breastfeeding in the 21st century: epidemiology, mechanisms, and lifelong effect*
- *Stillwell J., M. Thomas. How far do internal migrants really move? Demonstrating a new method for the estimation of intra-zonal distance*
- *Marjavaara R., E. Lundholm. Does Second-Home Ownership Trigger Migration in Later Life?*
- *Bell M., E. Charles-Edwards, P. Ueffing, J. Stillwell, M. Kupiszewski, D. Kupiszewska. Internal Migration and Development: Comparing Migration Intensities Around the World*
- *Goujon A., S. KC, M. Speringer, B. Barakat, M. Potancoková, J. Eder, E. Striessnig, R. Bauer, W. Lutz. A harmonized dataset on global educational attainment between 1970 and 2060 – an analytical window into recent trends and future prospects in human capital development*
- *Cooray A., F. Schneider. Does corruption promote emigration? An empirical examination*
- *Ueffing P., F. Rowe, C.H. Mulder. Differences in Attitudes towards Immigration between Australia and Germany: The Role of Immigration Policy*

ILYA S. KASHNITSKY (ikashnitsky@hse.ru), NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, RUSSIA; UNIVERSITY OF GRONINGEN (RUG) AND NETHERLANDS INTERDISCIPLINARY DEMOGRAPHIC INSTITUTE (NIDI, NETHERLANDS).

DATE RECEIVED: JULY 2016.